

UNIwersytet WarMińsko-Mazurski w Olsztynie
UNIVERSITY OF WARMIA AND MAZURY IN OLSZTYN

Acta Neophilologica

VIII

WYDAWNICTWO
UNIwersytetu WarMińsko-Mazurskiego
OLSZTYN 2006

Rada Programowa

Franciszek Apanowicz, Anna Bednarczyk, Józef Darski, Władimir Griesznych,
Aleksander Kiklewicz, Joanna Kokot, Ewa Nikadem-Malinowska,
Jolanta Miturska-Bojanowska, Grzegorz Ojcewicz (przewodniczący),
Heinrich Pfandl, Jurij Pradid, Stanisław Puppel, Klaus Steinke,
Ewa Żebrowska, Aleksander Żółkowski, Bogusław Żyłko

Recenzenci

Jan Czykwin, Józef Darski, Władimir Griesznych, Olesij Prokopczuk

Sekretarz redakcji

Joanna Orzechowska
e-mail: joanao@wp.pl

Adres redakcji

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Instytut Neofilologii
ul. Kurta Obitza 1, 10-725 Olsztyn,
tel. fax (0-89) 527 58 47, (0-89) 524 63 69
<http://human.uwm.edu.pl/slowianie/actaa.htm>

Projekt okładki

Barbara Lis-Romańczukowa

Redakcja wydawnicza

Danuta Jamiołkowska, Małgorzata Kubacka

ISSN 1509-1619

© Copyright by Wydawnictwo UWM • Olsztyn 2006

Wydawnictwo UWM
ul. Jana Heweliusza 14, 10-718 Olsztyn
tel. (0-89) 523 36 61, fax (0-89) 523 34 38
www.uwm.edu.pl/wydawnictwo/
e-mail: wydawca@uwm.edu.pl

Ark. wyd. 12,8; ark. druk. 10,75
Druk: Zakład Poligraficzny UWM w Olsztynie, zam. 560

SPIS TREŚCI

Grzegorz Ojcewicz, <i>Od Redaktora</i>	5
Aleksander Kiklewicz, <i>Bez cenzury. Słowo wstępne</i>	7

Językoznawstwo i glottodydaktyka

Елена Земская, <i>Активные процессы в русском словообразовании нашего времени</i>	9
Ольга Ермакова, <i>Семантические процессы в русском языке на рубеже веков</i>	23
Sabine Dönninghaus, <i>Demokratisierung der russischen Wissenschaftssprache?</i>	33
Ярослав Довгопольий, <i>Этнофолизмы как прозвища с эмоционально-экспрессивной оценкой</i>	49
Jan Sosnowski, <i>Leksyka społeczno-polityczna w kolejnych wydaniach „Słownika języka rosyjskiego”</i> <i>Siergieja I. Ożegowa</i>	59
Ия Блюменталь, <i>Трансформации некоторых англицизмов в современной русскоязычной прессе (по материалам СМИ)</i>	71
Сергей Важник, <i>Беларуская мова ў Інтэрнэце</i>	79
Andrzej Narloch, <i>Особенности образования компьютерного жаргона в русском и польском языках</i>	91

Literuroznawstwo i kulturoznawstwo

Anna Bednarczyk, <i>Poetyka współczesnej pieśni białogwardyjskiej</i>	101
Grzegorz Ojcewicz, <i>Syndrom Dawida. James Baldwin na Zachodzie i w Rosji</i>	111
Светлана Филошкина, <i>Жанр детектива как объект эстетических раздумий</i>	121
Нина Мечковская, <i>Демократизация языков: факторы, коллизии и альтернативы</i>	129
Михаил Лабащук, <i>Критерии демократизации языка</i>	139
Татьяна Рамза, <i>Демократизация содержания текстов масс-медиа (на материале вторичной номинации Беларуси и белорусов)</i>	147
Halina Kudlińska, <i>Стервология, czyli o współczesnej kobiecie rosyjskiej bez cenzury</i>	155
Vjörn Hansen, <i>Экономные, как немцы. Национальные стереотипы и их отражение в коннотациях этнонимов в русском и других языках</i>	163

OD REDAKTORA

W ósmym tomie czasopisma naukowego „Acta Neophilologica” zamieszczono przede wszystkim materiały będące pokłosiem konferencji naukowej, która odbyła się na początku czerwca 2005 roku w Łodzi. Wzięli w niej udział językoznawcy ze wszystkich krajów słowiańskich, a także z Litwy i Niemiec. Teksty pokonferencyjne, ze względu na ich obszerność oraz wyraźny profil tematyczny, zdecydowano się opublikować w dwóch częściach. Wydanie prac o tematyce południowosłowiańskiej powierzono Uniwersytetowi Łódzkiemu i jego „Południowosłowiańskim Zeszytom Naukowym” (t. 3, 2006), a prac poświęconych językowi mediów – Uniwersytetowi Warmińsko-Mazurskiemu w Olsztynie. Zobowiązał się on do zamieszczenia artykułów zarówno w periodyku „Media. Kultura. Komunikacja Społeczna” (t. 2, 2006), jak i do przedstawienia wybranych opracowań w bieżącym numerze „Acta Neophilologica”. Tak zaprezentowany dorobek slawistów wzbogacają wypowiedzi Autorów niebędących uczestnikami łódzkiej konferencji. Słowo wstępne prof. Aleksandra Kiklewicza, poprzedzające niniejszy tom, jest znakomitym wprowadzeniem w problematykę demokracji języka.

Grzegorz Ojcewicz

BEZ CENZURY. SŁOWO WSTĘPNE

Na początku lat 90. XX w. zaznaczył się nowy etap w historii państw Europy Wschodniej i Środkowej. Za jedną z jego najważniejszych cech uznano demokratyzację różnych sfer życia społecznego w krajach, w których wcześniej obowiązywał – w różnym stopniu i w różnych odmianach – model państwa totalitarnego. W krajach byłego obozu socjalistycznego, w tym także w Polsce, ustrój komunistyczny, oparty na ideologii marksizmu, zmienił się na ustrój demokratyczny. Fakt ten wywołał, według Kazimierza Ożoga (*Polszczyzna przełomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia*, Rzeszów 2001), kilka procesów społeczno-politycznych, jak np. powstanie nowych instytucji politycznych oraz wolnorynkowego systemu gospodarczego, uwolnienie się krajów byłego obozu socjalistycznego spod wpływów Związku Radzieckiego, wejście większości z nich w uniwersalny obszar kultury konsumpcyjnej czy stworzenie trwałych podstaw społeczeństwa informacyjnego.

Wspomniane procesy społeczno-polityczne uwarunkowały zmiany w zakresie zachowań językowych, a w szczególności **demokratyzację w sferze komunikacji masowej**. Modyfikacje te polegały „na całkowitej kompromitacji i odsunięciu nowomowy komunistycznej”, jak podaje Ożóg (s. 43), choć w rzeczywistości odsunięcie to okazało się względne. W Polsce procesy demokratyzacji języka zaznaczyły się wyraźnie w mass mediach już w latach 80. ubiegłego stulecia.

Nowe zjawiska w komunikacji społecznej stały się przedmiotem międzynarodowej konferencji naukowej *Bez cenzury. Przejawy demokratyzacji w językach słowiańskich końca XX w.*, zorganizowanej w dniach 2–4 czerwca 2005 roku w Łodzi przez Katedrę Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Łódzkiego wraz z Instytutem Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Inicjatorami konferencji byli prof. Małgorzata Korytkowska (Łódź) oraz prof. Aleksander Kiklewicz (Olsztyn). Symboliczne znaczenie konferencji wynikało z faktu, że jej przeprowadzenie przypadło w piętnastą rocznicę zniesienia cenzury w Polsce (11 kwietnia 1990 roku).

Tematyka wygłoszonych na konferencji referatów obejmowała szeroki zakres zagadnień socjolingwistyki, stylistyki, retoryki, kultury języka, pragmalingwistyki, prasoznawstwa, analizy dyskursu i in. Pojęcie demokratyzacji języka ujmowano na różne sposoby. Większość badaczy traktowała demokratyzację jako kolokwializację, a także nasilenie interakcyjnego (dialogowego) charakteru komunikacji publicznej. W innych referatach podkreślano aspekt konsumpcjonizacji języka, tj. frekwencyjne spotęgowanie leksyki (przede wszystkim rzeczowników), bezpośrednio związanej z kulturą konsumpcyjną – sferą handlu, usług, wyrobów, towarów itd. Zwracano też

uwagę na ekspansję elementów obcojęzycznych, zwłaszcza anglicyzmów, w prasie specjalistycznej, np. w obszarze technologii komputerowych, na nasilenie się funkcji fascynacyjnej, czyli uatrakcyjniania („karnawalizacji”) tekstów dziennikarskich w warunkach rosnącej konkurencji na rynku medialnym oraz na wzrost wielojęzyczności wypowiedzi zarówno za sprawą wpływów języka angielskiego, jak i na skutek poszerzania się sfery funkcjonowania w mediach języków mniejszości narodowych, a także gwar środowiskowych. Znana białoruska badaczka Nina Mieczkowska za cechę demokratyzacji danego języka uznała coraz większy stopień dostępności dla nosicieli tegoż języka jego odmiany literackiej, w porównaniu z innymi językami narodowymi lub innymi odmianami tego samego języka narodowego. Termin „demokratyzacja” w tym ujęciu oznacza proces egalitaryzacji języka i pokonanie nadmiernie skomplikowanego systemu reguł językowych, centralizowane w obrębie polityki językowej, czyli optymalizację systemu języka.

Aleksander Kiklewicz

JEZYKOZNAWSTWO I GLOTTODYDAKTYKA

Елена Земская

Instytut Języka Rosyjskiego im. W. Winogradowa
Rosyjskiej Akademii Nauk

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Введение

1. Словообразование представляет собой особую подсистему языка, специфика которой определяется двумя факторами. Оно вместе с морфологией составляет один уровень языка – морфемный, который состоит из двух подуровней словоизменительного и словообразовательного [Земская 1969].

2. Вместе с тем словообразование тесно связано с лексикой: производные и непроизводные слова составляют словарный (лексический состав языка). Пополнение и развитие словарного состава языка определяется потребностями действительности.

Эти две указанные особенности словообразования определяют специфику его исторического развития. Связь с морфологией приводит к устойчивости тех сторон словообразования, которые опираются на морфологию: состав словообразовательных морфем, их спаянность с морфемами словоизменительными (напр., суфф. *-тель* производит только существительные мужск. р. II склонения, а суфф. *-ость* – существительные только женского рода III склонения), набор способов словообразования не подвержены резким историческим изменениям. Связь с лексикой определяет другую особенность словообразования, его отзывчивость на требования жизни, его чуткое реагирование на заказ действительности. Именно поэтому исторические процессы обнаруживаются более отчетливо в лексико-семантическом аспекте словообразования, т.е. в наполняемости словообразовательных типов новыми производными словами, в активизации тех или иных семантических разрядов производных слов и базовых основ.

Процессы, происходящие в русском словообразовании на рубеже XX–XXI вв., подробно рассматривались во многих работах [см., например: Земская 1996; Земская 1997; Земская 2001; Земская 2002; Земская 2003].

Активность словообразования среди других способов производства номинаций в современном русском языке

Высказывалось мнение, что словообразование выполняет в языке пять функций: номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную и стилистическую [Земская 1992]. На протяжении изучаемого периода все названные функции словообразования находят реализацию, однако особенно интенсивно действуют три: номинативная, экспрессивная и компрессивная.

Для того, чтобы показать высокую активность словообразования, мы провели подсчеты количественного соотношения двух основных способов производства однословных номинаций: заимствования и производные слова. Подсчеты делались по одному из выпусков словаря *Новое в русской лексике. Словарные материалы*.

Было выявлено такое соотношение: 2900 производных слов – 135 заимствований. Можно думать, что эти подсчеты отражают положение, которое характерно для языка конца XX в.

Наиболее действенна номинативная функция словообразования: каждое новое важное явление в политической, экономической, культурной и т.д. жизни общества получает, как правило, наименование, связанное с использованием словообразовательных средств языка. Ср.: *компьютерщик, оборонщик, государственный, льготник, бюджетник, монетизация, ЕГЭ*.

Основные активные процессы словообразования:

Наиболее характерны для словообразования изучаемого периода такие процессы: 1) коллоквиализация, 2) интернационализация, 3) рост аналитизма и черт агглютинативности в структуре производного слова, 4) рост личностного начала и экспрессивности.

Эти процессы охватывают всю область словообразования. Кроме того, имеются процессы, которые распространяются не на все словообразование, а лишь на словообразование отдельных частей речи. См. о них [Земская 1996].

1. Коллоквиализация. Что называют этим термином? Более широкое, чем ранее, функционирование в литературном языке, в том числе в его книжных сферах, средств словообразования и производных слов, имеющих своей „родиной” некодифицированные сферы языка. Наиболее резкий контраст наблюдается между 50-ми годами и концом XX в. Распад тоталитарного государства способствует изменению условий функционирования языка. Отказ от канцелярски-бюрократических способов выражения порождает раскованность и непринужденность, а порой и грубость общения, увеличение употребительности сниженных слоев лексики и словообразования.

Рассмотрим, как проявляется этот процесс в словообразовании разных частей речи.

Существительное. Растет функционирование разряда производных слов с суффиксом *-к(а)*, образованных способом универбации: сокращение в одно

слово сочетаний „прилагательное + существительное”. В качестве базовой используется основа прилагательного. Этот способ словообразования действует в разных славянских языках (например, в чешском и словацком, в последние десятилетия – в польском) и хорошо изучен. В русском языке он специфичен для разговорного языка (РЯ).

Для последнего десятилетия XX в. можно отметить новое явление: широкое проникновение подобных слов в язык периодической печати и устных СМИ. Универбаты именуют явления самых разных сфер жизни: *малогабаритка* (малогабаритная квартира), „*нулевка*” (нулевой класс), „*Рублевка*” (Рублевское шоссе), *нобелевка* (Нобелевская премия).

Журналисты играют такими словами, помещая их в заголовки газетных статей. Известно, что позиция заголовка сильная и включение подобных слов в заголовки придает им особую весомость: *Восьмая „высотка” Москвы* (Сег., 13.03.96); *Гнесинка в ожидании закрытия* (Изв., 28.03.96).

Универбаты в составе заголовков выполняют не только свою обычную компрессивную функцию (сжатие словосочетания в одно слово), но и играют роль экспрессивного средства. Среди универбатов, образованных в последнее десятилетие, выделяется группа слов особой структуры: производные от страдательных причастий: *неучтенка*, *незавершенка* (неучтенные деньги, товары, незавершенное строительство и под.). Несколько примеров: *...со снегом напряженка*. (Сег., 02.09.94); *Спрос на незавершенку в столице упал* (Изв., 21.12.93); *В кассе была обнаружена неучтенка* (ТВ, 12.03.94).

Отметим также включение в литературный язык элементов жаргона и просторечия. Целые серии слов, несущие заряд резкой экспрессивности, оценочности (например, существительные с суффиксами *-ух(a)*, *'аz(a)*, *-'уз(a)* типа *порнуха*, *чернуха*, *бытовуха*; *тюряга*; *пенсюга*, *журналюга* и под.). Функционирование в литературном языке лексем с подобными суффиксами приводит к возрастанию их продуктивности. Однако вопрос о том, становятся ли морфемы такого рода словообразовательными средствами литературного языка, остается открытым.

Рассмотренные факты – свидетельство интенсивного взаимодействия различных сфер языка, происходит проникновение в центр системы литературного языка периферийных элементов.

Глагол. В сфере глагол префиксация часто используется как средство стилистической маркировки: префикс не привносит в глагол особого значения, но указывает на принадлежность глагола к той или иной сфере языка [Земская 1992: 9–12]. Для современного языка особенно характерно производство глаголов, употребительных в нестройной профессиональной речи. Чаще всего при этом используется приставка *за-*: ср. *засолить* (проф.) и *посолить*, *завесить* и *взвесить*, *захоронить* и *похоронить*, *зафотографировать* и *сфотографировать*, *замерить* и *измерить*; *закартографировать* (нанести на карту), *задублировать* (произвести дублирование).

В речи медиков приобретают продуктивность префиксальные глаголы с приставкой *про-*, обозначающие завершение действия, обычно с указанием временного

предела или уточнителем в виде указания количества необходимого для лечения медикамента: *Вам надо две бутылочки прокапать* (о глазных каплях); *Необходимо пролечивать раз в полгода*; *Вы весь курс прокололи?* (об уколах); *Вы должны двести капсул пропить*.

В речи спортсменов активизировался префикс *от-*: *...россиянин не смог без ошибок откатать короткую программу* (Газ., 17.03.05); *Бриан Жубер откатал свою программу без помарок...* (Газ., 17.03.05).

2. Интернационализация. Этот процесс можно считать противонаправленным первому, так как он способствует возникновению или активизации книжной лексики. Широкое проникновение в язык большого массива иноязычных слов способствует интернационализации системы словообразования. Об этом пишут и ученые других славянских и неславянских стран, например [Waszakowa 1994].

Интернационализация в словообразовании выражается в явлениях трех родов:

1) активизация иноязычных по происхождению аффиксальных морфем, приобретающих способность сочетаться с русскими основами;

2) приобретение рядом иноязычных элементов статуса аффиксов в словообразовании русского языка;

3) использование заимствований в качестве базовых основ в русском языке.

Словообразование при этом выполняет интегрирующую функцию (термин Й. Фурдика), т.е. включает иноязычные элементы в систему русского языка.

1) Для первого процесса наиболее показателен рост именной префиксации. Это явление – характернейшая особенность русского языка второй половины XX века. Замечу, что свойственный русскому языку контраст имя/глагол ранее содержал такую характеристику: типический способ словообразования имен – суффиксация, глаголов – префиксация. Это положение теперь требует уточнения. Глагольная префиксация особенно широко использует русские по происхождению приставки, имена широко вовлекают в свое словообразование заимствованные префиксы. К их числу относятся *супер-*, *анти-*, *гипер-*, *де-*, *псевдо-*, *квази-*, *ре-*, *про-*, *контр-* и др. См. подробнее: [Земская 1996].

Общая особенность истории именной префиксации – возрастание ее активности на протяжении XVIII–XX вв. Это явление отмечают не только лингвисты, но и культурологи и литературоведы [Зенкин 1995]. Многие течения и направления искусства именуются не словами новых корней, но префиксальными производными. Ср. *сентиментализм*, *романтизм*, *реализм*, *символизм*, *футуризм* и *импрессионизм* – *постимпрессионизм*, *модернизм* – *постмодернизм*, отмечено даже *постсоцреализм*.

Об активности именных префиксов свидетельствует их употребление – свободное или в соединении с неузуальными распространителями. Некоторые иллюстрации: *...во второй половине двадцатого века обнаруживается типологическое сходство между западным постмодернизмом и современной российской культурой, которая тоже развивается под знаком „пост”*

(*посткоммунизма, постутопизма*) [Эйпштейн 1995: 32]; Конечно, это не русский психологический театр *пост-недостаниславского периода* (Сег., 14.04.94). Ср. высказывание поэта И. Жданова: *Мы существуем в пост-каноническое время, в пост-бытийное, в пост-чего-то* (ЛГ, 24.01.96).

Активизируются прежде всего те приставки, которые выражают смыслы, актуальные для определенного исторического периода в жизни общества. Эти смыслы выражались в русском языке на всем протяжении изучаемого полувека, но в наши дни они приобрели особенно высокую социальную значимость: значение очень высокой степени признака (*супер-, гипер-, сверх-*); уничтожение результатов какого-либо процесса или явления (*де-*); происходящий после чего-либо (*пост-, русск. после-*); противоположенность, отрицание (*анти-, контр-*), неистинность, ложность (*псевдо-, квази-*).

Несколько примеров: *супердержава, супердорогущие билеты, псевдогонец, псевдоненависть, прорусские настроения, проправительственные лозунги, квазинаука*.

Иноязычные суффиксы легко соединяются и с русскими, и с заимствованными базовыми основами. Особую активность обнаруживают суффиксы отвлеченных существительных *-изация*: *православизация школы* (Газ., 5.12.02); *университизация всей страны* (Изв., 24.06.03); *МХАТизация театров* (Изв., 24.04.04); *наркотизация* (Газ., 16.12.04). Высоко употребительно недавно возникшее существительное *монетизация*, обычно в сочетании со словом *льгота*: *монетизация льгот*, т.е. замена льгот деньгами.

2) Появление новых строительных элементов в словообразовании – явление редкое. На протяжении второй половины XX в. стали употребляться как суффиксы такие сегменты иноязычного происхождения: *-дром, -тека, -визор, -мобиль, -бус, -трон*. Морфемизация этих сегментов происходит не сразу. Первоначально они выступают только в составе терминологической лексики. В 70–80-е годы происходит их превращение в словообразовательные аффиксы русского языка [Земская 1992: 125–129].

Рассмотрим подробнее лишь один новый иноязычный элемент: сегмент *-гейт*, вычленившийся из названия Нью-Йоркского отеля *Уотергейт*, связанного с нашумевшим на весь мир политическим скандалом по поводу подслушивания телефонных разговоров.

Элемент *-гейт* формирует слова, обозначающие скандалы, связанные не только с подслушиванием телефонных разговоров. Основа слова может обозначать место действия, причину или объект скандала, лицо, связанное со скандалом: *Кремльгейт, Комбайнгейт, мраморгейт, моникагейт*.

Данные польского языка также свидетельствуют о превращении элемента *-gate* в суффикс. Б. Крейя обнаружил в польской прессе 1990–1992 гг. около 30 слов с этим сегментом, которому он приписывает статус словообразовательного суффикса со значением ‘афера’, ‘скандал’ [Kreja 1993].

3) Включение в словообразовательную систему русского языка в качестве базовых основ иноязычных заимствований протекает по-разному у слов

различных частей речи. Наиболее актуальные в какое-то время иноязычные существительные порождают целые семьи производных. Например, *ваучер: ваучеризация, ваучерный, антиваучерный, постваучерный, послеваучерный*. Недавнее заимствование *pr-* (*пиар*) порождает существительное *пиарицик*, прилагательное *пиаровский*, глаголы *отпиарить, пропиарить*.

Использование иноязычного слова в качестве базовой основы служит дополнительным показателем его вхождения в систему русского языка. Чаще всего возникают: а) прилагательные и глаголы от основ существительных; б) имена лиц и другие производные от основ существительных; в) префиксальные и – реже – суффиксальные производные от основ глаголов.

Рассмотрим некоторые из этих процессов.

От основ новых иноязычных заимствований разной семантики и структуры образуются имена прилагательные с помощью суффиксов *-н-*, *-ов-* и *-ск-* с разными интерфиксами: *оффисный, офшорный, фьючерсный, референдумный, таймерный; китчевый, факсовый, имэйловый* (от англ. *e-mail*, из устной речи); *тинэйджеровский, сериальский* и *сериальный* и др.

Глаголы от заимствованных основ производятся и в КЛЯ, и в РЯ. В КЛЯ при этом чаще всего создаются глаголы на *-овать* (типа *демпинговать*), *-ировать* и *-изировать* (*лоббировать, зомбировать, компьютеризировать*).

В РЯ активен глагольный суффикс *-и/-о-*. Так, например, развитие техники повышает употребительность существительных *ксерокс* и *факс*, от которых в 90-е годы РЯ образуются бесприставочные и префиксальные глаголы, обозначающие ‘произвести действие, для которого предназначен аппарат, названный базовой основой’ (*ксерить, отксерить статью; офаксить*). Отмечена и модификация с суффиксом *-ану-*, обозначающая однократное, резкое, быстро производимое действие (*факсануть*).

Сочетаемость глаголов с заимствованными основами с русскими приставками свидетельствует об их включении в систему русского словообразования. Наиболее активно ведут себя приставки *с-*, *про-*, *от-*, выражающие значение результативности, завершения действия: *с-*: *сориентировать, скорректировать, срежиссировать, спрогнозировать, сфпрофилировать, скоординировать*; *про-*: *прокомментировать, простимулировать, пробойкотировать, профинансировать, проиндексировать, протелепатировать*; *от-*: *отрецензировать, отрефлексировать, отреставрировать, отрекламировать, отсканировать*.

Все рассмотренные выше глаголы – принадлежность КЛЯ. В тех случаях, когда они сочетаются с приставками, обозначающими количественно-временные модификации действия (слабую степень обнаружения действия, краткость его совершения и т.п.), соответствующие производные приобретают дополнительную экспрессивную окраску, лишаящую их строгой книжности. Вот пример: *Apple Computer CIS намерена немного подемпинговать* (заголовок, Сер., 12.09.95).

3. Рост аналитизма и черт агглютинативности. Общеизвестно, что русский язык относится к числу синтетических и фузионных. В его структуре, однако, на протяжении истории усиливаются черты аналитизма и агглютинативности. Рост аналитизма в морфологии и словообразовании на материале языка 50–60-х годов XX в. описан в РЯСО-2 и РЯСО-3. В последующие десятилетия эти тенденции активизируются [*Русский язык...* 1996: 237–304, 326–334].

В сфере словообразования рост аналитизма отмечал [Костомаров 1994: 159–160]. Наши наблюдения показывают, что черты аналитизма и агглютинативности в структуре производного слова к концу XX в. усиливаются [Zemskaja 2004]. Не следует думать, конечно, что русский язык перестает быть фузионным и синтетическим.

Рост аналитизма обнаруживается на определенных участках системы языка. Росту аналитизма способствует увеличение числа неизменяемых слов, то есть лексических единиц, которые выражают грамматические отношения не формой слова, а средствами, находящимися вне слова (предлогами). Усиление черт аналитизма обусловлено потребностями в новых составных номинациях, что ведет к изменению количественных соотношений между различными способами словообразования. Развитие техники и науки, изменения в общественной жизни диктуют необходимость создания новых составных наименований, а это приводит к возрастанию активности таких способов словообразования, как аббревиация, словосложение, сложно-сокращенный способ, сращение.

Явление аналитизма и агглютинативности часто наблюдаются в одних и тех же языковых единицах. Рост агглютинативности обнаруживается прежде всего в том, что увеличивается число многоморфемных структур, которые складываются без каких-либо явлений приспособления на морфемном шве. Морфемный шов чист и прозрачен. Кроме того, ослабление фузионности можно видеть в устранении некоторых видов чередований на границе морфем.

Активизируется производство буквенных и звуковых аббревиатур, основной массив которых относится к числу несклоняемых слов. Развитие аббревиации связано со временем революции 1917. На протяжении второй половины XX в. этот способ функционирует в разных сферах языка, особенно активно в терминологии, деловой речи, публицистике. В 60-е годы М. В. Панов отметил такую тенденцию: „»подделывание« звуковых аббревиатур под обычные слова – звучные, много-сонорные, имеющие необходимое число гласных” (РЯСО, 2: 97).

Небывалый расцвет аббревиации наблюдается на рубеже веков. Возникают аббревиатуры всех видов, особенно широко буквенные и звуковые, лишь небольшая часть их „подделывается” под обычные слова, например, названия партий: *Яблоко* (Явлинский, Болдырев, Лукин). См. [*Русский язык...* 1996: 120].

Вот пример новейшей аббревиатуры: *ЕГЭ* (единый государственный экзамен); возникло и прилагательное *егэшный*. Эти слова широко распространены и в устной речи, и в СМИ, что объясняется их социальной значимостью. В газетах пишут: „егэшные” *экзаменующиеся* (Изв., 29.05.04);

„егэшиного” балла *недостаточно* (Изв., 29.05.04). Другой тип связан с письменной речью: *эсэмэска* (краткое сообщение).

Иной класс слов, характеризующийся агглютинативностью – сложносокращенные слова, состоящие из двух, трех, четырех (редко – более) частей, каждая из которых оканчивается на согласный и „прилепляется” к соседу без каких-либо явлений приспособления на морфемном шве. Такие слова (их можно было бы назвать „словами-кубиками”) возникали в 20-е годы и позже (тип: *колхоз, совнарком*). В 80–90-е годы этот способ словопроизводства резко активизируется – он очень удобен для создания многокомпонентных новых номинаций: *Роскомдрагмет (Российский комитет драгоценных металлов), Монтажспецбанк, Госналогслужба*. Особенно многочисленны двучленные слова типа *Минатом, Минуголь, Роснефть, Газпром*. Подобные слова склоняются как обычные существительные.

В период перестройки и постперестройки активизируются многие сокращения, представляющие собой начальные части слов и функционирующие как аналитические прилагательные [Панов 1971]. Особенно частотны *гос* (государственный), *дем* (демократический), *нац* (национальные), *нар* (народный), а также *рос* (российский), *мос* (московский) и нек. др. Например: *госдума, госзаказ, гособлигации, демблок, демфракция; нардеп, нацбез* (национальная безопасность). Вторые части подобных сочетаний склоняются, пишутся они как одно слово, однако аналитические прилагательные несут побочные ударения, могут отделяться от последующего слова легкой паузой, гласный звук не подвергается редукции, то есть первые части выступают как неизменяемые единицы, что и позволяет называть их аналитическими прилагательными (термин М. В. Панова).

В последнее десятилетие рождается новый разряд сочетаний с аналитами, чаще всего иноязычного происхождения. Они могут оканчиваться как на согласный (тип: *шоп, тур*), так и на гласный (тип: *шоу*), располагаться в пре- и постпозиции (реже). Подобные элементы могут соотноситься с заимствованиями, вошедшими в русский язык (*тур – туристический*) и не иметь таких соответствий (*шоп, топ* и др.). Сочетания с рассматриваемыми единицами пишутся и через дефис, и слитно. См.: [Голанова 1998].

Несколько примеров: *шоу-группа, шоу-программа, шоу-парад, шоу-представление; секс-группа, секс-туризм; брейк-танец, брейк-дискотека, брейк-танцор, брейк-конкурс; топ-звезда, топ-фильм*.

Потспозитивные: *пластинка-миньон, педагогика-пресс, жигули-комби*.

Некоторые единицы выступают и в пре-, и в постпозиции, ср.: *экспресс-опрос, экспресс-информация, экспресс-костюм* (который шьют очень быстро) и *кофеварка-экспресс*.

Каков же вывод? В русском языке по-прежнему самыми продуктивными и многочисленными способами остаются суффиксация и префиксация, но рост активности аббревиации и других способов производства составных номинаций – важная черта языка наших дней.

Закончим этот раздел высказыванием М. В. Панова: „Языки изменяются. Например, русский язык, отчетливо синтетический, обнаруживает медленное движение в сторону аналитизма. Это движение микроскопично, оно проявляется в незначительных деталях, но этих деталей – ряд, а других деталей, показывающих противодвижение, то есть действующих в пользу усиления синтеза, нет. [...] Будет ли продолжаться оно [движение к аналитизму] в будущем? Предсказать трудно. Но нет сомнения, что при крайне медленном темпе изменений – наш язык в течение ближайших столетий будет оставаться ярко синтетическим” [Панов 1984: 26].

4. Рост личностного начала и экспрессивности. По направлению к концу изучаемого периода усиливается тенденция, которую называют „рост личностного начала” [Панов 1988]. Эта тенденция свойственна русскому языку в целом, но в словообразовании она проявляется особенно резко и отчетливо. Сюда относятся два рода фактов:

1) активизация индивидуального словообразования, что способствует отказу от безличности, разнообразию средств выражения;

2) широкое использование в качестве базовых основ имен лиц собственных, см. [Русский язык... 1996: 99–103; 128–138].

Наше время называют веком окказионализмов. Человек играет со словом, состязается в этих играх с окружающими, стремясь победить соперника в остроумии, оригинальности. Как пишет И. Хойзинга, „во все времена и всюду, в том числе в формах высокоразвитой культуры, игровой инстинкт может вновь проявиться в полную силу, вовлекая как отдельную личность, так и массы...” [Хойзинга 1992: 62].

Приведем несколько иллюстраций из газет, устной речи и отдельных авторов.

Наряду с терминами *соцреализм* и *сюрреализм* возник окказионализм *серреализм* (ср. *серый*) (из лекции в МГУ). Активизируется экспрессивный суффикс *-енциj(a)*, выражающий уменьшительность и уничижительность с оттенком шутливой ласковости. Обычные слова этого типа *старушенция, собаченция, бумаженция*. В литературе наших дней встречаем: *колбасенция, костюменция, гитаренция, башкиенция, наблюденция*. В Сл. Х. эти слова не отмечены.

Характерно для нашего времени порождение шутливых производных: *Америкация*; русские, живущие в *Вашингтоне*, называют его *Нашингтон*; вино „Вдова Клико” переделывают в „*кликушу*”; пальто называют *пальтуган* (ср. *мальчуган*), *робопес* (робот + пес), *гаррипоттеромания* (Газ., 14.12.01); *Кириллица, мифодица и интернетница* (згл. Изв., 1.11.2000).

Агглютинативности способствует интерфиксация. Это – своеобразный вид обнаружения агглютинативности; см. подробнее [Земская 2003]. Вот несколько новообразований (интерфикс заключаем в скобки): *СНГ – эсэнгэ(в)ский, совбез – совбез(ов)ец, Белый дом – белодом(ов)цы, белодом(ов)ский*, „Яблоко” (название партии) – *яблок(ов)ский*, ср. обычное *яблочный*, от названия фрукта *яблоко*.

Модели с интерфиксами вытесняют некоторые безинтерфиксные модели с чередованиями на границе морфем. Ср.: *плотник – плотник(ов)ский* и *плотник – плотницкий*; *летчик – летчик(ов)ский* и *летчик – летчицкий*.

Производные с интерфиксом *-и-* в 60-70-е годы встречались преимущественно в разговорном языке. В 90-е годы они проникают в язык газет: *президенты почти всех эсэньешных фестивалей* (Сег., 11.01.94); *„Когдатошние” посетители фабрики* (МК, 05.08.96).

Производные от буквенных аббревиатур нередко в газетах пишутся так: аббревиатура заглавными буквами, интерфикс + суффикс + флексия – прописными. Такое написание резко подчеркивает границу между основой и последующей частью, „приклеенность” интерфикса: *МВДшники, ЦРУшный, ГАИшник, ЛДПРовцы, „МК”овский*.

Для наших дней характерно использование имен собственных в качестве базовых основ. Это могут быть имена политических деятелей, писателей, актеров и т.п. Вот заголовок в газете „Известия”: *Обыкновенный „бушизм” – президент США – предложил выбросить Арафата на свалку* (11.11.04). Журналист дает такое пояснение: [Буш] *уже подарил изумленному народу целую коллекцию словесных перлов, названных „бушизмами”*.

Еще несколько примеров: *киркоровщина* (от имени эстрадной звезды Киркорова); *берлусконизм; Ирак обречен на десадамизацию* (згл. НГ., 28.09.03).

* * *

Очевидно, что в небольшой статье невозможно рассмотреть все особенности современного словообразования. Мы ограничились основными.

Выводы

1. Язык второй половины XX в. характеризуется в сфере словообразования активизацией тех процессов, которые действовали в русском языке после революции 1917 г. Основные из этих процессов коллоквиализация, интернационализация, рост аналитизма и черт агглютинативности в структуре производного слова, рост личностного начала и экспрессивности.

2. Действие этих процессов обусловлено влиянием социальных факторов, но в разной степени. Так, с воздействием социальных факторов в меньшей мере связан рост аналитизма и черт агглютинативности. Эти процессы в большей степени зависят от внутренних закономерностей развития языка, чем от влияния импульсов, идущих от общества.

3. Процессы коллоквиализации и интернационализации языка обнаруживаются в проникновении в КЛЯ элементов некодифицированных сфер языка (в том числе жаргона и просторечия), а также терминологии и профессиональной речи. Таким образом для словообразования второй половины XX в. характерно резкое перемещение единиц (лексических и морфемных) с периферии системы (разговорный язык, просторечие, жаргон, профессиональная речь, терминология) в центр.

4. Процесс интернационализации приводит к интеллектуализации языка, процесс коллоквиализации благоприятствует усилению экспрессивного начала в речи, что иногда может приводить к ее огрублению. Эти две тенденции можно считать противоположенными: одна способствует порождению книжной лексики, другая – лексики сниженной.

5. Наиболее резкие изменения обнаруживаются в языке СМИ, радио и телевидения. Язык художественной литературы как средоточие инноваций уходит на второй план [ср. Pstuga 1994: 139].

6. Действие рассмотренных тенденций проявляется ярче всего в словообразовании существительных, что объясняется рядом причин. Существительные – наиболее номинативная часть речи: они именуют наибольшее число новых предметов и явлений и обладают самой богатой и разветвленной системой средств словообразования.

7. Для изучаемого периода характерен рост активности некоторых способов словообразования. При сохранении высокой активности суффиксации возрастает активность префиксации, словосложения, сложно-сокращенного способа, аббревиации, а также производство составных наименований, что приводит к увеличению количества многоморфемных слов в русском языке.

8. Рост аналитизма, отмечаемый в разных подсистемах русского языка, наблюдается и в словообразовании: увеличивается число несклоняемых производных слов (буквенные и звуковые аббревиатуры), заимствованных существительных, появляется значительное число новых аналитических прилагательных, выступающих как неизменяемые пре- и постпозитивные уточнители. Многоморфемные новообразования, как правило, имеют прозрачную структуру и лишены фразеологичности семантики.

9. Рост агглютинативности в структуре производного слова обнаруживается в таких явлениях, как ослабление или устранение многих видов чередований на границе морфем (кроме чередований фонем, парных по твердости/мягкости), рост интерфиксации.

10. Сохранение фонемного состава базовой основы – характерная особенность новообразований второй половины XX в. (*Роскомдрагмет, Газпром, Росагроинфтехпродукт; совбез, эмгэушник*; написания типа *СНГшник* особенно отчетливо обнаруживают эту особенность новообразований).

11. В общем виде изменения в структуре производного слова, происходящие в русском языке на рубеже веков можно охарактеризовать так: синтагматические связи морфем ослабевают, парадигматические связи – крепнут. Это обнаруживается в том, что возможности объединения морфем в пределах слова расширяются, так как устраняются некоторые ограничения, препятствующие объединению морфем в составе производного слова, увеличивается число словообразовательных типов, в которых действуют морфемы, фонемный состав которых не подвергается изменению под влиянием соседних морфем, то есть имеющих один и тот же фонемный состав в структуре слов разных типов.

12. Многие из рассмотренных процессов свойственны и другим славянским языкам [Horecký и др. 1989; Waszakowa 1994].

Библиография

- Голанова Е.И. (1998). *О „мнимых” сложных словах (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке)*. W: *Лики языка*. Отв. ред. М.Я. Гловинская. Москва.
- Дуличенко А.Д. (1994). *Русский язык конца XX столетия*. München.
- Елистратов В.С. (1994). *Словарь московского арга*. Русские словари. Москва, с. 699.
- Ермакова О.П. (2000). *Новые тенденции в лексической семантике русского языка конца XX в.* Русистика. № 1–2, с. 60–75.
- Земская Е.А. (1969). *О принципах выделения языковых уровней. Единицы грамматического строя языка и их взаимодействие*. Отв. ред. В.Н. Ярцева, Н.Ю. Шведова. Москва, с. 279–281.
- Земская Е.А. (1973). *Современный русский язык. Словообразование*. Москва.
- Земская Е.А. (1992). *Словообразование как деятельность*. Москва.
- Земская Е.А. (1996). *Рост именной префиксации*. W: *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М., с. 110–118.
- Земская Е.А. (2000). *Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов*. W: *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Sw. Mengel (Hrsg). Münster – London – Hamburg, s. 157–169.
- Земская Е.А. (2003). *Интерфиксация в русском языке XX–XXI вв. Тенденции функционирования и проблемы изучения*. W: *Проблемы теории и истории славянского словообразования*. Отв. ред. Н.П. Баранова. Минск, с. 14–15.
- Земская Е.А. (2004). *Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь*. Москва, с. 685.
- Зенкин С. (1995). *Культурология префиксов*. Новое литературное обозрение. № 6.
- Костомаров В.Г. (1994). *Языковой вкус эпохи*. Москва.
- Панов М.В. (1971). *Об аналитических прилагательных*. W: *Фонетика. Фонология. Грамматика*. Москва.
- Панов М.В. (1984). *Аналитические и синтетические языки*. W: *Энциклопедический словарь юного филолога*. Москва.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. (1996). Отв. ред. Е.А. Земская. Москва.
- РЯСО-1 – (1968). *Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка*. Ред. М.В. Панов. Москва.
- РЯСО-2 – (1968). *Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка*. Ред. М.В. Панов. Москва.
- Сл. X. – (2004). Химик В.В. *Большой словарь русской разговорной речи*. Спб. Норинт, с. 762.
- Хойзинга Й. (1992). *Homo ludens*. М.
- Norecký J., Buzássyová K. L., Bosák J. (1989). *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava.
- Kreja B. (1993). *Drobiazgi słowotwórcze 31. O formancie -gate 'aféra, skandal'*. Język Polski, LXXVIII.
- Pstyga A. (1994). *Nowe słownictwo rosyjskie: struktura formalna i semantyczna rzeczownika*. Gdańsk.
- Waszakowa K. (1994). *Tendencje rozwojowe w słowotwórstwie polszczyzny końca XX wieku. Przemiany współczesnej polszczyzny*. Opole.
- Elena A. Zemskaja, Moskau. (2004). *Analytische und agglutinative Tendenzen im Russischen*. W: *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*. Hrg. von Uve Hinrichs unter Mitarbeit von Uwe Büttner. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, s. 285–292.

SUMMARY

Active processes in the field of derivation in contemporary Russian

The authoress discusses the most important active processes in the field of derivation in Russian at the beginning of the 21st century, namely the colloquialization, the growth of international lexis, the growth of analytic constructions and agglutination in the structure of derivatives, the growth of subjective factors as well as the excessive expressions. As the sources of language samples the authoress uses texts of current speech, of mass communication and of the newest literature.

Ольга Ермакова

Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. K. E. Ciołkowskiego
w Kałudze

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Последние десятилетия XX века принесли России множество значительных перемен, которые не могли не отразиться в языке.

Если язык – это свидетель и хроникёр всех общественных изменений, то в первую очередь таким свидетелем оказывается лексика, лексическая семантика.

Конец XX века характеризуется удивительной динамичностью изменений в языке под воздействием общественных событий. Некоторые процессы, обусловленные в первые годы перестройки заметно возросшим в то время интересом к политике в разных категориях социума (политизация и деполитизация лексики, деидеологизация, архаизация советизмов), уже неактуальны в конце 90-х.

На рубеже веков в сфере лексической семантики наблюдаются разные явления, при этом одни имеют характер вполне определившихся процессов, другие представляют собой лишь наметившиеся тенденции.

Основные семантические изменения происходят в настоящее время либо при смене стиливых регистров, либо при интеграции литературной и нелитературной лексики.

Многие семантические процессы в той или иной степени рассматривались разными исследователями, в частности – деидеологизация лексики в языке постсоветского периода (см. [Скляревская 1991], [Купина 1995], [Ермакова 1996, 1997, 2000]), и в этой работе рассматриваться не будут. Некоторые, уже не раз отмечавшиеся явления будут лишь упомянуты и прокомментированы.

Среди наиболее активных семантических процессов последнего времени можно выделить следующие.

1. Перераспределение активности прямых и переносных значений у некоторых лексико-семантических групп.
2. Расширение значений как наиболее активный процесс, нередко приводящий к дефразеологизации лексического значения, к превращению идентифицирующих имён в предикатные.
3. Развитие частичной энантиосемии у разных групп лексики.

4. Образование новых семантических оппозиций.
 5. Универсализация модных оценок.
 6. Активизация некоторых типов метафор, отражающих оценку современного состояния общества.
- Остановлюсь лишь на некоторых процессах.

Перераспределение активности прямых и переносных значений в некоторых группах лексики

Было замечено, что в определённые эпохи некоторые тематические группы активизируют прежде всего свои переносные значения, в то время как употребление их прямых заметно суживается [Шмелёв 1968: 96]. Это, в частности, отмечалось в сфере конфессиональной лексики (семантическими архаизмами, как правило, оказываются прямые значения, что чаще всего объясняется социальными причинами).

Но в настоящее время в группе конфессиональной лексики наблюдается обратное явление – выдвигание на первый план прямых значений. Ср. современное употребление слов *креститься, исповедоваться, отпевать, причащаться, поститься, благословлять, освятить* и т.д.

Но наряду с этим происходит всплеск семантики, отражающей веру людей в чудеса, сверхъестественное, активизируются прямые значения слов, называющих явления, всегда осуждавшиеся церковью, но всегда уживавшиеся в сознании народа с религиозными догмами. Некоторые слова до недавнего времени сопровождалась в словарях пометами „устар.“ и „в суеверных представлениях“ и активно использовались в переносных, прежде всего метафорических значениях. *Колдун, порча, сглаз, приворот, отворот, заговор, ворожба, ведьма, домовый, ясновидение (-ец, -ица) или ясновидящий (-ая), знахарь, чревопещатель, привидение, вампир* и т.д.,

Под влиянием общественных изменений деархаизируются **прямые** значения слов *чиновник, бюрократия, фискал, (фискальная служба), полиция (налоговая полиция)* и др., еще недавно употреблявшиеся по отношению к российской действительности в качестве оценочных слов со знаком минус.

Активизация той или иной тематической группы, как правило, питает некоторые семантические процессы. Так, активное употребление слов, связанных с предопределённостью судьбы человека, его жизненного поведения, характера рождения под определённым созвездием Зодиака, обусловило развитие метонимической модели: ‘созвездие’ – ‘лицо, рождённое под знаком этого созвездия’: *Водолей, Стрелец, Скорпион, Телец* и др. – о людях. Поскольку все играют в гороскоп и по восточному календарю, аналогично употребляются и *Тигр, Змея, Крыса* и т.п. В разговорной речи очень часты высказывания: *Конечно, их брак не может быть удачным: Змея и Обезьяна не сочетаются. Тельцы – самые хорошие мужья* и т.п.

Расширение значений

Среди собственно семантических процессов, приводящих к изменению значений слов и существующих с древних времен – метафоризации, метонимизации, расширения, сужения – в настоящее время, на наш взгляд, первое место занимают процессы расширения значений. Метафоризация не порождает новые модели, активное использование метафор в публицистике в большей части опирается на традиционные модели, характерные и для языка 19 века. А самое главное – публицистические метафоры остаются преимущественно в пределах контекста. Новых метафорических значений, которые вошли бы в язык, почти нет, тем более тех, которые определяли бы „семантическое лицо эпохи” – ср. типичные для страны с „диктатурой пролетариата” публицистические метафоры – *подковать, подкованный, перековка, винтики, закручивать гайки, рычаги управления, спать коллектив, цементировать общество* и др.

Расширение значений, наблюдающееся в настоящее время, может быть обусловлено чисто социальными факторами, может быть следствием других процессов – семантических, словообразовательных и пр.

1. Расширение значений может быть одним из проявлений процесса детерминологизации и деполитизации (о детерминологизации лексики в начале XX в. см. [Грановская 1981]). Это наблюдается, в частности, в словах *фигурант, пользователь, выдвигенец, расстрелять, казнить* и др. Прежние значения: *фигурант* – ‘статист’; *пользователь* – ‘лицо, у которого в пользовании находится какое-либо имущество’; *расстрелять* – ‘привести в исполнение высшую меру наказания’. Современные: ‘тот, кто где-то, как-то фигурирует’; ‘тот, кто пользуется чем-то’; ‘подвергнуть обстрелу’ и т.д.

2. Расширение значений при освоении жаргонизмов и арготизмов как выражение декриминализации лексики. При этом наблюдается закономерность: при освоении литературным языком жаргонизмов и особенно арготизмов чаще всего происходит расширение значений (конечно, некоторая часть слов может остаться неосвоенной, и тогда арготическая лексика оказывается в роли своеобразных экзотизмов). В арго и жаргоне, напротив, слова из литературного языка осваиваются обычно на основе сужения, часто с включением криминального компонента (ср. *статья, срок*). Расширение значений характерно прежде всего для глаголов. Ср. *завязать, заложить, сдать, стучать, наезжать, доить, шить, пасти, засветить, расколоть, прессовать* и др.

Наблюдаются следующие механизмы расширения:

- за счёт увеличения круга объектов при переходных глаголах: *завязать* – ‘прекратить преступную деятельность’ → ‘прекратить любую деятельность’;
- путём вычёркивания семы ‘средство’, ‘способ’: *доить* – ‘вымогать деньги путём угроз, шантажа’ → ‘вымогать, выпрашивать’;
- путём изменения (расширения) адресата действия: *стучать* – ‘доносить, сообщать о чём-либо в органы госбезопасности или в партийные организации’ → ‘сообщать кому-то’.

3. Расширение значений как результат повторной реализации словообразовательных моделей.

Такой результат наблюдается у отагдъективных и отглагольных существительных, называющих лицо или предмет:

- *бесплатник, льготник, наёмник, испытатель, частник* и др.;
- *временка, фальшивка, колючка, плетёнка, мигалка, липучка, зелёнка, пустышка, вертушка* и др.

Степень расширения может быть различной, в некоторых случаях происходит полная дефразеологизация значения, слово из идентифицирующего становится предикатным.

Любопытно, что слова этого типа по мере расширения значения могут проходить путь: однозначность → многозначность → однозначность. При этом от одного конкретного значения к одному широкому дефразеологизированному. Так, слово *фальшивка* первоначально обозначало лишь 'фальшивые деньги'. В последнее время фальшивкой помимо фальшивых денег называют любые фальшивые документы, поддельные товары (водку, вино, шоколад, косметику, одежду и т.д.), произведения искусства, неверные сведения или источники. Словом – любую подделку. Таким образом, значение этого слова можно определить как 'нечто фальшивое, поддельное'.

4. Расширение значений как следствие отрыва от прежнего денотата (гиперонимизация и замена одного гипонима другим).

Это явление характерно в настоящее время в первую очередь для некоторых групп конкретно-предметной лексики, хотя свойственно и не только ей. В ряде случаев можно наблюдать, как слово начинает применяться к разным обозначаемым, весьма далёким от прежнего денотата, который „предписывался” слову словарно закреплённым значением. Это отмечается у некоторых названий ёмкостей, продуктов, отчасти одежды и др.

Отрыв от прежнего денотата из-за постоянного расширения денотативного пространства нередко приводит к **гиперонимизации** значений. Так слово *коктейль* фактически стало употребляться со значением 'смесь' (любая), *контейнер* – 'разного рода вместилище'; *ниша* – 'место' (в экономике, политике и т.д.), *контора* – 'любое учреждение' и т.д. Ср. ниша рынка, в политической жизни, в экономике, в культуре, на телевидении, на эстраде и т.д. Контейнером называют ёмкости от мусорных баков во дворах до разных мелких коробочек, пробирок, в которые что-то помещается.

В других случаях отрыв от прежнего денотата выражается в вытеснении одного гипонима другим. Отошли от денотата, известного из словарных толкований такие названия одежды, как *пиджак, жакет, сюртук, майка, тенниска, свитер* и др. Гипоним *пиджак* вытеснил употребление слов *жакет, сюртук* и др.; *свитер* относится и к денотатам слов *пуловер, джемпер*. *Майка* – это и женская, и мужская одежда, нижняя и верхняя и т.д.

Отрыв от прежнего денотата и неполное обретение нового наблюдается у слов *пакет, балык, брынза, красная рыба* и др. *Пакет* словарями определяется как

‘бумажный свёрток, упаковка с чем-нибудь’ или ‘бумажный мешок для продуктов, кулёк’ – *Пакет с крупной, молоко в пакетах. Пакетом* называют сейчас полиэтиленовые мешочки для упаковки продуктов и многих других вещей и *полиэтиленовые сумки* (мешочек с ручками). Ср.: *балык* (*селёдочный балык, балык из сома, балык* – о варёном или копчёном мясе (в магазинах нам встретились и такие употребления: *балык свиной, балык семейный* – из говядины и свинины). Ср. данные словарей: *балык* – ‘солёная и провяленная хребтовая часть красной рыбы’; *Красной рыбой* народ называет рыбу с красным или розовым мясом, а вовсе не рыбу семейства осетровых (как это всегда было). Словом *брынза* в настоящее время называют продукт, весьма отдалённо напоминающий овечий сыр и по материалу, и по способу приготовления (изготавливается из коровьего молока и, очевидно, иначе).

Развитие частичной энантиосемии

Одним из видов частичной энантиосемии является совмещение в одном слове значений агенса и пациенса одного и того же действия. Ср. *отказник, переселенец, тюремщик* и др. Ср.: ‘тот, кому отказали’ – ‘тот, кто от чего-то отказался’; ‘тот, кто переселился’ – ‘тот, кого переселили’; ‘тот, кто надзирает за заключёнными’ – ‘тот, за кем надзирают, заключённый’ (или ‘бывший заключённый’; из просторечия).

Современное употребление слова *монстр* со знаком минус и со знаком плюс (ср. *монстры шоу-бизнеса*) – пример оценочной энантиосемии.

Сочетание противоположных прагматических компонентов (желательного и нежелательного результата) наблюдается в разговорной речи (и в прессе) у глаголов *заработать, схлопотать, засветиться, обещать* и многих других. Ср. *заработать деньги – заработать insult, обещать повышение зарплаты – обещать повышение цен* и т.п. В развитии этого типа энантиосемии большую роль играет усиление роли иронии в современной публицистике [Ермакова 2002].

Тенденции в сфере публицистической метафоры

За последние десятилетия в литературном языке не появилось новых метафорических моделей. Наблюдается лишь расширение разных метафорических полей за счёт новых групп лексики. В то же время можно определённо отметить активизацию некоторых типов метафор, отражающих восприятие людьми современных общественных явлений.

Многие тематические группы метафор, чрезвычайно активных в языке с начала перестройки, в настоящее время встречаются лишь эпизодически. Так чисто перестроечные ключевые метафоры (хотя возникли они гораздо раньше) – *государство* – ‘дом’, ‘здание’, *перестройка* – ‘строительство нового здания на месте старого’, породившие метафорическое употребление слов *крыша*,

коридоры, фундамент, стропила, архитектор, прораб и др., утратили свою актуальность в настоящее время. Представление о реформах как о движении по дорогам России – когда в метафорическое поле втягивались названия разных транспортных средств – *поезд, локомотив, корабль, телега, лодка* и др. – остаётся в сознании публицистов, поскольку представляет собой лексическую транспозицию одной из „вечных” метафор, рождённых в художественной литературе прошлых веков – представление жизни человека как „путешествие по морю житейскому” (ср. и современное *грести, сидя в одной лодке*).

По-прежнему используется слово *локомотив* как ‘движущая сила’, но не только по отношению к развитию экономики. Ср.: *Главные тягловые силы калужской экономики в общем-то известны. Это промышленные предприятия, пищевая отрасль, банки. Это одни из основных региональных локомотивов* (АиФ, 25, 2002); – *А КПРФ, а борцы с „антинародным режимом” – Зюганов, Шандыбин? – Они – как один из героев „Горя от ума”: шумим, братец, шумим...; КПРФ перестала быть локомотивом протеста* (АиФ, 32, 2002).

В тех же образах, которые в 90-х годах использовались при характеристике неудач в реформировании экономики (*корабль реформ зашёл в тупиковую гавань, машина реформ буксует на российском бездорожье*), в последние годы рисуются картины неудач в чеченской войне. Ср.: *Ещё вчера и.о. президента просто купался в народной любви и поддержке – но стоило отечественной военной машине чуть забуксовать на чеченском бездорожье, а партии власти сделать КПРФ своим союзником в Думе, как ситуация резко изменилась* (КП, 25.01.2000).

По-прежнему активны метафоры из тематического поля *болезнь*. Как уже отмечалось [Ермакова 1996], этот тип метафоры не родился в постперестроечной прессе: восприятие общества как организма, который надо лечить, было свойственно и публицистике XIX века, но активизировалось это метафорическое поле, естественно, только в постсоветский период: советское общество отличалось отменным здоровьем.

Чаще всего используется тот же круг „болезненных метафор”, что и в 90-е годы: само слово *болезнь, инфекция, вирус, паралич, коллапс, аллергия, спазмы, апоплексия, головная боль* и др. В связи с общей жаргонизацией языка, довольно активно стало использоваться слово *геморрой* (очевидно, из аргю) в значениях: ‘боль’, ‘беда’, ‘забота’, ‘провал’, ‘неудача’. *Словарь Тюремно-лагерного жаргона* приводит это слово со значением ‘неудача’, ‘провал’ (СТЛЖ, с. 55), *Словарь Московского аргю* В. С. Елистратова – со значением ‘что-л. тяжёлое, нудное, скучное, неприятное’ (Елистратов, 1994, с. 87).

Приведу лишь некоторые примеры употребления метафор из тематического поля – *болезнь* в прессе последних лет.

Варварство – это социальная инфекция (Ог., май 2002); *Вторая [причина распада СССР. – О.Е.] – „информационный вирус” зависти, в полную силу проявивший себя в конце 80-х – начале 90-х* (АиФ, 49, 2001); *Пульс перемен грозит исторической апоплексией* (НМ., 3, 2001); *Спазмы кризисов; Коллапс мировой торговли* (НМ., 3, 2001); *метастазы исламского терроризма и сепаратизма*

(КП, 12.04. 2002); – *Один военный чиновник как-то мне сказал: „Чечня – это наши геморрой* (Окт., 10.2001, М. Задорнов, *Фантазии сатирика*). – *В моём журнале, как всегда, геморрой, извини, вернусь поздно* (Д. Донцова).

Как явствует из примеров, болезненные явления наблюдаются в экономике, политике, внутри системы правоохранения, как тяжёлая и грязная болезнь оценивается война в Чечне.

Некоторые тематические группы лексики, вовлекаемой в метафорические поля, стали активизироваться преимущественно в последние десятилетия. Одна из них лексика, связанная с тематическим полем *вода*. Метафоры, возникшие на базе этой лексики, многочисленны и значительная их часть совсем не новы. Это преимущественно глагольные метафоры, в основе которых давнее сравнение жизненных изменений с движением воды.

Стершаяся метафора *утечка* (информации) в своё время породила *утечку мозгов* (об эмиграции видных учёных).

Больше всего метафор этого поля образно представляет движение денег – *деньги* (доллары, миллионы и т.д.) *текут, утекают, перетекают, вливаются, сливаются, капают, плывут, уплывают, всплывают, образуют финансовые потоки, оттоки капиталов*:

В казну, конечно, что-то поступило, но основное закапало в чьи-то карманы (КП, 18.04.2000); *Сейчас долги местных властей перед своими бюджетниками – больше 5 млрд. руб. В 39 регионах задержка уже перевалила за месяц. Так что каждый день „капает” по 4 миллиона 250 тысяч рублей* (АиФ, 8, 2002).

В современной публицистике и разговорной речи широко используется образ воды как неуправляемой стихии. Отсюда глаголы *плыть, уплывать, утекать, всплывать, проливаться, захлестнуть, захлебнуться, тонуть*, выражения–фразеологизмы *смыть волной, накрыть волной* и т.д. представляют современную общественную жизнь как процессы, происходящие стихийно, неуправляемо:

Борис Ельцин оказывается во всё более и более сложном положении. Власть из его рук перетекает в руки премьер-министра, а из них – к левым (НГ, 11.03.99).

Другая группа метафор, связанная с тематической группой *вода*, основана на коннотации ‘очищение’: вода смывает грязь – отсюда распространившееся лишь в постсоветское время выражение *отмывать деньги* – ‘легализовать деньги, нажитые незаконным путём’ (эта метафора была активна уже в 90-х годах).

Речь идёт о причастности семьи президента к отмыванию денег нефтяных компаний (Нов. газ. 8–10 июля 2002); *Отмывание „грязных” денег – угроза цивилизации* (Нов. газ. 15–17 июля 2002, Ю. Щекочихин).

Ср. также *Большая стирка* – название телепередачи.

У глагола *отмывать* при метафоризации сохраняется характер семантической валентности – действие направлено на неодушевлённый объект, метафорические значения глаголов *промыть, стирать, полоскать* имеют в качестве объекта только имена лиц или соответствующие им личные местоимения. Идея очищения в этой группе глаголов *стирать, полоскать, промывать* преобразуется в свою противоположность. Они метафорически обозначают ‘грязнить’, ‘чернить’.

Уже откровенно связаны с „грязным делом” глагол *сливать* и его производное *слив*. В основе семантики этой метафоры действие ‘сообщать’, но сообщать тайно, предательски и нередко (хотя не обязательно), что-то грязное, порочащее человека, компромат. И хотя *слив* в прямом употреблении не обязательно связан с канализацией, ассоциации с ним возникают именно такие:

Он [Г. Павловский], *наверное, по знакомству „сливает” вам кое-какую информацию?* – *У нас предостаточно информаторов. Глеб Павловский к ним не принадлежит.*

– *Но всё-таки „сливами” пользуетесь?*

– *А как без этого? Если видим, что информация достоверна, публикуем (КП, 23.06.99); Осведомлённые источники „НГ” предполагают, что массированный „слив” информации в прессу произойдёт, скорее всего, ещё до начала этого месяца (НГ, 7.04.99).*

Как можно заметить, почти все метафоры в русском языке конца века представляют довольно мрачное состояние российского общества. В значительной степени это связано с тем, что человек всегда скорее и острее реагирует на негативные стороны жизни, а публицисты преимущественно о них пишут. Но наша задача и состоит в том, чтобы показать, как и из чего черпает язык конца XX века средства образной картины мира.

Семантические оппозиции как отражение жизни российского общества в последние десятилетия XX века

Социальные изменения, находящие отражение в языке, как правило, способствуют разрушению старых семантических оппозиций и образованию новых. Изучение семантических оппозиций – один из продуктивных путей проникновения в сущность языковых и социальных процессов, породивших эти изменения.

Показательны в этом отношении семантические оппозиции местоимений, которые последовательно выстраивались в официальной печати советского времени: *я – мы, мы – они, наши – не наши, свой – чужой, здесь – там* и др. [Крысин 1989: 59]; [Markovski 1992: 146]; [Купина 1995: 69, 91]; [Ермакова 1997: 145–153], а также разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой, в частности, семантические оппозиции слов *коммунист – демократ, коммунист – большевик, демократ – патриот, левый – правый* в постсоветский период [Ермакова 1996: 60–63].

Известно, что антропоцентричность языка предопределяет особое положение имен лиц. Они всегда находятся в центре системы языка и внимания говорящих.

Поэтому изменение семантических оппозиций в сфере имен лиц даже в небольшом участке языкового пространства могут представить некоторые особенности состояния российского общества, в том числе и культурно-речевую ситуацию.

Актуальные в настоящее время семантические оппозиции отражают самые разные языковые и социальные процессы: нейтрализацию прежних стилевых контрастов, старое и новое идеологическое противостояние, „изоморфизм” властных и криминальных структур и другое.

В семантических оппозициях нередко обнаруживается, как слиты воедино социальные и языковые процессы. Так, активизация оппозиций некоторых имен лиц по признаку пола *боевик – боевичка; снайпер – снайперша; заказчик – заказчица* (о людях, заказавших убийство); *проститутка – проститут; депутат – депутатша; бизнесмен – бизнесменша; гувернер – гувернантка* и даже „чайник” – „чайница” (о непрофессионалах за рулем – в жаргоне) – в определенных случаях свидетельствует о новых социальных явлениях в жизни российского общества и об усилении регулярности модификационных образований в языке.

Семантические оппозиции позволяют увидеть и ту фоновую семантику (подчас целое семантическое поле), которая обусловила эту оппозицию, и нарождающиеся коннотации у противочленов (одного из них) и ряд скрытых смыслов и аллюзий.

Существуют два типа оппозиций: тип А – Б и А – не-А (ср.: *избранник – назначенец* и *бюджетник – не-бюджетник*).

Семантические оппозиции *человек – мужчина, хозяин – реализатор, сыщик – преступник, бюджетник – не-бюджетник, натурал – не-натурал, шестидесятник – не-шестидесятник* и др. были рассмотрены нами в работе *Семантические оппозиции как отражение жизни российского общества в последние десятилетия XX века* [Ермакова 2003]. Здесь позволю себе лишь некоторые замечания.

Освоение литературным языком жаргона отмечают все лингвисты, изучающие языковую ситуацию в России конца XX века. Взаимодействие кодифицированной речи со сферой просторечия прежде всего в области семантики протекает несколько менее активно, но тем не менее заметно. Приведу один пример: оппозиция *человек – мужик – мужчина*.

Слово *мужик* в значении ‘мужчина’ в толковых словарях до сих пор сопровождалось пометой ‘прост’ (См. Ож. и Шв., 94). Однако оно все чаще так употребляется в разговорной речи и публицистике в чисто номинативной функции и составляет в настоящее время конкуренцию слову *мужчина*, как член оппозиции с разговорной окраской (но уже не просторечной).

В предикатной функции слово *мужик* составляет оппозицию и слову *человек* и слову *мужчина*: *Он хороший (настоящий, отличный, честный и т.д.) мужик*.

В отмеченной оппозиции *сыщик – преступник* произошла реабилитация слова *сыщик*, оно утратило отрицательные коннотации. Интересно, что ведущую роль здесь сыграли не реальные представители этой профессии, а герои из мира вымысла (детективных романов, фильмов).

Библиография

- Грановская Л.М. (1981). *Развитие лексики русского литературного языка в 70-е годы XIX – нач. XX в.* W: *Лексика русского литературного языка XIX – нач. XX в.* М.
- Ермакова О.П. (1997). *Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов.* W: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык.* Opole.
- Ермакова О.П. (2002). *Ирония и проблемы лексической семантики.* Известия АН Серия литературы и языка, т. 61, № 4.
- Ермакова О.П. (2003). *Семантические оппозиции как отражение жизни российского общества в последние десятилетия XX в.* W: *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich.* Warszawa.
- Купина (1995). *Тоталитарный язык.* Екатеринбург – Пермь.
Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. 1996.
- Склярёвская Г.Н. (1991). *Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа.* W: *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики.* М.
- Шапошников В.Н. (1998). *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отношении.* М.
- Markowski A. (1992). *Polszczyzna końca XX wieku.* Warszawa.
- Zybatow L. (1995). *Russisch im Wandel (die Russische Sprache seit Perestrojka).* Wiesbaden.

SUMMARY

The semantic processes in the Russian language on the turn of the 20th century

The authoress discusses semantic processes in the modern Russian language as a feature of the democratization of the language. Those processes – the subject of the authoress' researches – are caused mainly by changes in the social and political system and also by changes in the ideological orientation of the country. The authoress ascertains the disappearance of the difference between the literary norm and the various spheres of linguistic communication, especially of current speech.

Sabine Dönninghaus
Uniwersytet w Bazylei

DEMOKRATISIERUNG DER RUSSISCHEN WISSENSCHAFTSSPRACHE?

0. Einleitung

In der russistischen Sprachwandelforschung stehen Veränderungen in der Funktionsweise der Sprache sowie im Aufbau von Texten und im Sprachsystem, die sich in der aktuellen Sprachsituation niederschlagen, im Zentrum der Aufmerksamkeit.¹ Während Wandelphänomene in der Lexik, Semantik, Wortbildung, Morphologie und Syntax bereits umfassend beschrieben sind, wurden pragmatisch-stilistische Veränderungen auf der Text- und Diskursebene vernachlässigt. Im Zusammenhang mit Überlegungen zum Wandel des öffentlichen Diskurses stellt z.B. E.A. Zemskaja [2000: 41] lapidar fest: „Изменилась структура и научной речи”. Ob sie sich allerdings auf die mündliche oder die schriftliche Existenzform der wissenschaftlichen *parole*² bezieht, läßt sich nicht erschließen, da beide in der russischen Fachsprachenforschung als *речь* bezeichnet werden.³ Interessanter aber als die Feststellung, dass sich die Struktur der russischen Wissenschaftssprache verändert hat, ist Zemskajas Konkretisierung: „Уходит в прошлое трафаретное-безличное авторское «мы», заменяясь личным «я»” [ebd.]. Worauf sich diese Beobachtung einer Substitution des traditionellerweise für die russische Wissenschaftssprache charakteristischen schablonenhaft-verschwommenen Autoren-Plurals durch eine explizite Referenz auf das Autoren-Ich stützt, bleibt gleichfalls offen. Deutlich wird jedoch, daß eine zunehmende Personalisierung des Diskurses zu den Merkmalen des jüngeren Wandels im Russischen zählt. Zemskaja spricht diesbezüglich von einer „Zunahme des persönlichen Anfangs und der Dialogizität” („рост личностного начала⁴ и диалогичности”): „Безличная и безадресная речь сменяется речью личной, приобретает конкретного адресата. Это характерно для всех видов речи” [ebd.].

¹ Vgl. z.B. [Širjaev 1997]; [Panzer 2000b]; [Zybatow 2000]; [Zemskaja 2000: 31].

² In der germanistischen Fachsprachenforschung werden beide als *Wissenschaftssprache* bezeichnet.

³ Vgl. [Sokolovskaja 1985] und [Jasnickij 1985].

⁴ Vgl. zu dieser Tendenz der Personalisierung im Bereich der Wortbildung auch [Zemskaja 1997: 193f.].

Inwiefern sich eine zunehmende Personalisierung des akademischen Diskurses in den Kontext der als *Demokratisierung* bezeichneten Prozesse stellen läßt und wie sich dies auf der Ausdrucksebene zeigt, wird im folgenden dargelegt. Ich gehe damit der Frage nach, ob sich aufgrund der weggefallenen Zensur die Norm des akademischen Diskurses verändert hat. Dabei konzentriere ich mich auf die schriftliche Kommunikation in Form der Textsorte „wissenschaftlicher Aufsatz“ aus der Domäne Sprachwissenschaft.⁵ Detaillierte Untersuchungen anderer Textsorten und interdisziplinäre Textvergleiche bleiben zukünftigen Studien vorbehalten.

1. Was verstehen Linguisten unter *Demokratisierung*?

Nach A. D. Duličenko [1994: 61] taucht das russische Lexem *демократия* erstmals in Wörterbüchern aus dem 18. Jhr. auf. Zu Beginn des 20. Jhs. gibt V. Dal' in seinem *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka* die folgende Bedeutungsexplikation an: **демократія** – „народное правленъе; народное державіе, народовластіе; міроуправство“ [Dal' 1994, Bd. 1: 1058]. Als Gegensätze nennt er: „самодержавіе, единодержавіе или аристократія“ [ebd.]. Der im Russischen wie auch in den meisten anderen europäischen Sprachen aus dem Altgriechischen ererbte Internationalismus *Demokratie*, mit dem in der Antike eine alternative Staatsform zur Monarchie und Aristokratie, in der Gegenwart aber sowohl in Russland⁶ als auch in anderen Ländern, die zur Sowjetunion gehörten, in erster Linie der Gegensatz zur Staatsform der Diktatur bezeichnet wird, trägt also ursprünglich die Bedeutung, Herrschaft des Volkes'. In einer solchen Staatsform gelten die Prinzipien der Volkssouveränität, der Volkswahl sowie des Mehrheits- und Rechtsstaats; es gelten Menschen- und Bürgerrechte, und es herrschen Meinungs- und Organisationspluralismus. Dennoch entsprechen – wie auch W. Mäder [2004: 73] zu bedenken gibt – nicht alle gesellschaftlichen und politischen Verhältnisse, die sich als demokratisch bezeichnen, diesem Ideal, und es sind in Theorie und Praxis bekanntermaßen verschiedene Ausformungen von Demokratie zu unterscheiden.

Das aus dem zu Sowjetzeiten ideologisierten Wort *демократия* abgeleitete Lexem *демократизация*, dem im *Slovar' russkogo jazyka* [21981, Bd. 1: 385] noch die Bedeutung 'Внедрение демократических начал, переустройство государства, общества, союза и т. п. на демократических основах' zugewiesen ist und das zum literatur- bzw. standardsprachlichen Wortschatz gehört, wurde während der Perestrojka vom passiven in den aktiven Wortschatz überführt. Dieser als Aktivierung bezeichnete Prozeß⁷ vollzog sich mit dem Aufkommen der Notwendigkeit, die politischen und sozialen Veränderungen in der Gesellschaft zu bezeichnen. Erst mit dem Fortschreiten dieser Entwicklungen wurde der Begriff „Demokratisierung“ im Laufe der Jahre auf die

⁵ Für die Textsorten und Genres der mündlichen Wissenschaftssprache werden unterschiedliche Demokratizitätsgrade angenommen; vgl. [Sokolovskaja 1985: 170].

⁶ Zum „Werdegang“ dieses Lexems vgl. [Duličenko 1994: 61ff.].

⁷ Vgl. [Duličenko 1994: 62].

Sprache bezogen. Mit der Veränderung der politischen Verhältnisse verändert sich auch der Sprachgebrauch, und die Popularität aller lexikalischen Ableitungen aus dem Wort *Demokratie* wächst. Es kommt zu einer Demokratisierung der gesamten Gesellschaft, mithin auch der russischen Sprache. Dabei tritt nicht nur das besondere Wortbildungspotential des Wortes *Demokratie* zutage, sondern es kommt außerdem zu einer starken Erweiterung der semantischen Extension des Begriffes. Doch das als *Demokratisierung der Sprache* bezeichnete Phänomen ist weder exklusiv für das Russische zu beobachten⁸ noch ist es vollkommen neu: Bereits mit der Oktoberrevolution von 1917 kam es in Russland mit der Übernahme der Macht durch neue soziale Schichten, die Alphabetisierung und die Öffnung des Zugangs zu Bildung für Angehörige aller sozialen Schichten zu teilweise einander entgegengesetzten Veränderungen im sprachlichen Usus, die den heute um die Jahrtausendwende beobachteten in vielem ähneln.⁹ Wenn also die Demokratie als „psychologisch, philosophisch und theologisch bedingte Ideologie“ in jedem Falle die „*Herrschaft der Mehrheit über die Minderheit*“ ist [Mäder 2004: 85, 79 – Hervorhebung im Original], so kann die Demokratisierung zunächst einmal allgemein als die Zunahme von Macht der Mehrheit über die Minderheit bezeichnet werden. Der wissenschaftliche Sprachgebrauch ist diesbezüglich jedoch wie so oft uneinheitlich und unscharf, und es findet sich in bezug auf die Sprache keine befriedigende Definition des im Sinne eines linguistischen Terminus verwendeten Ausdrucks *Demokratisierung*. Es zeigt sich deutlich die (auch in der Wissenschaft allgegenwärtige) Vagheit der Sprache.¹⁰ Wenn also B. Panzer den in der Literatur zur Sprachwandelforschung „wiederholt auftretenden Terminus »Demokratisierung«“ [2000b: 8] sogar gänzlich ablehnt, könnte man das allein aufgrund der Vagheit des Begriffes sowie der Vagheit der entsprechenden einzelsprachlichen Ausdrücke für den Begriff „Demokratisierung“ für gerechtfertigt halten. Nach Panzers Ansicht ist der Begriff nämlich nicht für die sprachwissenschaftliche Beschreibung geeignet, da er bereits verwendet wurde, um die „politischen und sprachlichen Veränderungen der sogenannten »Volksdemokratien«“ zu beschreiben [ebd.]. Dass die anhand dieses Einzelbeispiels zutage tretende extensional- und intensional-semantische Vagheit der Sprache und Begriffe jedoch entscheidende Vorteile für den Menschen, seine Sprachfähigkeit und das Funktionieren der Sprache in sich birgt, wird bei aller Kritik außer acht gelassen.

Als Komponenten der sprachlichen Demokratisierung betrachten Linguisten erstens Veränderungen im Bereich der Phonetik und Phonologie, die sich darin äußern, dass bestimmte Artikulationsweisen, die von der präskriptiven und exogenen Sprachnorm abweichen, von einem zunehmend breiteren sozialen Spektrum von Sprechern toleriert und akzeptiert werden. Prozesse der sprachlichen Demokratisierung werden zweitens im Bereich der Syntax und der Stilistik beschrieben.¹¹ Hinzu kommt drittens

⁸ Zum Polnischen vgl. z.B. [Nagórko 1999].

⁹ Vgl. [Comrie, Stone, Polinsky 1996: 27]. – Unter „Demokratisierung“ versteht z.B. [Babenko 1999: 154] die Verbreitung „der kultiviert[e]n russische[n] Sprache in den Volksmassen“ nach 1917.

¹⁰ Zur sprachlichen Vagheit und ihrer Rolle in der Wissenschaft vgl. [Dönninghaus 2005, im Druck].

¹¹ Vgl. [Comrie, Stone, Polinsky 1996: 65, 176ff.].

eine in der Lexik zu beobachtende Dynamisierung, die auch als Kolloquialisierung¹² bezeichnet wird und sich darin äußert, dass a) verstärkt fremdsprachliche Elemente in die Sprache aufgenommen werden¹³ und b) zunehmend Elemente aus Sub- oder Nonstandardvarietäten in die Literatur- bzw. Standardsprache einfließen.¹⁴ Andernorts werden unter *Demokratisierung der Sprache* allgemein „das Aufbrechen der stark restriktierten Sprache des politischen Newspeak ... in den Massenmedien“, „die starken Anleihen an nichtsstandardsprachliche Varietäten“ [Zybatow 2000: 16] bzw. die „Einwirkung der Volks- und Umgangssprache auf die Schrift- und Amtssprache (der Regierenden)“ oder die „Durchmischung von Literatur- und Volkssprache“ [Panzer 2000b: 8] bezeichnet.¹⁵ Vergleichbar ist ein Definitionsversuch von Zemskaja [1997: 170ff.], die unter Demokratisierung eine Erweiterung des Funktionsspektrums der Literatur- und Schriftsprache durch Wortbildungsmittel, Derivate und lexikalische Einheiten aus nicht-kodifizierten Varietäten versteht. Als Beispiele für dieses Eindringen sprachlicher Elemente aus der Peripherie in die für das Sprachsystem zentrale und kodifizierte Literatursprache nennt sie die vor allem im Zeitraum von 1985–1995 erneut spürbare Tendenz zur Univerbierung, die Verwendung von Prä- und Suffixen zur stilistischen Markierung von Verben und die Übernahme lexikalischer Einheiten mit hohem Expressivitätsgrad aus Jargons und dem Prostorečie.

Zu einer Bestimmung des Demokratisierungsbegriffs *ex negativo* trägt G. Neščimenko [2000: 184] bei, nach deren Ansicht es nicht gerechtfertigt ist, ein Verhalten, das aus der Absicht eines Sprechers resultiert, in kommunikativer Hinsicht maximal erfolgreich zu sein und sich daher in seinem Sprachgebrauch dem Usus des jeweiligen Kommunikationspartners anzupassen, als Demokratisierung der Literatursprache zu bezeichnen. Sie schließt sich mit dieser Position den Linguisten an, die Sprachwandel aufgrund des verstärkten Zuflusses jargonhafter, krimineller und vulgärer Lexik in die Literatur- bzw. Standardsprache mehr als Verfall und Vulgarisierung¹⁶ denn als Befreiung und Chance zur Erneuerung sowie als Demokratisierung im Sinne der Möglichkeit zur Mitsprache des Volkes unter veränderten politischen und sozialen Verhältnissen betrachten.

Angesichts der skizzierten begrifflichen und terminologischen Unschärfe wird im folgenden eine Arbeitsdefinition formuliert, auf deren Grundlage den eingangs gestellten Fragen nachgegangen werden kann. Dies geschieht in Anlehnung an die Charakteristika einer politischen Demokratie, denn die Begriffe „Demokratie“ und „Demokratisierung“ wurden aus der politischen in die sprachwissenschaftliche Domäne übertragen, und mit dem Ausdruck *Demokratisierung* wird der aus verschiedenen Komponenten bestehende Prozeß bezeichnet, der zu einem *Demokratie* genannten Zustand führt oder zumindest führen soll. Bei einer solchen Projektion kann man erstens von der *Demo-*

¹² Vgl. z.B. [Gutschmidt 1998: 16] und [Comrie, Stone, Polinsky 1996: 27].

¹³ Zur Demokratisierung des Tschechischen durch lexikalische Entlehnungen vgl. schon [Vočadlo 1938].

¹⁴ Vgl. [Horecký, Buzássyová, Bosák 1989].

¹⁵ Zur Tendenz der Demokratisierung durch das Eindringen nicht-schriftsprachlicher Elemente in die tschechische Schriftsprache vgl. auch schon [Weingart 1932].

¹⁶ Vgl. hierzu auch [Panzer 2000: 8].

kratisierung der Sprache als System von Zeichen sprechen, zweitens von der *Demokratisierung einzelner Elemente oder Ebenen des Sprachsystems* (z.B. Syntax, Stilistik) – wobei die Ebenen der sprachwissenschaftlichen Beschreibung nicht scharf voneinander abgrenzbar sind. Aus dieser Perspektive kann man drittens im Zusammenhang mit Sprachpflege und -norm von einer *Demokratisierung des Stils* sprechen. Im Zentrum unseres Interesses stehen somit Prozesse, die den Sprachgebrauch betreffen. Dadurch, dass der Gebrauch der Sprache (*parole*) demokratisiert wird, kann auch die Sprache (*langue*) demokratisiert werden. Ob letzteres tatsächlich geschieht, hängt von verschiedenen, in erster Linie extralinguistischen Umständen ab. Unter *Demokratisierung* kann in bezug auf eine natürliche Einzelsprache mithin der verstärkte Einfluß der breiten Masse des die Sprache „tragenden“ und benutzenden Ethnos auf den Sprachgebrauch verstanden werden, d.h. der zunehmende und zu bestimmten Zeiten dynamisierte Einfluß der endogenen Sprachnorm (Usus) auf die exogene Sprachnorm. Die Grundlagen hierfür sind ein wachsendes (national-politisches und sprachliches) Selbstbewusstsein, Prestige, Freiheit und Konsens. Letztgenannter wird erreicht durch Meinungsbildungsprozesse und -austausch, die auf der Oberfläche in der allmählichen Durchsetzung eines neuen sprachlichen Usus zutage treten. In einem Prozeß der Demokratisierung verändert eine Mehrheit von Sprechern ihren Sprachgebrauch aufgrund neuer kommunikativer Bedürfnisse und gewonnener Freiheiten; Sprachpuristen, -pfleger und Traditionalisten, die vor einem drohenden Sprachverfall warnen, werden auf die Dauer unter Umständen zur Minderheit. Diese für eine Demokratie charakteristischen Prozesse der auf Freiheit beruhenden Meinungsbildungsprozesse spiegeln sich bezogen auf Sprache(n) in öffentlichen Meinungsäußerungen zum Sprachgebrauch wider. Es zeigt sich das für eine Demokratie wesentliche Prinzip der Solidarität: Das Volk bestimmt mit seinem Sprachgebrauch und seiner Einstellung die Veränderung(en) der exogenen Sprachnorm (von staatlich initiierten Orthographiereformen und anderen Maßnahmen abgesehen).¹⁷ Der Prozeß der Demokratisierung der Sprache (gemeint ist eigentlich: des Sprachgebrauchs) beruht ferner auf dem die politische Demokratie kennzeichnenden Prinzip der Toleranz. Die Mitglieder eines sprachlichen Soziums, die den Wandel seiner Ethnosprache – wie vor allem R. Keller (1994) veranschaulicht – quasi von unsichtbarer Hand steuern, wollen weder den Wandel noch den Verfall. Sie wollen vielmehr in der unendlichen Vielfalt potentieller Kommunikationssituationen unter den jeweils gegebenen extralinguistischen Bedingungen ihren Wünschen und den Erwartungen der Kommunikationspartner gemäß sprachlich handeln und wählen dazu geeignete Mittel aus dem sprachlichen Repertoire aus. Das Volk wählt – ein wesentliches Prinzip der Demokratie – indirekt, unbewusst und ungewollt die Sprachnorm der Zukunft. Mit sprachpolitischen Maßnahmen von staatlicher Seite kann zwar in dieses Geschehen eingegriffen werden. Inwiefern die Regeln aber tatsächlich beachtet werden, zeigt der von der Mehrheit akzeptierte Usus der Sprachträger, die endogene Norm.

¹⁷ Was das für die Praxis bedeutet, zeigt sich im Vergleich zum Russischen sehr deutlich im Tschechischen, wo die Kluft zwischen der endogenen und der exogenen Sprachnorm besonders breit ist.

2. Demokratisierung und Personalität

Wie erläutert, läßt sich der Prozess der Demokratisierung auf Funktionalstile beziehen, zu denen traditionsgemäß der (schriftliche und mündliche) wissenschaftliche Stil gehört. Er bildet den äußeren Pol des sich über den geschäftlichen und publizistischen bis hin zum künstlerischen Stil erstreckenden Kontinuums für die schriftliche Kommunikation in der russischen Literatursprache. Für die mündliche Kommunikation setzt sich dieses Kontinuum vom umgangssprachlichen Stil mit der öffentlichen, wissenschaftlichen, geschäftlichen, publizistischen, künstlerischen und alltagssprachlichen Ausprägung im Sinne von russisch *речь* über das *Prostorečie* bis hin zum Dialekt – dem anderen äußeren Pol – fort.¹⁸ Zu den Genres der *письменная научная речь* (im folgenden *schriftliche Wissenschaftssprache*) gehören die Monographie, das Lehrbuch, der Aufsatz, das Referat, die Rezension, Annotation und Anleitung. Da sich diese Genres strukturell, funktional und disziplinspezifisch nicht unerheblich voneinander unterscheiden, beschränke ich mich auf eines.

Ein wichtiges Merkmal der Wissenschaftssprache ist ihre Adressiertheit. Darunter ist a) ihre persönliche Gerichtetheit an einen Rezipienten / Leser, b) ihr mit Hilfe verschiedener sprachlicher Ausdrucksmittel ermöglichtes Verweisen oder Referieren auf den Produzenten eines wissenschaftlichen Textes zu verstehen.¹⁹ Sowohl in der mündlichen als auch in der schriftlichen Existenzform der Wissenschaftssprache kann die Referenz auf das Autoren-Ich in expliziter oder impliziter Form erfolgen. Durch die explizite Referenz, die mit Hilfe von Personalpronomina und Verben in der 1. Person Singular (= Ps.Sg.) erfolgt, wirkt eine Darstellung stärker auf das Selbst des Autors konzentriert.²⁰ Sein Ego und die eigene Meinung des Egos wird in den Vordergrund gerückt. Der Autor nutzt mit dieser Teilnahme am wissenschaftlichen Dialog sein persönliches Mitspracherecht. Texte können dadurch im Grad ihrer *aliud*-Zentriertheit²¹ abgeschwächt und im Grad ihrer *Ego*-Zentriertheit gestärkt werden. Eine stärkere *Ego*-Zentriertheit und ein höherer Individualisierungsgrad der Texte läßt sich im Sinne des Gebrauchs vom Recht auf freie Meinungsäußerung, Mitbestimmung und Mitsprache im akademischen Diskurs als Komponente des Demokratisierungsprozesses von Wissenschaftssprache betrachten. In der *aliud*-Zentriertheit spiegelt sich das Bemühen des Wissenschaftlers nach (politischer) Neutralität wider. Die dabei über die implizite Referenz auf das Autoren-Ich „transportierte“ Bescheidenheit des Wissenschaftlers ist in Wirklichkeit nur ein Reflex des Strebens nach einer Verteilung der Verantwortung für den propositionalen Gehalt seiner Äußerung(en) auf eine (meist diffuse) Menge von Personen. Während das für die Propositionen seiner Äußerungen verantwortliche Individuum in einer Demokratie kaum negative Sanktionen zu befürchten hat, wird die

¹⁸ Vgl. die übersichtliche Darstellung in [Sokolovskaja 1985: 84].

¹⁹ Vgl. dazu [Sokolovskaja 1985: 168ff.] und [Jasnickij 1985: 187].

²⁰ Zu diesen pragmatischen Aspekten der Personalität vgl. auch [Rathmayr 1999: 39ff.].

²¹ Aufgrund des „Personalitätsschlüssels“ unterscheidet [Jachnow 1999: 33] zwischen *ego*-, *tu*- und *aliud*-zentrierten und daraus kombinierten Texttypen. Wissenschaftliche Texte sind i.d.R. *aliud*-zentriert.

freie, öffentliche Meinungsäußerung eines Mitgliedes einer Sprachgemeinschaft in einer diktatorischen Staatsform u.U. negativ sanktioniert. Es sollte daher nicht verwundern, wenn in einer sich im Prozeß der Demokratisierung befindlichen Gesellschaft im Zuge entsprechender Veränderungen in der jeweiligen Ethnosprache und ihres Gebrauchs auch eine Demokratisierung des wissenschaftlichen Funktionalstils eintritt, die sich gemäß den obigen Überlegungen auf der Ausdrucksebene in einer zunehmenden *Ego-Zentriertheit* und „Verpersönlichung“ der Texte zeigen dürfte.

3. Normen wissenschaftlichen Sprachgebrauchs

Traditionsgemäß wird die Wissenschaftssprache als eine Teilmenge der (bis heute nur zirkulär definierten) Fachsprache charakterisiert. Schwierigkeiten bei der eindeutigen Bestimmung ausblendend, läßt sich die Wissenschaftssprache definieren als die „Gesamtheit der Phänomene sprachlicher Tätigkeit ..., die im kulturellen Handlungsfeld der Wissenschaften auftreten und die zugleich dieses als theoriebildende und –verarbeitende Kommunikationsgemeinschaft sowie als gesellschaftliche Institution entscheidend konstituieren“ [Kretzenbacher 1998: 133]. Sie ist die einem besonderen Handlungsbereich (einer Wissenschaft wie z.B. der Linguistik) zugeordnete sprachliche Kompetenz.²² Im Sinne der (sprach-)philosophischen Tradition Gottlob Freges u.a. werden als Hauptmerkmale und Voraussetzungen für fachlich und wissenschaftlich präzise Kommunikation im allgemeinen die Exaktheit und semantische Eindeutigkeit betrachtet. Dabei kann zwischen Exaktheit auf lexikalisch-semantischer, stilistischer, textueller, funktionaler, inhaltlich-gegenständlicher, kognitiver, sozialer und kultureller Ebene unterschieden werden.²³ Innerhalb eines beweglichen und unscharf umgrenzten Rahmens von Variabilität und Freiheiten im sprachlichen Ausdruck ist der mündliche und schriftliche akademische Diskurs (hier verstanden als eine Form des Dialogs zwischen den Angehörigen einer Wissenschaftsgemeinschaft) durch explizite oder implizite Konventionen stabilisiert, die seine Funktionalität und das Erreichen wissenschaftlicher Ziele gewährleisten. Dabei ist der mündliche wissenschaftliche Sprachgebrauch freier als der schriftliche. Letzteres zeigt sich vor allem in der Häufigkeit der für beide Existenzformen der Wissenschaftssprache relevanten „Anwesenheit“ des Autoren-Ichs, der expliziten Referenz.

Hinsichtlich der Versprachlichung der *ego*-Konstituente der Kategorie „Personalität“ und der Präsenz des Autoren-Ichs werden an den wissenschaftlichen Stil einzelsprachlich und kulturspezifisch verschiedene, aber in jedem Falle besondere Ansprüche gestellt.²⁴ Wesentlich für die traditionelle Norm des russischen wissenschaftlichen

²² Vgl. [Bungarten 1981a: 31].

²³ Vgl. [Dönninghaus 2005, im Druck: 300ff.].

²⁴ Ich beziehe mich im Folgenden auf [Dönninghaus 2005, im Druck: 552ff.], wo ich vor allem der Frage nachgehe, inwiefern wissenschaftliche Äußerungen mit impliziter Personenreferenz vage sind. – Zu den Möglichkeiten der Referenz auf den Autoren-Ich in der russischen mündlichen Wissenschaftssprache der Domänen Biologie, Physik und Sprachwissenschaft vgl. [Jasnickij 1985].

Stils ist die Tabuisierung der expliziten Referenz auf das Autoren-Ich durch die 1. Ps.Sg. am Verb sowie an Personal- und Possessivpronomina, wodurch der Autor in den Hintergrund und die Fakten in den Vordergrund gerückt werden. Auf der Ausdrucksebene wird die weitgehende Vermeidung der *ego*-Zentriertheit bei gleichzeitig überwiegender *aliud*-Zentriertheit erreicht durch Techniken der Depersonalisierung, die zu rhetorischen Strategien des *hedging* und der Verwendung von Schutzschilden (*shields*) gehören:²⁵ Verbformen und Pronomina in der 1. Person Plural (= Ps.Pl.)²⁶, syntaktische Indefinitkonstruktionen mit Modalverben und agenslose Konstruktionen mit unpersönlichem Passiv, sog. *hedged performatives* (mit Heckenausdruck kombinierte Performativa) und das „Fakten-für-sich-sprechen-Lassen“. Dadurch werden Personenbezüge semantisch mehrdeutig, unbestimmt und vage. *Aliud*-zentrierte Formulierungen erlauben es dem Rezipienten nicht immer, die Verantwortung für die Aussagen bestimmten Personen zuzuweisen und tragen so zur Vagheit der Wissenschaftssprache bei. *Ego*-zentrierte Formulierungen hingegen lassen eine eindeutige Interpretation zu. In ihnen wird die Verantwortung für die Richtigkeit einer Aussage explizit auf die Person des Autors verlagert. Während die *ego*-Zentriertheit für die russische Wissenschaftssprache bisher in hohem Maße tabuisiert war, scheint sich in jüngster Zeit ein Wandel abzuzeichnen, der sich in der zunehmenden Okkurrenzfrequenz expliziter Referenzformen, aber auch in diesbezüglichen stilistischen Unsicherheiten äußert, welche sich ihrerseits in einem Schwanken im Gebrauch expliziter und impliziter Referenzformen niederschlagen. Der wissenschaftliche Autor scheint unabhängig von der erwähnten Unsicherheit verstärkt von seinem neuen Recht auf freie Meinungsäußerung Gebrauch zu machen.

5. Zunehmende *ego*-Zentriertheit als Reflex sprachlicher Demokratisierung

Ob und in welchem Ausmaß die russische Wissenschaftssprache in der beschriebenen Weise am Prozeß der ethnosprachlichen und extralinguistischen Demokratisierung teilhat, läßt sich aufgrund eines Vergleichs des Sprachgebrauchs zu Zeiten der stalinistischen Diktatur mit demjenigen zu Zeiten der Demokratie (böse Zungen würden sagen: der „Putinesischen Demokratie“²⁷) feststellen, d.h. durch die Gegenüberstellung zweier schlaglichtartig-synchron betrachteter wissenschaftssprachlicher Situationen auf der Zeitachse. Wie sich die diachrone Entwicklung in einzelnen Etappen oder für verschiedene wissenschaftliche Disziplinen gestaltet, ließe sich auf der Basis einer Analyse entsprechender Textkorpora zeigen, die gegenwärtig noch ein Desideratum der slavistischen Sprachwandelforschung darstellt. Allein die vergleichende Durchsicht der

²⁵ Vgl. zur tschechischen und russischen schriftlichen Wissenschaftssprache [Dönninghaus 2003a; 2003b].

²⁶ In den Formen der 1. Ps.Pl. am Verb (dem Autorenplural oder *pluralis modestiae*) überschneiden sich die *ego*- und die *aliud*-Komponente der Kategorie „Personalität“.

²⁷ Angelehnt an einen Artikel „Demokratie, putinesisch – In Russland hat die Staatssicherheit die Kontrolle zurückerobert“ von Johannes Voswinkel in „Die Zeit“ Nr. 40 vom 25.09.2003.

Jahrgänge 1952 und 2002 der russischen Fachzeitschrift für Linguistik *Voprosy jazykoznanija* zeigt jedoch, dass sich der Usus im wissenschaftlichen Schreiben bezüglich der beschriebenen *ego*-Zentriertheit innerhalb von 50 Jahren deutlich verändert hat.

In den untersuchten Heften kommt 113 Mal die explizite Referenz auf das Autoren-Ich in Form einer 1. Ps.Sg. vor. Dabei umfaßt der Jahrgang 1952 fünf Hefte, aus denen 30 Aufsätze auf 536 Seiten durchgesehen wurden. Zwei davon sind anonym und enthalten keine explizite Autoren-Referenz; zwei weitere stammen aus der Feder eines Auto-enkollektivs und enthalten ebenfalls keine explizite Referenz auf ein Ego. Für die Auswertung relevant sind somit 26 Aufsätze auf 455 Seiten des Jahrgangs 1952. Der Jahrgang 2002 besteht dagegen aus sechs Heften, aus denen 44 Aufsätze auf 729 Seiten durchgesehen wurden. Von diesen sind drei von einem Autorenkollektiv verfaßt. Vom Jahrgang 2002 sind daher 41 Aufsätze auf 691 Seiten für die Auswertung relevant.

Von den insgesamt 67 monographischen Aufsätzen werden Fragestellungen aus verschiedenen linguistischen Teildisziplinen und -bereichen behandelt. Hinsichtlich der Textsorte sind sie jedoch weitgehend homogen. Von der Grundgesamtheit der Texte enthalten 22 Aufsätze Formen der expliziten Referenz auf das Autoren-Ich. Dieser Anteil von circa 33 % ist beachtlich, wenn man bedenkt, dass wissenschaftliche Texte als ausgeprägt *aliud*-zentriert und unpersönlich gelten.

Berücksichtigt man die unterschiedliche große Seitenanzahl der Jahrgangshefte von 1952 (455 Seiten), auf denen 29 Mal die explizite Referenz auf das Autoren-Ich vorkommt, und von 2002 (691 Seiten), auf denen 84 Mal explizit auf das Autoren-Ich referiert wird, läßt sich feststellen: In den Heften des Jahrgangs 1952 findet sich circa 0,06 Mal je Seite die explizite Referenz, in den Heften des Jahrgangs 2002 hingegen circa 0,12 Mal je Seite, d.h., die Häufigkeit der expliziten Referenz hat sich von 1952 bis 2002 verdoppelt (vgl. das Diagramm im Anhang). Es erscheint also gerechtfertigt zu sagen: An der gesteigerten Vorkommenshäufigkeit der expliziten Referenz auf das Ich des Autors ist tatsächlich eine Tendenz zur Demokratisierung der schriftlichen Wissenschaftssprache im eingangs definierten Sinne abzulesen. Beachtenswert ist jedoch, dass die Verwendung von Formen der expliziten Referenz nachweislich in hohem Maße autorenspezifisch ist. Die Anzahl der zur expliziten Referenz verwendeten Formen schwankt bei den verschiedenen Autoren zwischen 1 und 22. Diese extremen Unterschiede sind für die untersuchte Textsorte und die Kommunikationsdomäne Sprachwissenschaft²⁸ nur durch unterschiedliche Individualstile zu erklären, die aus extra-

²⁸ Daß pronominale und verbale Formen der 1. Ps.Sg. zur Referenz auf das Autoren-Ich in der schriftlichen Wissenschaftssprache der 1950er-1970er Jahre vergleichsweise selten gebraucht werden und ihre Okkurrenzfrequenz wissenschaftsspezifisch ist, weist Jasnickij [1985: 189, 191ff.] nach. Er stellte fest, daß der Anteil an expliziten Referenzmitteln in sprachwissenschaftlichen schriftlichen Texten mit 3,2% fast doppelt so hoch ist wie in Texten aus der Biologie (1,8%), während der Anteil in mündlichen sprachwissenschaftlichen Texten signifikant höher, nämlich bei 41,8% liegt. Im Durchschnitt macht der Anteil der Formen der 1. Ps.Sg. zur expliziten Referenz auf das Autoren-Ich in den 1950er-1970er Jahren in der Sprachwissenschaft, Biologie und Physik 1,6% aus; er ist also erwartungsgemäß gering. Nachweislich wird die Auswahl der Referenzmittel auch von der Textsorte und den wissenschaftsspezifischen Methoden bestimmt.

linguistischen Faktoren wie z.B. Alter, Erfahrung, Status in der *scientific community* und individuellen Charaktereigenschaften (z.B. ein starkes Selbstbewußtsein) resultieren können.

Die Verwendung von Formen der Referenz auf das Autoren-Ich ist darüber hinaus bei den einzelnen Autoren mitunter starken Schwankungen unterworfen. Sie äußern sich darin, daß Formen der expliziten und impliziten Referenz in einem Aufsatz einander (und manchmal scheinbar unmotiviert) abwechseln. Dies erweckt den Eindruck, als sei der jeweilige Autor zwar der Tradition verhaftet, sich aber gleichzeitig der seit Beginn der 1990er Jahre zunehmenden Kolloquialisierung und Individualisierung des öffentlichen Diskurses bewusst und übertrage dieses Bewusstsein auf den akademischen Diskurs. Besonders deutlich wird dies z.B. in einem Aufsatz von E.L. Rudnickaja in Heft 2 (2002), S. 90–102: Die Autorin verwendet in den ersten Absätzen traditionelle Formen der impliziten Referenz wie z.B. ein deutlich und exklusiv auto-referentielles *По нашему мнению*, ... (S. 90 unten), einen klassischen ego-, tu- und aliud-inklusive Autoren-Plural (*Мы видим, что ...*; S. 91 oben) und unpersönlich-modale Infinitivkonstruktionen wie *Необходимо заметить* (S. 91 Mitte). Von da an greift sie verstärkt zu Formen der 1. Ps.Sg.: *Таким образом, я показала ..., и мой вывод заключается в том, что...; ... я рассмотрю ... сравню ...; Я привожу ...; Я также привожу ...* (S. 91 und Fußnote); *Я предлагаю ...* (S. 92); *В этом пункте я даю также анализ ...* (S. 93); *Таким образом, я обосновала то утверждение, что ... ; При этом я использовала ...; В следующем пункте я укажу ...* (S. 95); *Мое объяснение заключается в том, что...* (S. 96); *Мой тезис состоит в том, что ...* (S. 97); *Итак, я показала ... ; Поэтому я предпочитаю считать, что ...* (S. 98); *Я приведу ...* (S. 100) etc. Zwischendrin werden wiederholt Formen der impliziten Autoren-Referenz, vor allem die 1. Ps.Pl. am Verb oder Pronomen, verwendet (S. 92ff.): *Мы видим, что ...* (S. 91, 94); *Мы имеем последовательность ...* (S. 93); *Как мы уже видели ...* (S. 95); *Приведем доказательство ...; Сравним переводы ...* (S. 97). Dass die Formen der expliziten Referenz hier so häufig auftreten, läßt sich einerseits als ein Bedürfnis zur Hervorhebung der eigenen Position und Leistung sowie zu einer Trennung zwischen den persönlichen Handlungsbereichen der Autorin und den Handlungsbereichen, in die potentielle Rezipienten eingebunden sind, werten. Andererseits spiegelt sich in dem ausgiebigen Gebrauch der expliziten Referenzformen der „Mut zum Ego“ in einem ehemals nachweislich vom Tabu der expliziten Referenz auf das Autoren-Ich²⁹ dominierten Funktionalstil wider.

Eine solche ungewöhnliche Häufigkeit expliziter Referenzformen findet sich im untersuchten Korpus nur bei drei Autoren wieder (im zweiten Aufsatz der Hefte 4 und 6 (2002)). Sie nehmen damit die neue Möglichkeit zur freien Meinungsäußerung sowie zur Individualisierung und Personalisierung wissenschaftlicher Darstellungen wahr. Die Person des Autors wird stärker ins Zentrum der Aufmerksamkeit gerückt; der wissenschaftliche Stil gewinnt an Subjektivität.³⁰ Gleichzeitig wird mit der expliziten Refe-

²⁹ Abweichungen von dieser Norm erklärt [Sokolovskaja 1985: 178] durch Zugeständnisse des Redakteurs einer wissenschaftlichen Fachzeitschrift o.ä. an die Autorität des Autors.

³⁰ Zur Objektivität versus Subjektivität in der Wissenschaftssprache und den Möglichkeiten der Versprachlichung des Autoren-Ichs im Tschechischen vgl. [Dönninghaus 2002: 52ff.; 2003b: 39ff.].

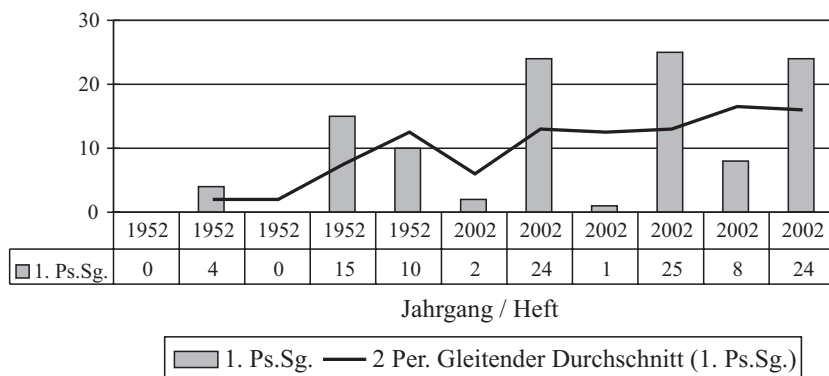
renz markiert, wer für die jeweilige Proposition verantwortlich ist. Während es durch die Verwendung sog. Schutzschilde und Heckenkonstruktionen zu einer Depersonalisierung und Erhöhung des Rhetorizitätsgrades der Texte kommt, wird durch eine stärkere Personalisierung, die im Zuge der Demokratisierung des Diskurses ermöglicht wird, eine Senkung des Rhetorizitätsgrades erreicht. Besonders interessant sind in diesem Zusammenhang Heckenkonstruktionen mit einer expliziten Referenz auf das Autoren-Ich wie ein durch den mündlichen Sprachgebrauch beeinflusstes *Если я не ошибаюсь, ...* (VJa 4 (2002), S. 7), auf das nur einige Absätze später eine Referenz auf das Autoren-Ich in Form der Selbst-Nomination durch den Ausdruck *самым автором этих строк* (ebd.) und anschließend wieder überwiegend Formen des Autoren-Plurals folgen (vgl. auch *Эта точка зрения вполне разделяется автором настоящей статьи* (ebd., S. 28)). Ein ähnlicher Fall findet sich in einem ansonsten weitgehend unpersönlich gehaltenen Aufsatz von O.N. Seliverstova in Heft 6 (2002), S. 14: *Хотя понимание значения как «концепта» ... разделяется сейчас многими лингвистами, включая и автора данной статьи, (...)*. Auf diesen nominativisch-transpositiven Personalitätsausdruck folgt kurz darauf in einer Fußnote eine explizite Referenz auf das Autoren-Ich: *В моих работах при этом часто подчеркивалось, что (...)*. Dabei fällt auf, daß die Autorin von „ihren Arbeiten“ spricht, dann aber gleich anschließend ein unbestimmt-persönliches „*подчеркивалось*“ mit der impliziten Referenz im Sinne von ‚wurde von mir betont‘ verwendet. Dadurch entsteht eine Dissonanz. Ähnliche Schwankungen im Gebrauch der Mittel der personalen Referenz wiederholen sich an einer anderen Stelle (S. 22), wo auf eine explizite Referenz in Form von *Проиллюстрирую сказанное на примере понятий ...* implizite auf das Autoren-Ich referierende Formulierungen wie *Как уже говорилось выше ...* folgen.

Bezüglich der personalen Referenz unmotiviert erscheint auch die Wahl der 1. Ps.Pl. in einem anderen Beitrag aus demselben Heft von 2002, wo es – vermutlich beeinflusst durch den mündlichen Sprachgebrauch – heißt (S. 30): *Впрочем, от негативной оценки одного из наблюдаемых сейчас явлений в области иноязычного заимствования не могу удержаться: я имею в виду (...)*. Hierauf folgt anstelle einer durchaus erwartbaren Form der 1. Ps.Sg. ein Autoren-Plural, mit dem sich der Autor allerdings exklusiv auf sich selbst bezieht: *Приведем примеры калек ...* Angesichts solcher Schwankungen im Gebrauch der Personalitätsmarker erscheint es berechtigt zu fragen: Warum greift der Autor einmal auf die explizite, ein anderes Mal auf die implizite Referenz zurück, wenn er in beiden Fällen eindeutig nur sich selbst meint? – Erwähnenswert ist in diesem Zusammenhang auch die insgesamt seltene und weniger explizite Versprachlichung der Ego-Konstituente in einer Kombination aus Personalpronomen und reflexivem Verb (ebd., S. 71) *Мне вспоминается здесь ... / И мне подумалось: ...* in einem ansonsten durch relativ viele Formen der expliziten Referenz auf das Autoren-Ich gekennzeichneten Beitrag.

Weitere interessante Beispiele für das als stilistische Unsicherheit interpretierbare Schwanken im Gebrauch der Referenzformen finden sich in einem Aufsatz von T.M. Nikolaeva in Heft 4 (2002): Hier verwendet die Autorin in den einleitenden Passagen mehrfach Referenzformen in der 1. Ps.Sg. (*Я хочу обратить внимание...; Считаю*

необходимым сказать в самом начале статьи о том, что ...; ... оказалось для **меня** ...; ... известны **мне** только из ... (S. 25)). Sie wechselt aber im nachfolgenden Text mehrfach zum Autoren-Plural: *В этом отношении интересными для **нашей** задачи были ...; ... а исторически **мы** **имеем** право говорить о ...; ... по **нашему** мнению, ...* (S. 26f., 33). Dabei bezeichnet sie hiermit in einigen Fällen eindeutig sich selbst; in anderen Fällen dagegen ist eine *tu-* und *aliud-*Referenz eingeschlossen.

Häufigkeit der expliziten Referenz auf das Autoren-Ich je Heft der *VJa* von 1952 und 2002

Als ein Reflex einer Kolloquialisierung und Dialogisierung des schriftlichen akademischen Diskurses läßt sich die in der russischen schriftlichen Wissenschaftssprache neuerdings zu findende Verwendung von Formen der 2. Ps.Sg. interpretieren: *Этот фрагмент звучит настолько гладко, что не сразу **замечаешь**, что (...)* (5 (2002), S. 19). Es handelt sich hierbei um einen transpositiven oder explizit verfremdeten Personalitätsausdruck, bei der die primäre Funktion der Personalitätskonstituente unterlaufen wird, da das in der 2. Person versprachlichte und primäre „Tu“ einer Ego- und Tu-Konstituente, d.h. sekundär einem generalisierenden deutschen *man* entspricht. Vgl. hierzu auch eine ähnliche, allerdings weitaus längere Passage mit Formen der generalisierend gemeinten 2. Ps.Sg. in einem anderen ansonsten überwiegend durch die Verwendung der impliziten Referenz auf das Autoren-Ich in Form des Autoren-Plurals und unpersönliche Konstruktionen gekennzeichneten Aufsatz: *Для собственного позиционирования необходимо утвердиться в том, откуда **ты** **происходишь**, какой страны **ты** **гражданин**, был ли **ты** **гражданином** еще каких-то стран, откуда **ты** **переехал** в Финляндию, где **ты** **дольше всего жил**, ... usw.* (5 (2002), S. 67). Diesem transpositiven Ausdruck von Personalität läßt sich ein weiterer aus einem anderen Aufsatz des untersuchten Textkorpus an die Seite stellen (ebd., S. 71): *Бросая ретроспективный взгляд на то, уже почти ушедшее поколение, **ощущаешь***

не только вполне объяснимую гордость за нашу вечно гонимую науку, но и **испытываешь** непреодолимое чувство вины за то, что, (...). Derartige Personalitätsausdrücke finden sich in den Beiträgen von 1952 nicht. Dialogisch ist auch die hinsichtlich der personalen Referenz unklare Formulierung **Остается спросить себя: в каком конкретно фрагменте мира ...?** (VJa 3 (2002), S. 54) in einem sonst ausschließlich im Autoren-Plural verfaßten Aufsatz. Ob sich derartige Personalitätsausdrücke in der modernen russischen schriftlichen Wissenschaftssprache allerdings tatsächlich häufiger finden lassen als früher, wäre noch durch eine eigene Studie nachzuweisen. Dass eine Kolloquialisierung und Dialogisierung jedoch Komponenten eines sprachlichen Demokratisierungsprozesses sind, steht außer Frage.

6. Zusammenfassung

Die eingangs zitierte Feststellung von E. A. Zemskaja bezüglich der strukturellen Veränderungen der Wissenschaftssprache läßt sich anhand der durchgeführten diachron vergleichenden Analyse und einer statistischen Auswertung zumindest für den Bereich der Personalitätsausdrücke bestätigen. Die traditionellerweise für die russische schriftliche Wissenschaftssprache charakteristische schablonenhaft-verschwommene implizite Referenz auf das Autoren-Ich durch Formen der 1. Ps.Pl. am Verb oder sog. Hecken- und Schutzschildkonstruktionen wird zu Beginn des 21. Jhs. (zumindest in der linguistischen Fachsprache) häufiger als zu Beginn der 1950er Jahre durch Formen der expliziten Referenz ersetzt. Unter Berücksichtigung individualstilistischer und durch extralinguistische Faktoren bedingter Divergenzen in der Verwendung dieser Formen kann eine zunehmende Personalisierung des schriftlichen akademischen Diskurses daher zu den wichtigsten Merkmalen der Demokratisierungstendenz im jüngeren sprachlichen Wandel der russischen Sprache gezählt werden. In der russischen schriftlichen Wissenschaftssprache wird zunehmend von der Norm, die durch ein starkes Tabu der expliziten Referenz auf das Autoren-Ich geprägt war, abgewichen. Innerhalb von nur fünf Jahrzehnten lassen sich für den Usus des wissenschaftlichen Schreibens Verschiebungen von einer ausgesprochenen *aliud*-Zentriertheit zu einer stärkeren *ego*-Zentriertheit und Individualisierung belegen, die einer Steigerung des Subjektivitätsgrades wissenschaftlichen Stils und einer Reduktion des Rhetorizitätsgrades des schriftlichen akademischen Diskurses entsprechen. Dabei läßt ein teilweise feststellbares Schwanken im Gebrauch der einzelnen expliziten und impliziten Personalitätsträger auf die pragmatische Unsicherheit wissenschaftlicher Autoren in einer sich noch im Transformationsprozeß befindlichen Gesellschaft schließen. Hinzu kommt eine sich andeutende, aber noch genauer zu untersuchende Tendenz zur Kolloquialisierung und Dialogisierung der schriftlichen Wissenschaftssprache. Dennoch zeichnet sich letztere natürlich immer noch durch ein Primat der Objektivität gegenüber der in den expliziten Referenzmitteln manifestierten Subjektivität aus.

Bibliographie

- Babenko N.S. (1999). *Die Sprachkultur in Rußland vom 18. bis zum 20. Jahrhundert*. W: Scharnhorst J. (ed.) *Sprachkultur und Sprachgeschichte: Herausbildung und Förderung von Sprachbewußtsein und wissenschaftlicher Sprachpflege in Europa*. Frankfurt/M. u.a., 149–164 (= Sprache; 30).
- Bungarten Th. (1981). *Wissenschaft, Sprache und Gesellschaft*. W: ders. (ed.) *Wissenschaftssprache. Beiträge zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Deskription*. München, 14–53.
- Comrie B., Stone G., Polinsky M. (1996). *The Russian Language in the Twentieth Century*. (Second Edition, Revised and Expanded, of *The Russian Language Since the Revolution* by Bernard Comrie and Gerald Stone.) Oxford.
- Dal' V. (1994). *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka (v četyrech tomach)*. (Reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1903–1909 gg., osuščestvlenno pod redakcij profesor A. I. Bodučena de Kurteně.) Moskva.
- Dönninghaus S. (2002). *Zum Autoren-Ich im schriftlichen akademischen Diskurs (an Beispielen aus dem Tschechischen)*. W: Blankenhorn R., Dönninghaus S., Marzari R. (eds.) *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (PolySlav)*. Bd. 15. München 2002, 51–62.
- Dönninghaus S. (2003a). *Prjamaja-li pis'mennaja naučnaja komunikacija?*. W: Dement'ev V.V., Balašova L.V., Sedov K.F. (red.) *Prjamaja i neprjamaja komunikacija. (Sbornik naučnych statej.)* Saratov, 239–252.
- Dönninghaus S. (2003b). *Kommunikative Ausweichstrategien in der tschechischen medizinischen Fachsprache*. W: Sériot P. (ed.) *Schweizerische Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana, August 2003*. Bern u.a., 31–57.
- Dönninghaus S. (2005, im Druck). *Die Vagheit der Sprache. Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache*. Wiesbaden.
- Duličenko A.D. (1994). *Russkij jazyk konca XX stoletija*. München.
- Gutschmidt K. (1998). *Obščie tendencii i speciifičeskie formy ich realizacii v sovremennyh slavjanskich jazykach*. *Jazykovedný časopis*. Vol. 1-2, s. 15–26.
- Jachnow H. (1999). *Die Personalität als sprachliche Universalie*. W: Jachnow H., Mečkovskaja N., Norman B., Plotnikov B. (eds.) *Personalität und Person*. (Unter Mitarbeit von Sabine Dönninghaus.) Wiesbaden, 1–36.
- Jasnickij Ju. G. (1985). *Sposoby vyraženiija avtorskogo „ja“ v ustnoj naučnoj reči*. W: Lapteva O.A. (otv. red.) *Sovremennaja russkaja ustnaja naučnaja reč'*. Tom I: *Obščie svojstva i fonetičeskie osobennosti*. Krasnojarsk, 187–202.
- Kretzenbacher H.L. (1998). *Fachsprache als Wissenschaftssprache*. W: Hoffmann L., Kalverkämper H., Wiegand H.E. (eds.) *Fachsprachen*. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. I. Halbband. Berlin/New York, 133–142.
- Mäder W. (2004). *Minderheiten in der politischen Demokratie*. W: Nelde P.H. (ed.) *Mehrsprachigkeit, Minderheiten und Sprachwandel. Multilingualism, Minorities and Language Change*. St. Augustin, 71–93 (= *Plurilingua*. Schriftenreihe zur Kontaktlinguistik des Brüsseler Forschungszentrums für Mehrsprachigkeit; XXVIII).
- Nagórko A. (1999). *Sprachkultur in Polen nach 1945*. W: Scharnhorst J. (ed.) *Sprachkultur und Sprachgeschichte: Herausbildung und Förderung von Sprachbewußtsein und 0wissenschaftlicher Sprachpflege in Europa*. Frankfurt/M. u.a., 179–193 (= Sprache; 30).
- Neščimenko G.P. (2000). *Problemy publičnoj verbal'noj komunikacii na rubeže vekov*. W: Zybatow L.N. (ed.) *Sprachwandel in der Slavia*. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. (Ein internationales Handbuch.) Teil I-II. Frankfurt/M. u.a., 183–208 (= *Linguistik International*; 4).

- Panzer B. (2000). *Politische und sprachliche Veränderungsprozesse*. W: ders. (ed.) *Die sprachliche Situation in der Slavia zehn Jahre nach der Wende. (Beiträge zum Internationalen Symposium des Slavischen Instituts der Universität Heidelberg vom 29. September bis 2. Oktober 1999.)* Frankfurt/M. u.a., 1–12 (= Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reihe; 10).
- Rathmayr R. (1999). *Pragmatische Aspekte der Personalität*. W: Jachnow H., Mečkovskaja N., Norman B., Plotnikov B. (eds.) *Personalität und Person*. (Unter Mitarbeit von Sabine Dönnighaus.) Wiesbaden, 37–58.
- Širjaev E. (red.) (1997). *Russkij jazyk*. Opole (Najnowsze dzieje języków słowiańskich). *Slovar' russkogo jazyka (v četyrech tomach)*. Red.: Akademiya nauk SSSR. Institut russkogo jazyka. Moskva ²1981.
- Sokolovskaja T.D. (1985). *Otraženie adresovannosti ustnoj naučnoj reči v sodržanii soobščeniya i v ego jazykovej forme*. W: Lapteva O.A. (otv. red.) *Sovremennaja russkaja ustnaja naučnaja reč'*. Tom I: *Obščie svojstva i fonetičeskie osobennosti*. Krasnojarsk, 168–186.
- Vočadlo O. (1938). *Some Observations on Mixed Languages*. W: *Actes du I^{ve} congrès de linguistes*. Kopenhagen, 169–172.
- Weingart M. (1932). *Zuvuková kultura českého jazyka*. W: Havránek B., Weingart M. (eds.) *Spisovná čeština a jazyková kultura*. Praha, 157–234.
- Zemskaja E.A. (1997). *Aktivnye tendencii slovoпроизводство*. W: Širjaev E. (red.) *Russkij jazyk*. Opole, 167–201 (Najnowsze dzieje języków słowiańskich).
- Zemskaja E. (2000). *Aktivnye processy v russkom jazyke poslednego desjatiletija 20-go veka*. W: Panzer B. (red.) *Die sprachliche Situation in der Slavia zehn Jahre nach der Wende. (Beiträge zum Internationalen Symposium des Slavischen Instituts der Universität Heidelberg vom 29. September bis 2. Oktober 1999.)* Frankfurt/M. u.a., 31–48 (Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reihe; 10).
- Zybatow L.N. (2000). *Sprachwandel in der Slavia und seine theoretische Einordnung*. W: ders. (ed.) *Sprachwandel in der Slavia*. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. (Ein internationales Handbuch.) Teil I–II. Frankfurt/M. u.a., 3–26 (Linguistik International; 4).

SUMMARY

Democratization of Russian academic speech?

In linguistic papers on language change it is often stated that the Russian language since the 1990s has adapted to the new political, economical and social conditions by reacting in varied ways to the changes of the so-called extralinguistic environment. Linguists, however, usually concentrate on the description of phonetical/phonological, morphological, lexical or syntactic changes without paying attention to changes of text types. In the present article, by the example of a study of scientific texts I investigate the process of the democratization of written academic speech from the 1950s up to now. For this purpose, I concentrate on different linguistic means of expressing personalization. As a basis for my diachronic empirical investigation serves a homogeneous corpus of written texts of the type 'academic article' in well-known linguistic journals.

Ярослав Довгопольй
Instytut Neofilologii
UWM w Olsztynie

ЭТНОФОЛИЗМЫ КАК ПРОЗВИЩА С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ОЦЕНКОЙ

Обычай давать другим этносам прозвища с эмоционально-экспрессивной оценкой древний как мир и свойственный всем народам. В словарях разных типов и разных языков, включивших в свои словники этот слой лексики, известный в лингвистике как этнофолизмы, слова эти могут сопровождаться пометами, которые по-русски будут звучать как „оскорбительное”, „ругательное”, „пренебрежительное”, „шутливое” и т.п., поскольку имеют выразительную эмоциональную окраску и относятся преимущественно к разговорному языку. В основе таких характеристик лежит концептуальное членение мира: *зло – добро, чужой – свой, глупый – умный*. Категоризация *мы (хорошие) – они (плохие)* связана с эксплицитной или имплицитной оценкой, направленной на возвышение собственного этноса и унижение, ущемление чужого этноса.

Впрочем, уже в греческом *этнос* (‘толпа, стадо, племя, народ’) заложена дихотомия *чужой – свой*, поскольку одно из значений прилагательной формы этого существительного: ‘не греческий’. Древние греки, отдающие себе отчет в своем высоком уровне культурного развития, прозывали всех тех, кто не владел греческим „варварами”, поскольку считали их языки невнятными. Греческое *барбарос*, образованное путем редупликации звукоподражательного *бар* и должно было символизировать непонятную речь иностранцев. Варварами греки называли как высококультурных египтян, так и представителей примитивных народов. Позже этим именем нарицательным в переносном значении ‘жестокие, грубые люди’ стали называть все этносы, не имевшие отношения к древним грекам и римлянам. Римляне в свою очередь обозначили этим словом североафриканские племена, о чем свидетельствует название кочевых племен *берберов* или *бераберов*. В лингвистике под *варваризмом* понимают ‘иностранное слово, не отвечающее нормам данного языка’.

Пожалуй впервые случай использования языка в качестве критерия членения на *наших* и *чужих* упоминается в Библии (Книга Судей Израилевых 12: 6), когда жители Галаада принуждали на паромной переправе желающих

перебраться через реку Иордан произнести слово *sjibbōlet* ('колос') в качестве пропуска. Стоило задержанному вместо начального [š] произнести сибиллянт [s], т.е. 'sibbōlet', как он был разоблачен как ефремлянин и затем убит. Этот метод успешно был использован во время Второй мировой войны полковником нидерландской контрразведки Оресто Пинто в Англии при разоблачении немецких лазутчиков, выдававших себя за голландцев. Подозреваемых полковник просил прочитать вслух голландский топоним *Scheveningen*, в котором буквосочетание *sch* в начале слова по-голландски произносится как [sx], в отличие от [ш] в немецком произношении (из книги Оресто Пинто *Охотник за шпионами*. Москва 1964).

В семантическом ряду членения мира на базе языковой дихотомии стоит и общеславянское *немцы*, не выступавшее сначала дифференцирующим понятием; это – 'любой иностранец'. В повести *Ночь перед Рождеством* Н. В. Гоголь объясняет, что именно имел в виду рассказчик, когда сравнивает чёрта с „немцем”: *Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – все немец*. Аллоэтноним этот в украинском и ряде других языков непосредственно соотносится с названием страны: *Німеччина, Niemcy*.

Если согласиться с тем, что первоначальная форма этнонима *Germanen* ('германцы'), которым римляне и кельты обозначали соседние племена, родственна с староверхненемецким *karmen* ('стонать') и англосаксонским *cierman* ('издавать гомогласный звук') [3, 301], то вполне допустимо, что мотивацией для названия этого племени (позже уже всей группы племен за принципом *pars pro toto* 'части для целого') послужил противоположный *немоте* признак – *голос*. В ряде индоевропейских языков корень *kerm* и его фонологические варианты *searm*, *gairm* (греч. *gèrus* – 'голос') связаны со словами, означающими 'кричать, орать' (как тут не вспомнить, что закарпатцев в Украине пренебрежительно называют *зуканами* ('крикунами')). Так, в ирландском (одном из кельтских языков) *gairm*, *gair* – 'глич, выкрик'. вполне вероятно, что именно боевые выкрики древних германцев, передававшие их воинствующий характер, могли стать причиной того, что соседствующие этносы прозвали их за этим признаком.

К этому семантическому ряду можно отнести и средненидерландское (XIII–XV вв.) *moffe* <*moffelen* ('брюзжать, ворчать'), которым первоначально пренебрежительно называли всех иностранцев, а позже преимущественно работающих в Нидерландах немцев из Вестфалии [6, 1845].

Понятие 'бормотать, невнятно говорить' можно встретить и в эзотерических, т.е. для посвященных, арго, которым пользуются представители уголовного мира. В русской лексикографической литературе впервые в словаре В. Трахтенберга *Блатная музыка. Жаргон тюрьмы*. (СПб. 1908) зафиксировано название *блатная музыка* (дословно: 'невнятная воровская речь'), где *блатная* означает 'воровская', а компонент *музыка* появился вследствие звуковой мимикрии фонетически близкого заимствования из еврейского жаргона деклассированных *Kochem Lo-schen* на котором *schmuos* – 'невнятно говорить' (сравни жаргонизованное *moezen* и *mausen* в нидерландском и немецком языках со значением 'невнятно говорить'). Русское *блатная музыка* эквивалентно немецкому *platte Schmuserei*.

В основе же автоэтнонима *Deutsche* лежит готское *Piudisko* ‘языческий’ [3,141], впервые упоминающееся в латинизированной форме *theodisce* в 786 году в отчете папского нунция Георга фон Остия, в котором тот сообщает Папе Адриану I о работе Синода. Решение Синода было зачитано на латинском (*latine*) так и на народном языке (*theodisce*). Название *theodisce* употреблялось первоначально только по отношению к языку в противовес к латинскому языку, который в то время был языком администрации, торговли, школы. Только около 1090 года *diutisc* употребляется для обозначения языка, этноса и государства.

Как видим, в основе членения мира на *чужой* – *свой* и происхождения этнонимов может лежать язык. „Языком” при этом всегда выступает родной язык, поскольку только его понимают, все остальное – бормотание. Совокупность представлений о жизни при таком подходе замыкается на собственном этносе, без желания лучше узнать соседей, в страхе перед чужим. Подобное мировоззрение является мотивацией возникновения стереотипов: „чрезвычайно упрощенных ментальных моделей, которые игнорируют индивидуальные черты и оценивают только то, что считается присущим данному типу” [2, 92].

Поэтому совсем не удивительно, что история знает случаи, когда ревнители того или иного языка пытались доказывать его превосходство над другими. Так, фламандский врач по имени Иоаннес из деревушки Хорп, более известный под латинизированным именем *Joannes Goropius Besanus*, доказывал в своем претенциозном труде *Origines Antwerpianae* (1569), что его родной диалект древнейший в мире, более того, еще Адам и Ева разговаривали между собой на фламандском диалекте. Доказательством этому должно было служить название *Duyts* (как тогда называли фламандский диалект), которое этимологически объяснялось как ‘D’outs’, т.е. ‘древнейший’.

В говорах некоторых первобытных народов вообще отсутствует понятие степени сравнения, что практически исключает какое-либо сравнение. Самоназвания готтентотов, эскимосов, банту совпадают со словом ‘человек’. Первыми европейцами, описавшими аборигенов юго-западной Африки, *Khoikhoi*, были нидерландцы Лоуренс Тейзон Фейселаар и Даниэл Силлеман. Автоэтноним *Khoikhoi* на языке аборигенов означает ‘настоящие люди’, однако племя это более известно под этнофолизмом *готтентоты*, имеющий разные толкования. Одни исследователи утверждают, что этим прозвищем, означающее ‘заика’, племя нарекли из-за щелкающих звуков в консонантизме их языка. В готтентотских языках процент встречаемости щелкающих наиболее высокий по сравнению с другими языками. Другие считают, что нидерландцы дали это прозвище аборигенам потому, что те во время исполнения ритуальных танцев выкрикивали: „hot, hot”. В переносном значении *hottentot* означает на нидерландском языке ‘некультурный, глупый человек’ [6, 1199].

Иногда название этнической общности может одновременно быть производной амбивалентной мотивации значений, одно из которых выбрано для названия самим племенем, а другое – данное ему другим народом. Так, во второй половине второго века нашей эры античные источники впервые упоминают

германскую группу племен под названием *francae*, прославившуюся разбойническими нападениями на римские провинции. В немецком языке название это сохранилось как для обозначения германского племени, так и для местности вдоль реки Майн. Граждане Франции называют себя сегодня *Français*, что выводится из древневерхнегерманского *frankisk*, лат. *franciscus* – ‘франкский’. В старофранцузском языке *franc* имело следующие значения: 1. ‘смелый’; 2. ‘вольный от рождения’; 3. ‘благородный’; 4. ‘освобожденный от налогов’. Распространенное в немецкоязычном ареале имя Franz происходит от имени святого Франциска, которого вообще-то звали Giovanni Bernadone. А прозвище *franciskus* ‘француз’ он получил уже из-за своей привязанности к Франции.

Название *franc* происходит от древневерхнегерманского *frēh* – ‘жадный’ (сравни соврем. нем.: *frech* – ‘наглый’) с соответствующей назализацией *frēh* > *fræc* > *frank*, которая имела в ряде случаев место в истории разных германских языков независимо друг от друга.

Таким образом, в основе названия *франки* лежит дихотомия ‘отважный’, как прославляющая мотивация для самоназвания этнической группы германцев, так и ‘жадный, наглый’, как оскорбительная мотивация для названия, данного этой группе племен римлянами. Обе метко характеризуют разбойничьи шайки, ставшие когда-то известными под именем *francae*. В современном нидерландском языке, который исторически восходит к старонидерландскому диалекту, прилагательное *frank* сохранило давнюю дихотомию в значениях: 1. ‘свободный’; 2. ‘бесстрашный, фамильярный’; 3. (диалект.) ‘нахальный, наглый’ [6, 862].

Одним из известных способов подобного рода номинации является использование антропонимов. В этом случае за общеизвестным именем может стоять содержательная характеристика определенного национально-психологического типа. Примером этого может послужить имя собственное *Иван*, о котором В. И. Даль сообщает: „по всей азиатской и турецкой границе нашей, от Дуная, Кубани, Урала и до Амура означает русского”. Из этой же словарной статьи узнаем, что *Иван Иванович* – вежливое или шутовское название немцев, а более всего калмыков, которые всегда отзываются на это прозвище, как чуваша на *Василий Василевич*. В зависимости от обстоятельств эмоционально-экспрессивные признаки прозвища *Иван* могут изменяться, набирая иногда зловещий оттенок, как это имело место в немецком языке: *Der Iwan kommt!* (‘Иван наступает!’).

Общие этимологические связи с апеллятивом *Иван* можно проследить и в этнофолизме *yankee* (‘янки’), поскольку оба являются производными от библейского имени *Иоан*. Только во втором случае мы имеем дело с англоязычной формой нидерландского имени нарицательного *Jan Kaas* (дословно в переводе: ‘Иван Сыр’), которым фламандцы дразнили голландцев. Англосаксонские выходцы из Европы в Северной Америке это передразнивание подхватили и стали так прозывать голландских колонистов. При этом следует напомнить, что Нью-Йорк был основан нидерландцем Питером Стойфезандом, а сам город первоначально наречён был Нийв Амстердамом. Сегодня же под

этнофолизмом *янки* понимают представителей американского народа. В самой же Голландии голландцы рядовых своих жителей иронически прозывают *Jan met de pet* ('Ян с кепкой').

А на территории всего бывшего СССР особенно распространен был этнофолизм *фритц* (<Fritz, <Friedrich), которым во время Второй мировой войны и в течении нескольких десятилетий обзывали немцев. После политической оттепели и с началом открытия границ для туристов распространение среди молодёжи получили жаргонизмы: *Бундес* (<Bundesrepublik): 1. 'ФРГ'; 2. 'гражданин ФРГ'; *бундесовать* 'одеваться, вести себя как иностранец'. В свою очередь, граждан ГДР скупщики одежды и спекулянты валютой любовно называли *мотыльками* вследствие контаминации географического названия *Mitteldeutschland* → *мительки* → *мотыльки*.

Если верить лексикографическим справочникам, то наиболее распространенным прозвищем русских в украинском языке является этнофолизм *кацан*. Авторы *Этимологического словаря украинского языка*, ссылаясь на *Словарь* Фасмера, считают, что этнофолизм этот является производным от „...слова *цан* при помощи специфического компонента *-ка* как шутивное обозначение людей, носящие длинные бороды...”. Правда, составители *Словаря* не уточняют, что именно следует понимать под „специфическим компонентом *-ка*”. В украинском языке формант *-ка* может выступать только как суффикс с грамматическими или стилистическими функциями, соотношенный с родом занятий или этническим происхождением, либо как уменьшительный суффикс. В русском же языке *-ка* – усилительная частица после местоимения, наречия и императива, сообщающая речи фамильярный оттенок. Авторы очевидно считают, что речь идет о слиянии апокопированной формы русского наречия *как* со сравнительно-уподобительной функцией и украинского существительного *цан*. Однако против такого толкования говорит то обстоятельство, что выпадание этимологически конечной согласной в наречиях (*к* в данном случае) не является характерным для русского языка, как и образование сложных существительных при помощи компонентов русского и украинского – для украинского языка.

Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (М. „Русские словари”, 1994) связывает происхождение слова *кацан* с арабским *kassāb* ('мясник') и, сопровождая пометами (дореволюционное, бранное), толкует его как „шовинистическое обозначение русского в отличие от украинца в устах украинцев-националистов, возникшее на почве национальной вражды”. Читая подобное толкование читатель может подумать, что ослепленным враждой „украинцам-националистам” не хватило слов в родном языке и им пришлось для передразнивания русских сослаться на арабское *kassāb* ('тот, кто режет мясо'). И опять таки, кто из „украинцев-националистов” владел арабским и почему „тот, кто режет мясо”? Очевидно, составители намереваются убедить пользователей словаря в том, что прозвище соотносится с родом занятия, как это случилось, например, с русским *колбасник*, которое употребляют как прозвание немцев [7, II: 135].

Способы образования этнонимов и этнофолизмов за родом занятия известны и в других языках. Так, голландское *boer* ('крестьянин') употреблялось для названия колонистов Южной Африки, разговаривавших на голландском языке. В истории они стали известны во время англо-бурской войны (1899–1902).

Известно, что основой этимологической методики является сравнительно-исторический метод исследования различных единиц языка, который опирается на шести принципах: фонетическом, семантическом, словообразовательном, генетическом, речевом и пространственном. С учетом того, что в процессе исторического развития украинская культура с арабской почти не соприкасались, то говорить о том, что слово это перенесено непосредственно с арабского языка, не приходится. Не приходится говорить и о косвенном заимствовании посредством третьего языка, поскольку в национальных словарях тех языков через посредство которых чаще всего заимствования переносились в украинский язык (русский и польский), заглавное слово *кацап* сопровождается пометой „употребляется украинцами” или „употребляется и белоруссами” как это имеет место в польской лексикографии. Кстати, употребляется это слово и в польском разговорном языке.

И, наконец, указанное в *Словаре* Д. Н. Ушакова в качестве этимона арабское *kassāb* вызывает сомнение уже потому, что основа его заканчивается на [s], а не на [ts], т.е. в основе слова лежит корень [ksb], а не [kzb], от которого *кацап* и происходит. Немецкий теологический словарь [4] сообщает, что корень [kzb] 'врать, обманывать' (особенно во время исполнения культовых обрядов) в семитских языках очень распространен и в соответствии с этим может получать разные значения.

Дореволюционный *Словарь* Даля более сдержанный в толковании заглавного слова *кацап* и не вникает в его происхождение: „прозвище данное малорусами великорусам, москаль, но последнее обозначает большей частью солдата, военного”.

Наиболее распространенным прозвищем для эмоционально-экспрессивного обозначения украинцами русских как раз и является *москаль* с пейоративным оттенком. *Этимологический словарь украинского языка* считает его заимствованием из польского языка, наверное уже потому, что суффикс *-al* для образования существительных, указывающих на род занятий или этническое происхождение, так характерен для этого языка (сравни: *góral, fornal*). Впрочем, имя нарицательное *Moskal* в качестве этнонима появилось в польском языке еще в XVI веке, когда пространства империи на географических картах еще обозначались как *Moscovia*.

Проникновение семитского *kāzāb* в украинский язык непосредственно связано с распространением языка идиш в Восточной Европе. Миграция значительной части евреев из Германии (ашкенази) на восток – в Польшу, Литву, на Украину, в Белоруссию (особенно с XVI в.) имела следствием, в частности, возникновение новых территориальных диалектов языка идиш. До 1917 года и даже до 1941 года евреи жили наиболее компактно в Украине (см., напр.: Wilenkin. *Jiddischer Atlas der Sowjetunion*. Minsk 1931).

Евреи Восточной Европы имели в своем лексиконе достаточно языковых средств, при помощи которых они могли выразить свое экспрессивно-эмоциональное отношение к окружающим их этносам: украинцам, полякам, русским. Примером этого является *кацап*, в котором конечная согласная [б] подверглась оглушению [б-п] уже в языке идиш. Россияне, в свою очередь, облюбовали для передразнивания украинцев этнофолизм *хохол*, производное от арамейского *haqāl* – ‘поле’ (название восточно-славянского племени *поляне* происходит опять-таки от славянского производного *поле*). Из *Словаря поговорок и пословиц на языке идиш* [4] узнаем, что *Das is e Chakloē!* означает ‘Вот это деревенщина!’ О том, насколько арамейское *haqāl* внедрилось в восточнославянском языковом ареале, открывая в слове пейоративную перспективу, свидетельствуют его дериваты *хохлобаксы* (‘украинские карбованцы’) и *хохляндия*, *хохлостан* (‘Украина’).

Чувство возмущения польской шляхтой, которая во времена Речи Посполитой обладала евреям непосильными налогами, нашло свое выражение в прозвище *Porzer*¹, которым евреи между собой обзывали польскую шляхту. В жаргонизованной форме (за так называемым правилом „begadkefat”) слово это проникло в аргослэнг разных европейских языков, сужая свое первоначальное значение *Poriz* (‘бесстыдник’). В соответствии с этим фонетическим правилом в определенных позициях наблюдается чередование согласных: [b>w, k; p>f] (*Porzer*>*Fartzer*); [t>s]. На немецком жаргоне „Rotwelsch” *Fartzer* означает ‘вор, обкрадывающий витрины’, а на польском аргослэнге „grupsa” *Fartizer* – ‘опытный помощник карманного вора’. С наступлением политической „оттепели” в бывшем СССР и открытием границ для западных туристов в конце пятидесятых годов прошлого столетия *Fartzer* приобрело звучание *фарцовщик* со значением ‘скупщик вещей и валюты у иностранцев’. Были это в основном молодые люди, по крайней мере, с минимальными знаниями какого-либо иностранного языка и не признававшие нормы советского общества.

Концептуальное членение мира *чужой – свой* древних евреев нашло свое выражение и в апеллятиве *гой* (< древнеевр. *gōj* ‘народ, иностранец, не еврей’).

В зависимости от обстоятельств славяне Восточной Европы выражали свою эмоционально-экспрессивную оценку по отношению к евреям самой уже манерой произношения этнонима *жид*, который в украинском языке заимствован из польского языка со значением ‘принадлежащий к еврейскому народу’ и который происходит от древнееврейского *jehudi*, образованное в свою очередь от производного *hud* ‘быть величавым’ [6, 1324].

В соответствии с нормой современного украинского языка слово *жид* является оскорбительным названием еврея. С конца XIX ст. в литературном языке

¹ Выражаю благодарность господину Рону Га Когену, известному израильскому переводчику нидерландской литературы, за оказание помощи при анализе древнееврейских заимствований в языке идиш.

на Восточной Украине начинают вместо *жид* употреблять *еврей*. Авторы из Галичины, употребляя в своих публикациях *жид*, делали примечания, что из уст украинцев слово это оскорбительной нагрузки не несет. У Шолом-Алейхема украинский диминутив *жиденята* обыгран на языке идиш как *жиден ятес*, что переводится примерно как ‘хорошие еврейские ребята’, или даже ‘еврейские хитрецы’ [8, 18].

Безысходность, в которой не раз оказывалась еврейская диаспора на протяжении своей истории, нашла свое отражение в ироническом автоэтнониме *Mexikaner* ‘мексиканцы’, образованное вследствие сдвига выражения *Es mag sie keiner!* ‘Никто их не хочет!’ с омонимией к *Mexikaner*. Таким вот этнофолизмом нарекли голландские евреи своих соплеменников, которые безуспешно намеревались переселиться из Германии в Нидерланды [1, 87].

Пренебрежительное отношение к этносу, а то и к целой рассе, может выражаться обозначением цвета, как это случилось с этнофолизмами *негр*, *негрила*, *негритосия*, *niger*. Название *негр* происходит из латинского языка и встречается уже на страницах сочинения Плиния Старшего *Naturalis historia*. Прилагательным *niger* со значением ‘тёмный’ автор обозначает по отношению к людям: глаза – *aliis nigri...aliis glauci coloris*; цвет кожи – *qui...bibant nigriores sunt*; волосы – *capillos nigro colore*.

Ассоциативно-образное представление цвета ‘тёмный’ прослеживается и в этнофолизмах *шоколадка* или в нидерландском *kwattarepen* (дословно: ‘плитки шоколада Кватта’), производном от шоколадного сорта ‘Kwatta’ и употребляющимся для пренебрежительного названия выходцев из Африки.

Принято считать, что мотивация пренебрежительного отношения к негроидной рассе берет свои начала в Книге Бытия (9:11–28), в которой описан первородный грех негров, за который они обречены на неволю. Соответствующая интерпретация этого пассажа авторитетными теологами, имевшая целью доказать неполноценность чёрной рассы, позволила в 1640 году признать торговлю рабами за такую, которая не противоречила основам кальвинизма, поскольку невольники не были христианами.

Следствия дихотомии *христианин* – *не христианин* прослеживаются также в понятии ‘невольник, раб’, которое, как заимствование из греческого языка, и в германских, и романских языках идентично с этнонимом *славяне*, поскольку до принятия Христианства ими чаще всего торговали на рабовладельческих рынках Византии.

Таким образом, из приведенного материала видно, что в границах эмоционально-экспрессивного поля этнофолизмов проявляется поляризация IN – OUT, которая представляет концептуальную группу *мы, наши, свои*, противопоставленную группе *они, чужие*. Несмотря на наличие ‘дипольного момента’, появление новых этнофолизмов, как и правила, по которым образуются новые производные на данном этапе развития языка, прогнозировать трудно. Так, например, тунисцы прозывают проживающих в Триполи ливанцев *Либи Тасса* (дословно: ‘пустая банка’ в бранном значении ‘болван’). Образован этот этнофолизм от помещенных на автомобильных номерах города Триполи арабских букв *Лам* и *Та*.

Библиография

- [1] Endt E. en Frierichs L. (1994). *Bargoens woordenboek*. Amsterdam, Uitgeverij Bert Bakker.
- [2] Fowler R. (1996). *Language in the news: discourse and ideology in the press*. London and New York, Routledge.
- [3] *Franck's Etymologisch Woordenboek der Nederlandsche Taal*. 's-Gravenhage, Martinus Nijhoff (1971).
- [4] Tendlau A. (1998). *Jiddische Sprichwörter und Redensarten*. Köln, Parkland Verlag.
- [5] *Theologisches Handwörterbuch zum Alten Testament*. (1979). Herausgegeben von E.Jenni, München, Chr. Kaiser Verlag.
- [6] Van Dale (1995). *Groot woordenboek der Nederlandse taal*. Twaalfde druk. Utrecht/Antwerpen, Van Dale Lexicografie.
- [7] Даль В. И. (1980). *Толковый словарь великорусского языка*. Москва, Русский язык.
- [8] Феллер М. (1994). *Пошуки, роздуми і спогади єврея, який пам'ятає сво-х дідів, про єврейсько-укра-нські взаємини, особливо ж про мови і ставлення до них*. Дрогобич, Відродження.

SUMMARY

Ethnopholisms as the nicknames based on expressive and emotional evaluation

The present article deals with the nicknames based on expressive and emotional evaluation. Those characteristics are based on conceptual partition of the world into the following categories: WE – OUR – THEY – STRANGE. The categorization based on the principles WE (ARE GOOD) – THEY (ARE BAD) is connected with explicit and implicit evaluation aimed at making the native ethnos gracious and at insulting the foreign ethnos. Despite the 'dipolar moment', the appearance of new nicknames at the given step of a language development is not easy to predict.

Jan Sosnowski

Instytut Rusycystyki

Uniwersytetu Łódzkiego

LEKSYKA SPOŁECZNO-POLITYCZNA
W KOLEJNYCH WYDANIACH
SŁOWNIKA JĘZYKA ROSYJSKIEGO SIERGIEJA I. OŻEGOWA

Pierwsze wydanie jednotomowego *Słownika języka rosyjskiego* Siergieja I. Ożegowa ukazało się w 1949 roku. Słownik powstał w wyniku długoletniej pracy autora – rosyjskiego językoznawcy, leksykografa i historyka języka. Siergiej Iwanowicz Ożegow (1900–1964) był wcześniej jednym z głównych autorów *Słownika objaśniającego języka rosyjskiego* wydanego pod redakcją prof. D. N. Uszakowa (t. 1–4 1935–1940). Słownik S. I. Ożegowa szybko zyskał uznanie szerokich kręgów czytelników. Zasady, zgodnie z którymi został zredagowany, były zrozumiałe, leksyka aktualna, odzwierciedlająca żywe procesy językowe, objaśnienia słów zaś dokładne i lakoniczne. Przykłady użycia wyrazów oraz część frazeologiczna artykułu hasłowego nie budziły zastrzeżeń. Od początku stał się ważną pomocą naukową i poradnikiem w zakresie współczesnego rosyjskiego języka literackiego. Był to (i jest) słownik normatywny, zalecający określone formy leksykalne, gramatyczne, ortoepiczne i stylistyczne. Za życia autora ukazało się sześć wydań słownika; spośród nich wydanie 2 (1952) i 4 (1960) były wydaniem poprawionymi i uzupełnionymi. Pozostałe, a także wydania 7 (1968) i 8 (1970), były przedrukami. Wydanie 1 liczyło ponad 50 000 słów, 2 – 52 000, zaś 4 – około 53 000 słów.

Po śmierci S. I. Ożegowa pracę nad słownikiem kontynuowała Natalia J. Szwidowa, członek korespondent Rosyjskiej Akademii Nauk. Wydanie 9 z 1972 r., poprawione i uzupełnione, zawierało o 4000 słów więcej niż poprzednie. Każdy artykuł hasłowy został sprawdzony i w razie potrzeby przeredagowany. Pod redakcją N. J. Szwidowej w latach 1972–1991 ukazało się w sumie 14 wydań słownika. Wydania 13 (1981), 16 (1984) i 19 (1987) były poprawione, zaś wydanie 21 (1989) zostało opracowane na nowo i uzupełnione. Pozostałe wydania były przedrukami. We wskazanym okresie słownik zwiększył swą objętość z 57 000 do 70 000 słów. Stopniowo poszerzano opis struktury semantycznej wyrazów wieloznacznych, wzbogacano stronę ilustracyjną słownika, rozbudowywano gniazda wyrazów itp. Wzorca form gramatycznych i akcentuacji dostarczyła *Gramatyka rosyjska* z 1980 r. i *Słownik ortoepiczny języka rosyjskiego* z 1989 r.

Owoce dalszej pracy jest, w pewnym sensie nowy, *Słownik objaśniający języka rosyjskiego* sygnowany nazwiskami S. I. Ożegowa i N. J. Szwiedowej. Jego pierwsze wydanie ukazało się w roku 1992; liczy ono 72 000 słów i 7500 frazeologizmów. Ten słownik – jak pisze N. Szwiedowa w przedmowie – w istotny sposób różni się od wszystkich poprzednich wydań „odnotownika”. Pojawiło się w nim ponad 3000 nowych słów i wyrażań, duża liczba nowych znaczeń i związków wyrazowych, będących wynikiem aktywnych procesów we współczesnej leksyce i frazeologii. Opracowano na nowo lub uściślono objaśnienia słów, rozszerzono materiał ilustracyjny, wprowadzono nowe idiomy. Usunięte zostały narzucone z zewnątrz ideologiczne i polityczne charakterystyki nazywanych pojęć, obecne w większym lub mniejszym stopniu w poprzednich wydaniach (w mniejszym – w 21 wydaniu). Wiele słów dotyczących polityki i ideologii otrzymało odpowiednie, ściśle filologiczne objaśnienia. Słownik stara się odzwierciedlać żywe procesy, zachodzące w języku rosyjskim w ciągu ostatnich dziesięcioleci XX w. Wydanie 2 (1994) jest wydaniem poprawionym i uzupełnionym, zaś 4 (1997) – uzupełnionym. To ostatnie wydanie liczy 80 000 słów i frazeologizmów (Ożegow, Szwiedowa 1997: 3–4).

Zrozumiałe jest zainteresowanie językoznawcy rusycysty leksyką społeczno-polityczną zawartą w kolejnych edycjach. Ukazywały się one w różnych okresach władzy radzieckiej, a także w dzisiejszych, poradzieckich czasach. Pierwsze wydania wyszły za życia Stalina, kolejne – w czasach Chruszczowa, Breżniewa, Czernienki, Gorbaczowa, a następnie Jelcyna i Putina. Jest to więc cała druga połowa XX w., okres bardzo bogaty w różnorodne wydarzenia w ZSRR, Rosji i na całym świecie. Zbadałem definicje i ilustracje przykładowe kilku podstawowych terminów społeczno-politycznych w kolejnych głównych wydaniach *Słownika* S. I. Ożegowa (później: Ożegowa i Szwiedowej), zaczynając od wydania 2 z 1952 r., a kończąc na wydaniu z 1997 r. Przeanalizowałem następujące hasła: демократия, капитализм, коммунизм, социализм, партия, профсоюз.

Celem pracy jest przedstawienie ewolucji artykułów hasłowych do wymienionych haseł od początku lat 50. do końca XX w. i charakterystyka istotnych różnic między wydaniem *Słownika* w omawianym zakresie. Poniżej zamieszczam definicje oraz ilustracje przykładowe, wydobyte z artykułów hasłowych poświęconych analizowanym terminom.

ДЕМОКРАТИЯ

Ożegow 1952

Политический строй, при котором верховная власть, в отличие от монархии, принадлежит народу.

Социалистическая демократия (политический строй, при котором верховная власть принадлежит свергнувшему иго капитализма трудовому народу во главе с рабочим классом, руководимым коммунистической партией). *Буржуазная д.* (политический строй, при котором парламентаризм является прикрытием господства эксплуататорских классов, диктатуры буржуазии над трудящимися).

Ożegow 1960

Политический строй, при котором верховная власть принадлежит народу.

Социалистическая д. Страны народной демократии. Буржуазная д. (политический строй [...] itd. jak wyżej).

Ożegow 1972; Ożegow 1981

Политический строй, при котором верховная власть принадлежит народу.

Социалистическая д. (высший тип демократии, подлинное народовластие). *Буржуазная д.* (государственный строй, при котором формальное равенство политических прав и свобод всех граждан прикрывает собой господство буржуазии над трудящимися).

Ożegow 1987

Политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равенства граждан.

Социалистическая д. (высший тип демократии, основанный на полном и фактическом народовластии). *Буржуазная д.* (формально декларируемая власть народа при действительном господстве буржуазии).

Ożegow 1989

Jak wyżej, ale bez przykładu *буржуазная д.*

Ożegow, Szwiedowa 1992; Ożegow, Szwiedowa 1997

Политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равноправия граждан.

Принципы, идеалы демократии. Борьба за демократию.

W definicji z roku 1952 demokrację, ustrój polityczny, w którym najwyższa władza należy do ludu, przeciwstawia się monarchii. Ilustracja przykładowa służy podkreśleniu zasadniczych różnic między demokracją socjalistyczną a burżuazyjną. W następnych wydaniach *Słownika* definicję demokracji skrócono – usunięto słowa „в отличие от монархии”.

W drugiej połowie lat 80. wymienia się w definicji zasady, na jakich opiera się demokracja: ludowładztwo, wolność i równość obywateli. Taka definicja obowiązuje też w ostatnich wydaniach. Co się tyczy ilustracji przykładowej, to w *Słowniku* z 1960 r. zrezygnowano z objaśnienia demokracji socjalistycznej, choć sam przykład pozostawiono. Od 1972 r. do lat 80. podaje się krótkie objaśnienie: „najwyższy typ demokracji, prawdziwe ludowładztwo” (z niewielką zmianą w latach 80.: „najwyższy typ demokracji, oparty na pełnym i faktycznym ludowładztwie”). Pojęcie *demokracja burżuazyjna* wraz z objaśnieniem występuje jeszcze w wydaniu z roku 1987. W latach 90. materiał ilustracyjny ulega zmianie. Wprowadzone w wydaniu z 1992 r. wyrażenie *walka o demokrację* może nawiązywać do oporu wobec puczu moskiewskiego w sierpniu 1991 r.

КАПИТАЛИЗМ

Ożegow 1952

Общественный буржуазный строй, который основан на эксплуатации наёмных рабочих и при котором все средства производства являются частной собственностью класса капиталистов и служат источником извлечения прибыли и присвоения результатов чужого труда.

Гибель капитализма и победа коммунизма неизбежны. Неизбежные спутники капитализма – безработица, нищета трудящихся.

Ożegow 1960

Общественный строй, при котором все средства производства являются частной собственностью класса капиталистов, эксплуатирующих труд наёмных рабочих для извлечения прибыли.

Гибель капитализма и победа коммунизма неизбежны.

Ożegow 1972

Definicja jw.

Гибель капитализма неизбежна.

Ożegow 1981

Общественный строй, при котором основные средства производства являются частной собственностью класса капиталистов, эксплуатирующих труд наёмных рабочих для извлечения прибыли.

Ilustracja przykładowa jw.

Ożegow 1987

Definicja jw.

Общий кризис капитализма.

Ożegow 1989

Сменившая собой феодализм общественно-экономическая формация, при которой основные средства производства являются частной собственностью класса капиталистов, эксплуатирующих наемный труд для извлечения прибыли.

Эпоха капитализма.

Ożegow, Szwidowa 1992; Ożegow, Szwidowa 1997

Сменившая собой феодализм общественно-экономическая формация, при которой основные средства производства являются частной собственностью класса капиталистов.

Ilustracja przykładowa jw.

Obszerna, marksistowsko-leninowska definicja kapitalizmu – por. wydanie z 1952 r. – była w kolejnych wydaniach *Słownika* skracana. Od końca lat 80. mówi się o kapitalizmie jako formacji społeczno-ekonomicznej, która zastąpiła feudalizm i w której środki produkcji są prywatną własnością klasy kapitalistów. Ta definicja nie uwzględnia faktu pojawienia się kapitalizmu w byłych krajach socjalistycznych Europy Środkowej i Wschodniej, m.in. w Rosji w końcu XX w. Zmianie ulega też ilustracja przykładowa. Nacechowane emocjonalnie stwierdzenie o nieuchronnej zagładzie kapitalizmu i zwycięstwie komunizmu ustępuje miejsca całkowicie neutralnemu wyrażeniu *epoka kapitalizmu*.

КОММУНИЗМ

Ożegow 1952

Идущий на смену капитализму в результате победы пролетарской революции и диктатуры пролетариата общественный строй, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства с отсутствием деления на классы, при котором уничтожена противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом и осуществляется распределение по потребностям.

Социализм – первая фаза коммунизма. Принцип коммунизма: от каждого – по его способностям, каждому – по его потребностям.

Ożegow 1960

Definicja jw., z drobną zmianą składniową w środku: „[...] на средства производства, при котором отсутствует деление на классы, уничтожена противоположность [...]”.

Ilustracja przykładowa jw.

Ożegow 1972; Ożegow 1981

1. Общественно-экономическая формация, закономерно приходящая на смену капитализму и основанная на общественной собственности на средства производства, на сотрудничестве и взаимной помощи свободных от классовой эксплуатации и национального гнета трудящихся.

Социализм – первая фаза коммунизма.

2. Вторая, высшая фаза этой формации – бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства и полным социальным равенством всех членов общества, в котором на базе мощного роста производительных сил осуществляется принцип: „от каждого по способностям, каждому – по потребностям” и обеспечивается всестороннее развитие личности.

3. Марксистско-ленинская теория создания и развития такой формации.

Научный к.

Ożegow 1987

1. Общественно-экономическая формация, закономерно приходящая на смену капитализму и основанная на общественной собственности на средства производства.

Социализм – первая фаза коммунизма.

2. Вторая, высшая фаза этой формации – бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, в котором вместе со всесторонним развитием людей вырастут производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники и осуществится принцип „От каждого – по способностям, каждому – по потребностям”.

3. Definicja i ilustracja przykładowa jw.

Ożegow 1989

1. Definicja i ilustracja przykładowa jw.

2. Definicja jak w [Ożegow 1972] i [1981] z drobną zmianą składniową: „[...] производства, полным [...]”.

3. Марксистско-ленинская теория создания и развития такой формации.

Научный к. (наука о классовой борьбе пролетариата и о социалистической революции, о закономерностях построения социализма и коммунизма, о мировом революционном процессе; в широком смысле – марксизм-ленинизм в целом).

Ożegow, Szwidowa 1992; Ożegow, Szwidowa 1997

Общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа „От каждого – по способностям, каждому – по потребностям”.

Марксистовско-ленинская definicja komunizmu w wydaniu *Słownika* z 1952 r. jest obszerna i niezgrabna stylistycznie. Pozostawiono ją w wydaniu z 1960 r., wprowadzając drobną zmianę składniową, co poprawiło styl definicji. W latach 70. i 80. definicję zapisano w trzech punktach. W pierwszym punkcie omówiono komunizm jako formację społeczno-ekonomiczną zastępującą kapitalizm, w następnym – jako drugą, wyższą (najwyższą) fazę całej formacji, bezklasowy ustrój społeczny, w którym realizowana jest zasada „od każdego według zdolności, każdemu według potrzeb”, w trzecim zaś – komunizm jako marksistowsko-leninowską teorię powstania i rozwoju formacji komunistycznej. Ilustracja przykładowa do pkt. 1 brzmi: *Socjalizm – pierwsza faza komunizmu*, a do pkt. 3: *naukowy komunizm*. W wydaniach z lat 1987 i 1989 definicję komunizmu w znaczeniu 1 – formacja społeczno-ekonomiczna – ograniczono do niezbędnego minimum: „zastępuje kapitalizm i oparta jest na społecznej własności środków produkcji” (pkt 1). W wydaniu z 1989 r. rozbudowano pkt 3, podając (w nawiasie) objaśnienie pojęcia *naukowy komunizm*. Przedstawia się go jako naukę

o walce klasowej proletariatu, o rewolucji światowej itp. W wydaniach *Słownika* z lat 90. definicja komunizmu jest jednolita, bez podziału na punkty. Wykorzystano w niej elementy pkt. 1 i 2 definicji z poprzednich wydań: społeczna własność środków produkcji, budowa społeczeństwa bezklasowego, dążenie do pełnej socjalnej równości wszystkich członków społeczeństwa i do realizacji zasady „od każdego według zdolności, każdemu według potrzeb”. Nie podano ilustracji przykładowej.

СОЦИАЛИЗМ

Ożegow 1952

Первая фаза коммунизма – государственный и общественный строй, который устанавливается в результате пролетарской революции, свержения господства буржуазии и утверждения диктатуры пролетариата, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства и при котором осуществляется принцип: от каждого по его способностям, каждому по его труду.

С. осуществлен в СССР и закреплён Сталинской Конституцией. Советский Союз – первая в мире страна социализма.

Ożegow 1960

Definicja jw.

С. осуществлен в СССР и закреплён Конституцией Советского Союза. Советский союз – первая в мире страна социализма.

Ożegow 1972

Первая фаза коммунизма – общественный строй, который приходит на смену капитализму и устанавливается в результате пролетарской революции и утверждения диктатуры пролетариата, основой производственных отношений которого является [...] itd. jw.

В СССР с. победил полностью и окончательно.

Ożegow 1981

Definicja jw. (w końcowej części skrócona fraza: „от каждого – по способностям, каждому – по труду”).

Ilustracja przykładowa jw.

Ożegow 1987

Первая фаза коммунизма – общественный строй, в котором основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства и в котором осуществляется принцип „От каждого – по способностям, каждому – по труду”.

В СССР с. победил полностью и окончательно. Мировая система социализма.

Ożegow 1989

Definicja jw. (z dwiema zmianami stylistycznymi).

Мировая система социализма (социально-экономическая и политическая общность стран, идущих по пути социализма и коммунизма).

Ożegow, Szwidowa 1992; Ożegow, Szwidowa 1997

Социальный строй, в котором основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства и провозглашаются принципы социальной справедливости, свободы и равенства.

Утопический с. (восходящее к „Утопии” Т. Мора учение об идеальном переустройстве общества на основе общности имущества, равенства всех людей, обязательности труда, стирания различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом).

Христианский с. (в 19 в.: направление общественной мысли, стремящееся придать христианской религии социалистическую окраску и частично смыкающееся с социальными доктринами современного католицизма).

Obszerna definicja socjalizmu – pierwszej fazy komunizmu, ustroju wprowadzonego drogą rewolucji proletariackiej – występuje w *Słowniku* od wydań początkowych aż do połowy lat 80. XX w. bez istotnych zmian. Nie uwzględnia faktu, iż rewolucja nie była warunkiem koniecznym zaprowadzenia socjalizmu (por. takie kraje jak Polska, Czechosłowacja). W drugiej połowie lat 80. definicja została skrócona. Mówi ona o socjalizmie jako pierwszej fazie komunizmu, o społecznej własności środków produkcji oraz o zasadzie „od każdego według zdolności, każdemu według pracy”. Definicja socjalizmu w wydaniach z lat 90. jest częściowo zmieniona. Obok społecznej własności środków produkcji wymienia się w niej zasady sprawiedliwości społecznej, wolności i równości. Zauważmy, że społeczna własność środków produkcji jest podstawową zasadą tzw. socjalizmu realnego (typu sowieckiego). Postulat sprawiedliwości społecznej jest dziś w mniejszym lub większym stopniu realizowany w różnych krajach, szczególnie przez państwo opiekuńcze, zaś wolność i równość są głównymi wartościami społeczeństw demokratycznych. Tak więc w definicji połączono zasadę leninowską z uniwersalnymi wartościami demokracji.

Od początku lat 70. do roku 1987 ilustrację przykładową stanowi stwierdzenie o pełnym i ostatecznym zwycięstwie socjalizmu w ZSRR. W wydaniu z 1987 r. pojawia się też określenie *światowy system socjalizmu*, które otrzymuje objaśnienie w wydaniu kolejnym, z 1989 r. (w nawiasie): „wspólnota społeczno-ekonomiczna i polityczna krajów kroczących drogą socjalizmu i komunizmu”. W wydaniach z lat 90. ilustrację przykładową stanowią dwa wyrażenia: *socjalizm utopijny* i *socjalizm chrześcijański*. Oba zostały objaśnione. Warto zwrócić uwagę na wyjaśnienie wyrażenia „socjalizm utopijny”. Ma ono cechy wspólne z definicją komunizmu we wczesnych wydaniach *Słownika*: chodzi tu o zacieranie różnic (w tym sprzeczności) między miastem a wsią oraz pracą fizyczną i umysłową. Ponadto socjalizm utopijny charakteryzuje wspólnota majątkowa, a komunizm społeczna własność środków produkcji.

Najkrótszym komentarzem do tych podobieństw może być stwierdzenie, że komunizm był, a gdzieś jeszcze jest, wprowadzoną w życie utopią.

ПАРТИЯ

Ożegow 1952

Политическая организация, являющаяся ведущей частью общественного класса, защищающая его интересы и руководящая его борьбой с враждебными классами.

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) представляет и защищает интересы рабочего класса и трудящихся. Коммунистическая партия – авангард рабочего класса. Реакционные политические партии буржуазии.

Ożegow 1960

Definicja jw.

Коммунистическая партия Советского Союза есть добровольный боевой союз единомышленников-коммунистов, организованный из людей рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции.

Ożegow 1972; Ożegow 1981

Политическая организация общественного класса, выражающая и защищающая его интересы и руководящая его борьбой.

Коммунистическая партия Советского Союза есть боевой испытанный авангард советского народа, объединяющий на добровольных началах передовую, наиболее сознательную часть рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции СССР.

Ożegow 1987

1. Definicja oraz ilustracja przykładowa jw.

2. Коммунистическая партия Советского Союза. *Член партии.*

Ożegow 1989

1. Политическая организация общественного класса или его слоя, выражающая и защищающая его интересы и руководящая его борьбой.

Коммунистическая партия Советского Союза. П. Индийский национальный конгресс.

2. Коммунистическая партия Советского Союза.

Член партии. Кандидат в члены партии.

Ożegow, Szwiedowa 1992

1. Политическая организация общественного класса или социального слоя, выражающая и защищающая его интересы, руководящая им в достижении определенных целей.

Политические партии. Демократическая, республиканская, консервативная, коммунистическая социалистическая, национал-социалистская п. П. анархистов. П. конституционных демократов. Левые, правые, центристские партии.

2. Коммунистическая партия Советского Союза.

Член партии. Обком партии. Исключить из партии.

Ożegow, Szwiedowa 1997

1. Политическая организация какого-н. общественного слоя, выражающая и защищающая его интересы, руководящая им для достижения определенных целей и имеющая свою программу.

Парламентские партии. Демократическая, республиканская, консервативная, коммунистическая, социалистическая, национал-социалистская п. П. анархистов. П. конституционных демократов. Левые, правые, центристские партии. Вступить в партию. Выйти из партии.

2. В СССР: Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), а затем коммунистическая партия Советского Союза.

Член партии. Обком, райком, горком партии. Исключить из партии.

Definicja partii politycznej z pierwszych wydań *Słownika* w zasadzie zachowała się do wydania z 1989 r., z tym, że od 1972 r. jest krótsza, kończy się słowami „[...] и руководящая его борьбой”. Zrezygnowano ze słów „с враждебными классами”. W wydaniach z lat 90. nie mówi się o walce, lecz o osiągnięciu określonych celów. Od drugiej połowy lat 80. definicja partii politycznej zawiera dwa punkty; pkt 2 odnosi się do Komunistycznej Partii Związku Radzieckiego. W wydaniu z roku 1997 w punkcie 2 czytamy „W ZSRR: Всезв'язков'а комуністична партія (бolszewików), а наступіє комуністична партія Зв'язку Радзєєк'єк'єго” (zawartość pkt. 1 została omówiona powyżej). Wyraz „коммунистическая” (komunistyczna) napisano w obu wypadkach małą literą – prawidła wymagają wielkiej litery. W erracie brak sprostowania. Ilustrację przykładową w wydaniach z lat 60., 70. i 80. (do wydania z r. 1987) stanowią fragmenty statutu KPZR. W wydaniach z lat 90. rozszerzono ilustrację przykładową, szczególnie do pkt. 1. Wymienia się tu partie różnych orientacji politycznych: demokratyczną, republikańską, konserwatywną itd.

ПРОФСОЮЗ

Ożegow 1952

Сокращение: профессиональный союз.

Профсоюзы – школа коммунизма.

Ożegow 1960

Профессиональный союз.

Ilustracja przykładowa jw.

Ożegow 1972; Ożegow 1981

Definicja i ilustracja przykładowa jak w [Ożegow 1952].

Ożegow 1987

Definicja jw.

Профсоюзы – школа коммунизма, школа управления, хозяйствования.

Ożegow 1989

Definicja jw.

Профсоюзы – школа управления, хозяйствования, школа коммунизма. Член профсоюза.

Ożegow, Szwidowa 1992; Ożegow, Szwidowa 1997

Сокращение – профессиональный союз – объединение людей, связанных по профессии, по характеру деятельности.

Член профсоюза.

Ilustrację przykładową hasła „профсоюз” (związek zawodowy) stanowi stwierdzenie Lenina, iż związki zawodowe są szkołą komunizmu. W latach 80. ilustrację rozszerzono – mówi się o tym, również zgodnie z opinią Lenina, że związki zawodowe są także szkołą zarządzania, gospodarowania. W wydaniu *Słownika* z roku 1989 na pierwszym miejscu postawiono zarządzanie, zaś na trzecim komunizm: *Związki zawodowe jest to szkoła zarządzania, gospodarowania, szkoła komunizmu*. W wydaniach z lat 90. przykładem użycia wyrazu hasłowego jest tylko wyrażenie *членок związku zawodowego*. Warto zauważyć, że w wydaniach do r. 1987 włącznie zdanie *Związki zawodowe jest to szkoła komunizmu* zamieszczono również w artykule hasłowym „школа” (w znaczeniu 2: wykształcenie, zdobyte doświadczenie).

Podsumowanie

Definicje terminów społeczno-politycznych w okresie radzieckim utrzymane są – rzecz to zrozumiała – w duchu obowiązującej ideologii. Ilustracja przykładowa pełni często rolę propagandową, zob. np. *социалистическая демократия* i *буржуазная демократия* z ich objaśnieniami (pod hasłem „demokracja”), *Гибель капитализма и победа коммунизма неизбежны* (pod hasłem „kapitalizm”) czy też *В СССР социализм победил полностью и окончательно* (pod „социализм”). Wydaje się, że autor, a po jego śmierci redaktorka, zachowują umiar w stosowaniu pierwiastka propagandowego.

W końcu lat 80., w czasach zaawansowanej pierestrojki, nacisk polityczny na redakcję *Słownika* nieco się osłabia, ale jest ciągle wyraźny. Jeszcze w wydaniu z roku 1989 ilustrację do hasła „профсоюз” (związek zawodowy) stanowi stwierdzenie oparte na poglądzie Lenina: *Профсоюзы – школа управления, хозяйствования, школа*

коммунизма. Właśnie w tym wydaniu pojawiły się objaśnienia pojęć *научный коммунизм* i *мировая система социализма*. Jednocześnie w wydaniu z 1989 r. zrezygnowano z ilustracji przykładowej w postaci stwierdzenia, że w ZSRR socjalizm zwyciężył całkowicie i ostatecznie oraz z cytatu ze statutu KPZR jako ilustracji przykładowej do hasła „партия”.

Znamienne jest zapisanie małą literą przymiotnika „коммунистическая” w nazwie partii bolszewickiej – WKP(b) oraz KPZR w wydaniu *Słownika* z roku 1997. Jest to w pewnym sensie dowód na brak cenzury.

Źródła

- Ожегов С.И. (1952). *Словарь русского языка*. 2-е изд., исправленное и дополненное. Москва.
Ожегов С.И. (1960). *Словарь русского языка*. 4-е изд., испр. и доп. Москва.
Ожегов С.И. (1972). *Словарь русского языка*. 9-е изд., испр. и доп. Москва.
Ожегов С.И. (1981). *Словарь русского языка*. 13-е изд., испр. и доп. Москва.
Ожегов С.И. (1987). *Словарь русского языка*. 19-е изд., испр. Москва.
Ожегов С.И. (1989). *Словарь русского языка*. 21-е изд., перераб. и доп. Москва.
Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка*. Москва.
Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. (1997). *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд., доп. Москва.

SUMMARY

Social and political vocabulary in successive editions of S. I. Ozhegov's *Russian Language Dictionary*

S. I. Ozhegov's *Dictionary*, since its first edition in 1949, has been appearing in successive editions from the Soviet times to recent post-Soviet reality. Since 1992 it is co-authored by N. Y. Shvedova. The article compares several entries related to social and political affairs, collected from the principal editions of the *Dictionary*. The analyzed entries include the following lexemes: *democracy*, *capitalism*, *communism*, *socialism*, *party*, *trade union*. The main goal of the article is to show the evolution of the respective entries and to characterize the crucial differences between various editions.

Ия Блюменталь

Zakład Lingwistyki Stosowanej

Uniwersytetu Łódzkiego

ТРАНСФОРМАЦИИ НЕКОТОРЫХ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ)

1. Русский язык всегда был открыт для заимствований. Начиная со времен Петра I язык ориентировался на западную культуру, что способствовало проникновению в него многочисленных заимствований из западноевропейских языков (в Петровские времена из немецкого и голландского, позднее из французского). М. В. Ломоносов, который вводил в русскую науку иностранные термины, дал определение русскому языку, в котором видел „великолепие испанского, живость французского, нежность итальянского, крепость немецкого и сверх того сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков”. Однако именно английский язык, который может быть не случайно пропустил Ломоносов, в последние десятилетия XX века стал основным и очень „активным” источником заимствований в русском языке.

Тенденция к американизации русской жизни находит свидетельство в американизации русского языка, что в свою очередь выражается в проникновении в „великий и могучий” многочисленных заимствований – англоязычных неологизмов. „[...] Число иноземных слов – что отметил еще академик Я. К. Грот – вторгшихся и еще вторгающихся к нам вместе с новыми понятиями, изобретениями и учреждениями, заимствуемыми с запада, так велико, что изгнать их даже и в отдаленном будущем едва ли удастся”. [Грот 1899]. И следствием такого активного заимствования является „[...] изменение точки зрения на англицизмы-американизмы: они воспринимаются уже не как »чужое«, а как »свое« [...] как слова, подлежащие заимствованию и усвоению” [Сешан 1996].

1.1. Цель настоящей статьи в том, чтобы на примере некоторых наиболее употребительных английских неологизмов показать, каким образом усваиваются они современным русским языком и каким фонетическим, структурным, грамматическим и семантическим трансформациям подвергаются в современном русском языке на этапе **интеграции** с языком-реципиентом. Источником лексики для

анализа послужили материалы СМИ, так как, на мой взгляд, пополнение словарного состава современного русского языка прослеживается прежде всего на страницах прессы и в электронных средствах массовой информации. Кроме того, именно посредством этих источников информации носители языка могут освоить новые заимствования, т.е. сформировать и закрепить лексические значения единиц, а также их грамматические формы, а студенты-иностранцы, изучающие русский язык, пополнить и расширить свой словарный состав с учетом всех изменений, происходящих в современном русском языке.

Предлагаемые для рассмотрения примеры англицизмов – это словарные единицы, которые на сегодняшний день прочно вошли в словарный состав русского языка и относятся к общеупотребительной лексике на всех уровнях коммуникации. Они часто встречаются также в текстах, предлагаемых для перевода студентам-русистам. Как известно, неологизмы – это „новые слова и выражения, созданные для обозначения новых предметов или для выражения новых понятий [...], новые слова и выражения, необычность которых ясно ощущается носителями языка” [БЭС 1998].

1.2. Рассматриваемые в этой работе неологизмы являются [определение Н. З. Котеловой] „внешними заимствованиями”. Необычность и форма такого типа внешних заимствований, которые я буду также называть „английские неологизмы” или „англицизмы”, позволяет причислить их к группе так называемых „сильных неологизмов” (или собственно неологизмов).

Каждый неологизм такого типа проходит в процессе заимствования (в категориях времени) две стадии: 1 стадия – „вхождение” и 2 стадия – „интеграция” в языке-реципиенте [Мадагаскарский 1999]. 1 стадия – „**вхождение**”, которое „является началом постепенного усвоения неологизмов, употребления их не только в речи замкнутого круга лиц, но и в повседневной речевой практике” [Мадагаскарский 1999]. Чаще всего такие неологизмы сопровождаются комментарием, объясняющим дефиницию данного слова или разъяснением значения слова. На этом этапе существования в русском языке англицизмов характерна вариативность формы, неустойчивость в написании и в произношении. И 2 стадия – „**интеграция**”. На этой стадии неологизмы английского происхождения утрачивают семантическую неустойчивость, регулярно употребляются на страницах прессы, постепенно проникают в разговорную лексику. Характерно для них также участие в процессе словообразования (суффиксация и префиксация, образование сложных и составных слов, а также словообразовательных гнезд в соответствии с нормами языка-реципиента).

Такие неологизмы на этапе интеграции приобретают новые значения – прямые и переносные, отсутствующие в языке-источнике; на коммуникативном уровне они воспринимаются как обычные компоненты речи и понятны большинству носителей русского языка. Однако, именно на этом этапе англицизмы в русском языке вызывают огромные трудности при переводе текстов студентами-русистами, поскольку семантические трансформации и другие преобразования, которые происходят с английскими неологизмами, уже не

позволяют „узнать” (например, на основе знания английского языка) слово, и что за этим следует, правильно его понять.

2. Большинство англицизмов и словообразовательных гнезд, которые уже сформировались в русском языке на основе этих англицизмов (в том числе и рассматриваемые мною), не зафиксированы на сегодняшний день в лексикографических источниках.

2.1. Так, например, англицизм пиар, который на этапе „вхождения” в язык использовался прежде всего узкой группой лиц, отвечающих за связи с общественностью, создание имиджа фирмы или физического лица в СМИ, имел несколько вариантов написания как результат буквенной транслитерации: *пaблик рилейшенз (релейшенз)*, в форме аббревиатуры (по аналогии с языком-источником PR – ПР), как результат буквенной аббревиатуры – *пиар*.

Приобретая новую графическую форму (в кириллице), существительное – *пиар* – произносится соответственно абсолютно слитно, без паузы между двумя согласными, которые в языке-источнике являются только аббревиатурой. В русском языке *пиар* – это слово мужского рода (*Да и государственный пиар крепчает на глазах, так что политконсультанты не видят причин для беспокойства. Известия.ру, 08.04.2005*), которое дало начало словообразовательным цепям с именной и глагольной деривацией. Любопытно то, что все эти новообразования – это не профессиональный жаргон специалистов по ПР, а только общеупотребительная лексика, широко используемая как в языке СМИ, так и в разговорной речи. Ср. наименования людей – специалистов по ПР: *пиарщик, пиарщица, пиарщики (Россию примут в ВТО в 2006 году, но опытные пиарщики еще могут превратить в ничто многолетние усилия. „Российская газета”, 17.01.2005; Бедный Сергей Брилев в Вестях недели, явно разрывающийся между сочувствием к старшим и профессиональным долгом государственного пиарщика, из кожи вон лез... „Известия”, 21.01.2005; В любом случае, пассажирам от непрофессиональной работы пиарщиков аэропорта не легче. Правда.ру, 06.04.2005), пиаровец (Два-три звена посредников, сказал мне, пожелавший остаться неизвестным пиаровец... Би-би-си, 19.04.2002)*. Ср. также определения: *пиарный (Против войны в Ираке сейчас не высказался только ленивый – это идеальный пиарный повод для всех звезд и звездочек... Грани.ру, 13.02.2003; А война в Чечне в значительной мере носит пиарный характер. „Сегодня”, 23.10.1999), пиаровский (Пресса расценила это как пиаровский ход в расчете на собравшихся в Москве. „Московские новости” 2001, № 31; На сей раз пиаровский эффект общения с Пушкиным решила извлечь одна крупная топливная кампания... Смена.ру, 2003, № 119; И носит она не пиаровский, а политический характер – убежден политолог. „Трибуна”, 25.02.2004), пиарский (Такой пиарский трюк может привести к размыванию электората нынешнего губернатора Свердловской области... „Независимая газета”, 06.03.2003)*. Представлены также глагольные образования – *пиарить* – в значении ‘осуществлять ПР-кампанию’ – (*Вот что надо пропагандировать, рекламировать и пиарить. „Российская газета”, 15.11.2003; Конферансье...тоже*

*беззащитно пиарил помещение: „Все сегодня соответствует: и место событию и событие месту”. „Известия”, 22.11.2004; Студенты все еще рвутся пиарить, журнал „Сообщение”, 09.2004; [...] президент говорил о том, что богатые должны возрождать ПТУ и пиарить путинский режим в Евросоюзе. Газета.ру, 02.07.2004). Встречается и наречное образование – пиарно (Я знаю, что упоминать Сахарова нынче не пиарно. Грани.ру, 13.05.2005; Прекрасное место для конгрессов, фестивалей, чемпионатов, ярмарок и прочей пиарно-тусовочной индустрии. „Новое время”, № 39, 20.09.2003). Посредством префиксации от глагола пиарить образуется ряд глаголов совершенного вида – *распиарить, пропиарить, отпиарить, запиарить, напиарить*. И если прилагательные и наречие характеризуют „что-то, связанное с пиаром”, то глаголы *распиарить, запиарить, отпиарить, напиарить* или *пропиарить* – это лексические единицы, которые приобрели свое семантическое значение, благодаря характерным для русского языка префиксам. Например, *распиарить* – ‘провести активную кампанию в СМИ, довести до сведения всех’: *В общем как это доказала практика, Первый канал сможет распиарить все, что угодно. „Трибуна” 18.02.2004; Кроме того распиарить грядущие митинги постарались провластные телеканалы. „Столичные новости”, № 8, 04.11.2003, по аналогии с *рассказать, расстрезвонить, расширить*. Очень часто *распиарить* используется параллельно со словом *разрекламировать*.**

Отпиарить – ‘улучшить имидж, провести ПР-кампанию, меняющую представление о чем-либо’. Например: *Имидж России за рубежом: как отпиарить Родину. „Известия”, 14.07.2004; Как нам отпиарить МВД. Портал „Украина криминальная”, 12.03.2003; Но на этом все и закончится, если тему охраны (защиты) русского языка [...] не отпиарить. Портал Грамота.ру (архивные материалы за 2002 год).*

Пропиарить – ‘провести кампанию вопреки чему-то или кому-то, часто с негативным или саркастическим оттенком’: *Как известно даже зиафот можно пропиарить, как быструю путевку в лучший мир. Правда.ру, 03.02.2005; Нужно ли отреагировать на начало иракской войны или пропиарить свой фильм [...] – все будет сделано интересно и ловко. „Московские новости”, 01.04.2005.*

Напиарить – *Будь он не таким скромнягой [...] запросто смог бы напиарить себе наполеоновскую карьеру. Газета.ру, 20.04.2001 или Но зачем все-таки выдумщик Гантамиров хотел напиарить себе имидж страдальца? Газета.ру, 09.12.2003 – в значении ‘„надать ход” своей персоне, разрекламировать себя самостоятельно’.*

Запиарить – чаще всего ‘провести очерняющую ПР-кампанию’, аналогично с *заклеймить, забросать* (негативными фактами, дискредитировать): *[...] тем более, что „запиарить по-черному”, посадить, а на крайний случай ликвидировать в Украине можно кого угодно... „Континент” 2001, № 9.*

Большинство рассмотренных выше глаголов от именной основы **пиар** не фиксируется лексикографическими источниками.

2.2. Следующий англоязычный неологизм, который является ярким примером семантической и словообразовательной трансформации в языке-реципиенте – это

слово *гламур*. *Гламур* (в переводе с английского *glamour* – ‘обаяние’, ‘блеск’, ‘шарм’, ‘очарование’, разг. ‘шик’, ‘роскошь’) пока еще не занесено в академические словари, но его знает и употребляет большинство носителей русского языка. Оно встречается на страницах не только глянцевого издания (а многие их так и называют – гламурные) в разделах „Мода” и „Стиль жизни”, но и в серьезной общественно-политической прессе, например в заголовках: *Гламур и женственность*. Клео.ру, 12.11.2004; *Спортивный гламур*. Клео.ру, 12.11.2004; *Безобразный гламур*. „Известия”, 23.03.2005; *Гламур для народа*. „Независимая газета”, 21.12.2004; *Жесткий гламур*. Газета.ру; 02.07.2004; *Тюремный гламур*. „Новое русское слово”, 01.03.2005.

Если обратиться к семантике этого англицизма в русском языке, то выяснится, что понятие это обросло таким количеством интерпретаций, что реакция стала уже необратимой: никто уже не способен, на мой взгляд, вернуться к изначальному значению этого слова. Так или иначе *гламур* ассоциируется у носителя языка с чем-то чрезвычайно модным и в различных ситуациях может обозначать как – ‘обаяние’, ‘блеск’, ‘элегантность’, так и – ‘богатство’, ‘многоточие’, ‘стиль жизни’ или же просто – ‘мода’. Англицизм *гламур* „сделал огромную словообразовательную карьеру” в русском языке. Прежде всего уже сформировалась словообразовательная цепь с именной и глагольной деривацией: *гламур* – *гламурность* – *гламурный* – *гламуренный* (разг.) – *гламурно* – *гламурить*. Например: *На дворе эпоха жестокого гламура*. Газета.ру, 02.07.2004; *Сегодня уже говорят о деревенской и джинсовом гламуре [...]*. „Стиль”, 28.10.3003; [...] *быть модной не подразумевает гламурности*. „Новое время”, 20.06.2004; *Гламурный марафон закончился открытием ночного клуба, который обещает стать излюбленным местом самых известных... красавиц столицы*. „Известия”, 22.11.2004; *Гламурный вместо голубого* (заголовок статьи о новогодней программе – *Голубой огонек*). „Огонек”, № 48, 12.2003; *Глубоким вечером [...] серьезные люди [...] собрались в самом закрытом и [...] гламурном заведении краевой столицы*. „Независимая газета”, 21.12.2004; *Певвица выглядела тоже не по-мусульмански таинственно, а по-московски гламурно*. „Известия”, 28.03.2005 или *Дива любовалась закатом с веранды-балкона и очень гламурно ела клубнику*. Известия.ру, 25.04.2005; [...] *если бы не пятна в резюме. Началось оно вполне гламурно*. „Российские вести”, 17–23.2003. Существует также ряд сложно-составных слов на основе данного неологизма: *гламур-эксперимент*, *гламур-выбор*, *гламур-прогноз*, *гламур-герл*, *гламур-фотограф*.

От основы *гламур* с помощью суффикса *-к-* образовалось существительное *гламурка* – которое имеет довольно широкую (неустойчивую) семантику: модель на фотографиях типа гламур, фотография в стиле гламур, победительница конкурса „Гламурная женщина года”: *Модницы... и гламурки* (заголовок статьи о выборах „Гламурная женщина года”). „Новое время”, 20.06.2004.

С помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-чик-* от основы английского неологизма образовалось новое понятие (и новая лексическая единица), которую мне удалось зафиксировать, это существительное *гламурчик*

в значении ‘новый, свежий, эффектный элемент’, ‘изюминка’: *Длинные рукава, закрывающие запястья, вырез а-ля лодочка, такой вот гламурчик задуман в свитере. Космополитан.ру или Александр привез на Кинотавр гламурчик. „Независимая газета”, 14.06.2002.*

Особый интерес вызывает глагол *гламурить*, который можно зачислить к авторским неологизмам. В разговорном языке глагол *гламурить* выступает с большей частотностью в значении ‘вести роскошный стиль жизни’. Это новейшее образование от основы английского неологизма, которое мне удалось зафиксировать в СМИ. Автор – режиссер, актер, писатель и драматург Евгений Гришковец. *Гламурить – ‘давать интервью гламурному (т.е. глянцевому, цветному) журналу’: Но если по поводу „Рубашки” можно было сколько угодно гламурить, то по поводу „Рек” я не дам интервью ни одному гляцевому журналу. Полит.ру, 04.05.2005.*

2.3. Последний пример, который я хочу рассмотреть и который, по моему мнению, ярко показывает процесс трансформации английских неологизмов в русском языке, это невероятно популярный в последнее время в русском языке англицизм – *шопинг* (или *шоппинг*). Англицизм *шопинг*, который в начале использовался, главным образом, в значении ‘коммерческая разновидность туризма’, на сегодняшний день используется в значении ‘делать покупки’, ‘покупать, посещать магазины’: [...] *традиционный предновогодний шопинг в Германии оказался далеко не таким выгодным, как надеялись владельцы магазинов. Росбалт.ру, 05.01.2005; Традиции потеряли свой изначальный смысл и превратились всего лишь в повод для очередного шопинга. Росбалт.ру, 05.01.2005; [...] разнообразие магазинчиков... так велико, что шопинг превращается в настоящую охоту. „Коммерсантъ”, № 90, 20.05.2005.* И если в написании англицизма наблюдается еще неустойчивость, поскольку в различных источниках фиксируется он с одним или с двумя *n*, то словообразовательная активность, которую проявляет данный неологизм, с успехом позволяет ему адаптироваться на русской языковой почве. Словообразовательные пары *шопинг – шопинговый*, словообразовательная цепь с глагольной деривацией *шопинг – шопинговать* (разг.) или словообразовательное производное с суффиксальной деривацией типа *шопинг – шопингисты* (разг.): [...] *ведь Сохо – признанный нью-йоркский шопинговый рай. „Коммерсантъ”, № 90, 20.05.2005; Вряд ли шопинговый маньяк сможет освободиться от своей зависимости при помощи лекарственного препарата. Ева.ру, 19.08.2003; Все очень просто – квоты вводились в то время, когда в азиатских странах еще не начался сегодняшний шопинговый ажиотаж. „Киевский телеграф”, № 23, 10.06.2004, с. 4.*

3. На примере рассмотренных мною англоязычных неологизмов можно сделать следующие выводы: заимствованные слова английского происхождения в процессе адаптации в языке-реципиенте приобретают русские суффиксы (структурные трансформации) *-щик, -ец, -ск, -ист, -н, -ов* (*пиарщик, пиаровец, пиаровский, шопингисты, гламурный, шопинговый*), и префиксы *рас-, про-, от-, за-, на-* (*распиарить, пропиарить, отпиарить, запиарить, напиарить*), образуя

словообразовательные гнезда и цепи (*пиар* – *пиаровский*, *гламур* – *гламурный* – *гламурить*, *шопинг* – *шопинговый*), приобретают грамматические признаки в соответствии с правилами русского (грамматические трансформации) языка – (*пиар* – сущ. м.р., *гламурный* – прилагательное, м.р., *пиарить* – глагол, несов. вида); созданные от основы англицизма в процессе словопроизводства словообразовательные производные приобретают самостоятельные семантические значения (*напиарить*, *гламурчик*, *гламурить*).

Такие трансформации англицизмов позволяют подтвердить тот факт, что они достигли стадии интеграции, т.е. укоренения в русском языке в соответствии с нормами языка-реципиента и достигли уровень высокой степени освоения на русской почве.

В связи с приобретением рассмотренными неологизмами английского происхождения русских широкоупотребляемых аффиксов возникает вопрос о том, каков статус данных лексических единиц, являются ли они заимствованиями. Полагаю, что вышеназванные деривационные трансформации позволяют сделать вывод, что данные слова можно определить как русские слова, образованные от заимствованных наименований английского происхождения, которые уже вошли в систему русского литературного языка, утратив статус заимствований.

Библиография

- Грот Я.К. (1899). *Филологические разыскания*. СПб.
- Котелова Н.З. (1978). *Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. Новые слова и словари новых слов*. Ленинград.
- Дьяков А.И. (2003). *Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. Язык и культура*. Новосибирск, с. 35–43.
- Мадагаскарский Л. (1999). *Английские неологизмы: коммуникативный и функциональный аспект*. Рунет.
- Сешан Ш. (1996). *Англицизмы в русской речи (по материалам прессы 90-х гг)*. Автореф. дис. Москва.
- БЭС (1998). *Большой энциклопедический словарь*. Москва.
- Крысин Л. (1998). *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва.
- ТСРЯ (1998). *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Под ред. Г.Н. Складневской. СПб.

SUMMARY

Processes of transformation of some anglicisms (English expressions) on the basis of the contemporary Russian press

In the presented article processes of transformation of some anglicisms (English expressions) strictly connected with the changes that happened in the Russian reality on turn of the 20th century are considered. The author makes an analysis of the anglicisms on the basis of press and the Internet vocabulary.

Сергей Важник

Biłoruski Uniwersytet Państwowy
w Mińsku

БЕЛАРУСКАЯ МОВА Ў ІНТЭРНЭЦЕ

1. Праграмнае забеспячэнне і Інтэрнэт-рэсурсы беларускай мовы

У сувязі з тым, што камп'ютэры і камп'ютэрныя сеткі сталі сёння асноўным інструментам захавання, апрацоўкі і распаўсюджвання інфармацыі, прадстаўленай у выглядзе тэкставых дакументаў, большасць моў, у тым ліку і беларуская, атрымалі камп'ютэрную форму свайго існавання (адмысловы электронна-машынны выгляд). Прычым апошняю нельга звесці ні да вуснай, ні да пісьмовай формы [Совпель 2002: 7].

У Беларускім дзяржаўным універсітэце (супрацоўнікамі лабараторыі інтэлектуальна-інфармацыйных сістэм ФПМІ БДУ і лабараторыі прыкладной лінгвістыкі філфака БДУ) былі распрацаваны наступныя эфектыўныя прамысловыя сістэмы аўтаматычнай апрацоўкі тэкставых дакументаў: карэктар тэкстаў беларускай мовы, суадносны з Microsoft Word; сістэма аўтаматычнага рэферыравання тэкстаў; сістэма беларуска-рускага і руска-беларускага машыннага перакладу; беларуска-рускі і руска-беларускі машынныя слоўнікі [Совпель 2002: 8-10]. Распрацоўваецца лінгвістычная база дадзеных у выглядзе корпусу тэкстаў беларускай мовы. На жаль, да сённяшняга часу няма класічнага корпусу тэкстаў беларускай мовы з усімі яго атрыбутамі і дадаткамі, хоць праект машыннага фонду беларускай мовы быў прапанаваны яшчэ ў 1994 г. [Совпель 1994].

Інтэрнэт-рэсурсы беларускай мовы перадусім складаюць даведачныя і пошукавыя сістэмы (гл., напрыклад, беларускую версію пашукавіка Google.com), электронныя слоўнікі і энцыклапедыі (www.slounik.org). У сёціве створаны таксама сайт пра беларускую мову Pravapis.org (стваральнік – Ул. Каткоўскі / Rydel N 23; Эсмэральда). Рэсурс уключае беларускі лацінізатар, электронны арфаграфічны карэктар, перакладчык з трансліту, а таксама базу англамоўных і беларускамоўных артыкулаў пра беларускую мову і культуру.

2. Тры стыхіі беларускага Інтэрнэта

Для беларускага Інтэрнэт-дыскурсу магчымыя як мінімум чатыры варыянты тлумачэння сімвалу @: 1) *at* (*y / na*) – з англійскай мовы; 2) *сабака* (*сабачка*) – з рускай мовы; 3) *малта* – з польскай мовы; 4) *слімак* – арыгінальная беларуская назва. Навідавоку карэляцыя: *сабакі* – з афіцыйным варыянтам сучаснай беларускай літаратурнай мовы (далей – СБЛМ), арыентаваным на рускую мову; *малты* – з „інавацыйным” варыянтам СБЛМ, арыентаваным на *Беларускую граматыку для школ* Б. Тарашкевіча (Вільня, 1918), на польскую мову і заходне-беларускія гаворкі; *слімака* – з пурыстычнымі тэндэнцыямі, якія таксама вельмі выразна сёння выяўляюцца ў СБЛМ.

Такім чынам, нашая задача зводзіцца да высвятлення таго, чаго ў мове беларускага сеціва больш – *сабакі*, *малты* ці *слімака*.

Беларускі Інтэрнэт – гэта па сутнасці лакмусавая паперка (люстэрка) той моўнай сітуацыі, што мае месца ў сучаснай Беларусі. Характарызуючы апошнюю, адзначым наяўнасць двух варыянтаў СБЛМ: **афіцыйнага (кадыфікаванага) і інавацыйнага (альтэрнатыўнага)**; паралельнае суіснаванне і нават „канкурэнцыю” [Мечковская 2003 :131] дзвюх правапісных сістэм: *тарашкевіцы* і *наркамаўкі*; а таксама традыцыйную для сучаснай Беларусі *трасянку*.

У артыкуле будуць разгледжаны моўныя асаблівасці беларускага інтэрнэтнага маўлення, а таксама асобныя найбольш выразныя тэндэнцыі, якія пры гэтым выяўляюцца.

Першая спроба задакументаваць гэтую цікавую з’яву належыць У. Каткоўскаму [Rydel N 23 2002], які ў сваёй працы прыводзіць багаты ілюстрацыйны матэрыял, у выніку аналізу якога сцвярджае нараджэнне новага „дыялекту”, новай „гаворкі” – беларускага *netspeak’a*. Беларускі *netspeak* больш карэктна, аднак, было б называць не дыялектам ці гаворкай (ён не мае тэрытарыяльнага абмежавання), а сацыялектам – спецыяльнай мовай, якой карыстаюцца прадстаўнікі пэўнай сацыяльнай групы – насельнікі Байнэта.

У „віртуальнай” публікацыі С. Шупы [Шупа 2003] разглядаюцца праблемы ўтварэння беларускай камп’ютэрнай і інтэрнэтнай тэрміналогіі, а таксама праблемы стварэння камп’ютэрных праграм для беларускай мовы.

Матэрыял даследавання: тэксты, змешчаныя на старонках беларускамоўных Інтэрнэт-рэсурсаў: інфармацыйных сайтаў, сайтаў беларускамоўных газет і часопісаў, грамадскіх арганізацый, Інтэрнэт-бібліятэк; тэксты з беларускамоўных чатаў і форумаў (гл. вэб-спісы на <www.knihi.com>), а таксама матэрыял, прадстаўлены ў [Rydel N 23 2002].

3. Зона „BY”, або „Байнэт для беларусаў”: сацыялінгвістычны аспект

Як выглядае дынаміка пашырэння беларускай мовы ў сеціве? Калі прааналізаваць у колькасных адносінах Інтэрнэт-рэсурсы, створаныя на беларускай і рускай мовах, то ў зоне „BY” пераважаюць рэсурсы, зробленыя па-руску. Перадусім гэта тычыцца старонак большасці дзяржаўных органаў і ўстановаў Рэспублікі Беларусь, акрамя хіба толькі Міністэрства адукацыі і Міністэрства замежных спраў, што маюць свае старонкі і на беларускай мове. Асноўная частка беларускамоўных Інтэрнэт-рэсурсаў прыходзіцца на недзяржаўныя грамадскія арганізацыі (гл.: Міжнароднае грамадскае аб’яднанне „Згуртаванне беларусаў свету «Бацькаўшчына»”, Таварыства беларускай мовы, Міжнародная асацыяцыя беларусістаў, Згуртаваньне Беларускай Шляхты, Задзіночанне Беларускіх Студэнтаў, Беларуская асацыяцыя журналістаў, Фонд імя Льва Сапегі і інш.). Гл. вэб-спісы на *Беларускай паліцы* (<www.knihi.com>). Паводле [Кручкоў 2002], з 64 „грамадскіх” сайтаў, зарэгістраваных у вэб-каталозе *Akavita* (<<http://akavita.by>>), 35 з’яўляюцца беларускамоўнымі.

Стваральнікамі адпаведных рэсурсаў стала тое пакаленне беларускай моладзі, для якіх свядомы рамантычны выбар беларускай мовы (беларускай гісторыі і культуры) часоў Другога Беларускага Адраджэння стаў справай жыцця, а беларуская мова – мовай самаідэнтыфікацыі, навукі, культуры і сучасных ведаў.

Большая частка беларускамоўных рэсурсаў робіцца па-за межамі зоны „BY”. Вельмі часта стваральнікамі беларускамоўных сайтаў і старонак, што папулярныя ў беларускую мову, гісторыю і культуру, становяцца студэнты, што навучаюцца па-за межамі Беларусі. Адным з такіх рэсурсаў стала *Беларуская палічка* (<www.knihi.com>), на якой прадстаўлены пераведзеныя ў лічбавы фармат самыя разнастайныя беларускамоўныя крыніцы. Па сутнасці гэта адзін з найбольш поўных карпусоў тэкстаў беларускай мовы.

Размяшчэнне беларускамоўных рэсурсаў таксама ажыццяўляецца ў асноўным па-за межамі Беларусі (па эканамічных прычынах) – на серверах, паслугі якіх нашмат таннейшыя за беларускія.

4. Моўныя асаблівасці беларускага інтэрнэтнага маўлення

4.1. Фанетычны ўзровень

На фанетычным узроўні беларускаму *netspeak*’у ўласцівы імітацыя жывой размовы „ў рэале”, перадача асаблівасцей маўлення на пісьме праз:

– выкарыстанне „трасянкнізмаў” (або запазычанняў з рускай мовы ў беларускай фанетычнай абалонцы): *цясціраванне* (*тэсціраванне* або *тэставанне*)¹; *шчас* (*зараз*); *нічаво* (*нічога*); *очань дажа* (*нават вельмі*); *дзелаць* (*рабіць*);

¹ У прыкладах захоўваецца арфаграфія цытуемых тэкстаў.

унімацельна пасматрэць на гэты вапрос (уважліва паглядзець на гэтае пытанне) і інш.;

– „вымаўленне” асобных запазычанняў у стылі „а ла трасянка”: *Інцэрнет* (*Інтэрнэт*); *інцярфейс* (*інтэрфэйс*) і інш.;

– выкарыстанне фанетычных дыялектызмаў: *дзюрка* (*дзірка*) і інш., а таксама ў выпадках тыпу *ніхвіга* (*ніфіга*), *хвігець* (*фігець*); *пранцузы* (*французы*), *хвіля-зоня* (*філасофія*), дзе прасочваецца дыялектны ўплыў ці гіперкарэктнасць;

– выкарыстанне фанетычных паланізмаў і ўкраінізмаў: *мейсца* (*месца*), *альбум* (*альбом*); *шо* (*што*) і інш.

Адзначаныя з’явы непасрэдна звязаны з працэсам **калаквіялізацыі** (працэсам пераходу зніжаных элементаў (размоўных слоў і запазычанняў) з перыферыі моўнай сістэмы ў цэнтр). Параўн.: слова з беларускага *netspeak’a*: *шлюхаць* (кадыфікаваная норма: *слухаць*); *лядзец* (*глядзец*); *магёш* (*можаш*); *кул* (крута – ад англ. *cool*).

4.2. Графічны ўзровень

Досыць часта ў сеціве выкарыстоўваецца беларуская лацінка. На думку некаторых даследчыкаў, аднаўленню лацінкі мы мусім падзякаваць Інтэрнэту і мабільнай сувязі (сервісу SMS-паведамленняў).

4.3. Словаўтваральны ўзровень

На словаўтваральным узроўні беларускаму *netspeak’у* ўласцівы:

– немарфемнае ўсячэнне як адзін з найбольш прадуктыўных спосабаў „інтэрнэтнага” словаўтварэння, што выклікана жаданнем эканоміць час пры наборы тэксту і „размаўляць” у сеціве хутчэй – як „у рэале”. Параўн.: *дзяк* (*дзякуй*); *зара* (*зараз*); *клява* (*клавіятура*); *комп* (*камп’ютэр*). Гэта тычыцца і асобных запазычанняў. Параўн.: *сэбж* (*тэма* – ад англ. *subject*);

– размоўныя ўсечаныя формы тыпу *мо* (*можаш*); *трэ* (*трэба*); *ё* (*ёсць*); *ма* (*няма*); *до* (*досыць*); *нат* (*нават*); *гэт’* (*гэта*) і інш., дзе даследчыкі бачаць таксама і старажытныя формы (К. Гутшміт, А. А. Пацехіна);

– закон эканоміі моўных сродкаў („закон моўнае ляноты”) спрацоўвае і ў выпадку скарачэнняў тыпу *кл* (*калі ласка*); *у.н.* (*усяго найлепшага*); *чк* (*чакай*); *дп* (*да набачэння*); **ггг** – імітацыя рогату;

– калькі з русай і англійскай моў: *байнэт* (*беларускі Інтэрнэт*); *белнэт* (*беларускі Інтэрнэт*); *хатняя старонка* (параўн. з *хоўмпага* – ад англ. *home page*);

– наватворы і аказіяналізмы тыпу *сеціва* (С. Шупа); *гартач* (англ. *browser*); *гузік* (*button*); *тэчка* (*folder*); *пляткарня* (*чат*); *хамяк* (*хатняя старонка* – ад англ. *home page*); *пяхорны* (гл. *ламэр*); *дабранак* (этыкетная форма развітання, калі суразмоўца ідзе спаць а 4–5 гадзіне раніцы; утворана па мадэлі этыкетнай „развітальнай” формулы *дабранач*) і інш.;

– абрэвіятуры (ці камп’ютэрныя скароты) вядомых устойлівых англамоўных канструкцый: *2u2* (*To You To; табе таксама*); *afaiK* (*As Far As I Know; наколькі я ведаю*); *btw* (*By the Way; між іншым, дарэчы*); *afk* (*Away From Keyboard; я зараз не за клавіятурай*); *asl* (*Age Sex Location; узрост, пол, месца знаходжання*); *h&k* (*Hugs & Kisses; абдымкі ды пацалункі*); *imho* (*In my humble opinion; на маю сціпную думку*); *brb* (*be right back; зараз (у хуткім часе) вярнуся*); *w8at* (*Wait A Minute; пачакай адну хвіліну*) і інш. Найбольш прадуктыўныя абрэвіятуры такога кшталту прадстаўлены ў [Rydel N 23 2002].

4.4. Лексічны ўзровень

На лексічным узроўні беларускаму *netspeak*’у ўласцівы:

– працэс калаквіялізацыі: ужыванне размоўных, слэнгавых слоў з сецявога жаргону / слэнгу праграмістаў: *зырыць* (‘глядзець’); *фурычыць* (‘працаваць’); *замурочкі* (руск. *заморочки*); *аська* (ад англ. *ICQ = I seek you*); *мыла* (*пошта* – ад англ. *mail*); *кракнуць* (*узламаць ліцэнзійную версію праграмы*); *спаміць* (*распаўсюджваць спам-рэкламу*); *баниць* (*забараніць уваход юзера на канал IRC*); *кікаць* (*выкінуць юзера з канала IRC*); *смайлік* (‘усмешка’); *лацініць* (*пераводзіць у лацінку*) і інш.;

– запазычанні са славянскіх моў (польскай, рускай, украінскай і інш.): лексічныя паланізмы: *цо* (*што*); *бардзей* (*больш*); *ніц* (*нічога*); *ніж* (*чым*); *скрыдлы* (*крылы*); лексічныя ўкраінізмы: *вміць* (*умець*); *тылькі* (*толькі*); *рідны* (*родны*) і інш.;

– запазычанні з заходнеўрапейскіх моў, перадусім – англійскай: гэта ў асноўным камп’ютэрныя тэрміны або слэнг: *комэнты* (*каментарыі* – ад англ. *comment*); *хакер* / *гакер* (ад англ. *hacker*); *юзаць* (*карыстацца* – ад англ. *to use*); *юзер* (*карыстальнік* – ад англ. *user*); *ламэр* (*чалавек, што не ўмее карыстацца камп’ютэрам* – ад англ. *lamer*), *гэймер* (*фанат камп’ютэрных гульняў* – ад англ. *gamer*); *інэт* / *нэт* (*Інтэрнэт* – ад англ. *i-net*); *спам* (*масавая Інтэрнэт-рэклама* – ад англ. *spam*); *крак* (*узламаныя (пірацкая) версіі праграмы* – ад англ. *crack*); *рэал* (*рэальнае жыццё* – ад англ. *real*); *канэкт* (*злучэнне* – ад англ. *connect*); *варэз* (*пірацкая неліцэнзаваная праграма* – ад англ. *warez*); *спэлчэкер* (*праграма, што правярае арфаграфію* – ад англ. *spellchecker*) і інш.;

– варварызмы (руска-/англамоўныя жарганізмы): [*Яна*] *рыхтуецца да таго, што яе ізноў пошмее той жа самы мужык*; ... *Асабліва прыкра тое, што і Бэрлін, і Брусэль плюнулі на Беларусь (што самі прызнаюць), паказалі 10 мільёнам маіх суродзічаў адзін вялікі dev/null*.

4.5. Граматычны ўзровень: марфалогія

– Імітацыя жывой „размовы ў рэале” праяўляецца і ў дзеяслоўнай парадыгме. Гл. „вымаўленне” дзеяслоўных постфіксаў у форме V_f 2 ас. адз. ліку: *клапоцісься, рыхтуеься*. Параўн.: - *Пашто табе арабская? Ты для ЦРУ перакладаць рыхтуеься?*

– Значна больш шырокае ўжыванне маюць дзеясловы ў форме першай асобы множнага ліку з канчаткамі *-ма, -мо* (*будзьма, дамо, будуема; -Збудуема вэб-старонку, а потым палядзім...*); а таксама форм клічнага склону назоўнікаў м.р.: *браце, беларусе, сынку, Ясю*.

4.6. Граматычны ўзровень: сінтаксіс

Дастаткова рэгулярнымі на беларускамоўных вэб-старонках сталі апошнім часам **сінтаксічныя паланізмы і русізмы**.

Сінтаксічныя паланізмы найбольш выразна праяўляюцца:

– у мадэлях дзеяслоўнага кіравання: **чакаць на яго* (па аналогіі з *czekać na kogo-co*); **слухаць музыкі* (*sluchać czego*); **вучыцца мовы* (*uczyć się czego*); **шukaць патрэбнай кнігі* (*szukać czego*); **пытаць аб аўтобус* (*pytać o co*) і інш. Параўн.: *Мы чакаем на вашыя лісты і водзукі; Здаецца, гісторыя нас нечага навучыла;...але я мог толькі зьдзіўляцца з таго, як...*

– у асаблівасцях функцыянавання асобных беларускіх прыназоўнікаў – па аналогіі з іх польскімі адпаведнікамі: *З лістапада будзе сорак дзён ад сьмерці Франсуазы Саган – сусьветна вядомай французскай пісьменьніцы; ...Я ўжо столькі разоў бачыла яго шчаслівым праз жанчыну...*; *Я ператвараюся ў сэрыйнага маньяка ад выданьня кніжак* (паэт А. Хадановіч пра сябе любімага);

– часам запазычаюцца цэлыя ўстойлівыя канструкцыі або найбольш прадуктыўныя мадэлі, што складаюць базавы фонд нацыянальна-сінтаксічнай ідыяматыкі той ці іншай мовы: *Карацей, я не маю канонаў, што да алькаголю...* (параўн. з польск. *co do...*); *Нам часта закідаюць, што „Пяты канал” зробіў рэвалюцыю ва Ўкраіне...* (параўн. з польск. *zarzucasz komuś*).

Сінтаксічныя русізмы – гэта ў асноўным няўдалыя калькі з рускай мовы: *Яны рабілі ўсё магчымае, каб сапсаваць пляны...* (відаць, ад руск. *расстроит планы*; лепей: *расстроіць, разладзіць планы*); *распавядаць змовы ЦРУ...* (ад руск. *раскрывать* або *разоблачать*; лепей: *выкрываць*); *...у тэндэры прымалі ўдзел пяць кампаніяў...* (ад руск. *принимать участие*; лепей: *браць удзел*); *...аказваюць паслугі...* (ад руск. *оказывать услуги*; лепей: *рабіць паслугі*); *...прадстаўляюць сабой парушэньне...* (ад руск. *представляют собой*; лепей: *ёсць / уяўляюць сабой*, хоць таксама калька з рускай мовы); *...прыняць неабходныя меры...* (ад руск. *принять необходимые меры*; лепей: *рабіць / чыніць захады*); *спатрабаваў зь фірмы „БелОСТ” крэдыт...* (ад руск. *стребовать*; лепей: *спагнаў*).

4.7. Спецыфічныя асаблівасці Інтэрнэт-камунікацыі

Інтэрнэт, а таксама мабільная сувязь, арыентаваныя на хуткую, дакладную і аператыўную перадачу інфармацыі, абумовілі ўзнікненне **новага** – больш дэмакратычнага – **стылю пісьма**, які цалкам адпавядае дынаміцы сучаснай маладзёжнай субкультуры: хуткі, раскаваны, лёгкі, творчы з’урыстычны, арыгінальны, інфармацыйна ёмісты, месцамі жартоўны; тэматычна разнастайны (адсутнасць „закрытых” тэм).

На ўзроўні сінтаксісу гэта праяўляецца: у кароткіх абрывістых фразях, дакладнай рубрыкацыі тэкстаў; адмысловых жанрах (мэйл; „размова” у чаце; SMS-, MMS-, EMS-паведамленні), а таксама ў падкрэсленай эматыўнасці выказванняў.

У беларускім *netspeak*’у прысутнічае гульнявы пачатак. Моўная гульня, „свабодная словатворчасць масаў” – гэта якраз тое, што прыцягвае маладых людзей да маўлення на мове ў фармаце „інтэрнэтнае маўленне”, дзе яны „сваімі рукамі” могуць ствараць мову.

Выкарыстанне падчас інтэрнэтнага маўлення двух кодаў – кода натуральнай мовы і штучнага кода – яшчэ адна важная асаблівасць Інтэрнэт-камунікацыі. Прычым штучны код (напрыклад, сістэма смайлікаў тыпу :) – ‘звычайная ўсмешка’; ;) – ‘падвойная ўсмешка’; :(– ‘незадаволены, сумны’; :(– ‘плач’); =(– ‘шчаслівы, радасны’; =/ – ‘злы, раззлаваны’ і інш., што дазваляюць суразмоўнікам „выказаць” самыя разнастайныя эмоцыі) часам больш важны для карыстальнікаў Інтэрнэта, чым арфаграфія, пунктуацыя і нават граматыка, што дазваляе казаць пра *ліберальна-дэмакратызуючае ўздзеянне* Інтэрнэта на натуральныя мовы [Мечковская 2005]. Яшчэ адной асаблівасцю жывога беларускага інтэрнэтнага маўлення з’яўляецца яго „трасянкакасць”. Здавалася б, што тут дзіўнага, калі асноўная частка насельніцтва Беларусі гаворыць на „беларуска-рускай мове” [Конюшкевич 2000], або трасянцы. Аднак мусім канстатаваць, што трасянка выконвае ў беларускім сёвіце адмысловую ролю. У беларускамоўных чатах і форумах трасянка ўжываецца свядома, каб імітаваць „у рэале” жывое маўленне рускамоўных беларусаў. Гэта адзін з прыкладаў карнавалізацыі інтэрнэтнага маўлення, інтэлектуальнай карыкатуры, інтэлігенцкага культурнага сцёбу з той моўнай сітуацыі, што склалася на Беларусі (гл. дыялогі Сашы і Сірожы на Першым музычным канале і на „Альфа-радыё”, выказванні лідэра гурта „Ляпіс Трубяцкой” С. Міхалка, „Сабачыя гісторыі” В. Шніпа, якія прысвечаны „ўжо не дзеравенскім, але яшчэ не гарадскім хлопцам”).

5. Высновы

Мова беларускага *netspeak*’а досыць далёкая ад літаратурнага стандарту. Яна больш жывая нават у параўнанні з мовай такіх выданняў, як „Наша Ніва”, „Arche”, „Фрагмэнты”, „Студэнцкая Думка”, „pARTisan”, „Farba” і інш.

Найбольш істотнай асаблівасцю беларускамоўных Інтэрнэт-рэсурсаў з’яўляецца выкарыстанне ў іх пераважна **інавацыйнага варыянта** СБЛМ. Правапіс такіх рэсурсаў – у асноўным *тарашкевіца*. У гэтым няма нічога дзіўнага. Насельнікі Байнэта (пераважна маладыя людзі) успрымаюць *наркамаўку* як старую, нягнуткую, ненатуральную сістэму vs. *тарашкевіцу* – як жывую, свабодную ад „умоўнасцей”, адкрытую сістэму. Такім чынам, у вачах моладзі інавацыйны варыянт СБЛМ – больш прэстыжны ў параўнанні з афіцыйным варыянтам.

Увогуле выбар беларускай мовы ў якасці мовы Інтэрнэт-камунікацыі ў сітуацыі „камунікацыйна незбалансаванага” [Мечковская 2003 а: 38] квазідзяржаўнага двухмоўя, а таксама ў сітуацыі працяглага асіміляцыйнага рускага культурнамоўнага ўплыву з’яўляецца сапраўдным „*czynem bohaterskim*”. Выбар беларускай мовы тут моцна маркіраваны. Яшчэ значна больш маркіраваным з’яўляецца выбар інавацыйнага варыянта СБЛМ і тарашкевіцы (тыя беларускамоўныя, што адносяць сябе да плыні „клясычнага” правапісу vs. тыя, што адносяць сябе да наркамаўкі [Шупа 2003]), што з’яўляецца знакам альтэрнатыўнасці афіцыйнаму як у сацыяльным жыцці, так і ў мове, проціпастаўленасці існуючым нормам і правілам афіцыйнага (кадыфікаванага) варыянта СБЛМ, а ў апошні час – знакам падкрэсленай **элітарнасці**. Такім чынам, мусім канстатаваць змену акцэнтаў: на першы план выходзіць шляхетны, элітарны пачатак (= знак інтэлігентнасці, адукаванасці). Вырасла новае пакаленне маладых людзей, якія лічаць беларускую мову элітарнай, а сябе – беларускай элітай.

Галоўным рэпрэзэнтантам СБЛМ доўгі час была і застаецца мастацкая літаратура. Зараз да мастацкай літаратуры далучыўся і Інтэрнэт – яшчэ адзін канал камунікацыі, дзякуючы якому адбываецца пашырэнне аб’ёму камунікацыйнага прызначэння беларускай мовы. Тым больш, што ў сітуацыі „культурнай ізаляцыі” для пэўнай часткі людзей Байнэт – адзіная магчымасць размаўляць на роднай мове, а СБЛМ – рэальны сродак зносін, хоць і віртуальных.

У Інтэрнэце беларуская мова пачуваецца досыць вольна і гнутка. Сфера яе ўжытку з кожным годам усё больш пашыраецца. А гэта азначае, што яна паступова выходзіць з дэкаратыўнай-рытуальнай і побытавай сфер і, дзякуючы Інтэрнэту і мабільнай сувязі, „узрастаючае звужэнне камунікацыі на беларускай мове пасля рэфэрэндума 1995 г.” [Мечковская 2003с: 126] пасляхова пераадольваецца, а працэс камунікавання на мове тытульнай нацыі выходзіць на якасна новы ўзровень.

Больш за тое, у інтэрнэтным маўленні, як і ў паэтычным тэксе, даволі моцная тэндэнцыя да ігнаравання / разбурэння (лібералізацыі) афіцыйных норм і да частковай іх замены інавацыйнымі варыянтамі, што маюць кантрастыўны характар у дачыненні да рускай мовы і да афіцыйнага варыянта СБЛМ, – варыянтамі, далёкімі ад рускамоўных, узятымі: 1) з моўнай практыкі 20-30-х гадоў ХХ ст. (лексіка Першага Беларускага Адраджэння); 2) з дыялектных крыніц (перадусім – заходнебеларускіх гаворак); 3) са славянскіх (польскай, украінскай і чэшскай) і германскіх (перадусім – англійскай) моў (працэсы запазычвання, а таксама калькавання слоў і ўстойлівых канструкцый). Відавочная пры гэтым

дынаміка нормы СБЛМ [Кіклевіч, Пацехіна 2000], што дазваляе казаць пра плюралізм нормы, якая існуе ў двух варыянтах: афіцыйным (кадыфікаваным) vs. інавацыйным. Тэндэнцыя да „адштурхоўвання” ад усяго рускага, якую можна лічыць у нейкай ступені прайвай пурыстычнай тэндэнцыі (рэакцыя на моўную сітуацыю ў 50-80-я гады ХХ ст.), выразна праяўляецца і ў сёўве. Аднак у сваёй барацьбе з „усім рускім” радыкальная плыня не заўважае, як трапляе ў іншую пастку – пастку паланізацыі. А гэта ўжо чарговая крайнасць.

У вольных нетрах сёўва панаванню беларускай мовы нішто не замінае, таму ў Байнэце мы можам назіраць працэс натуральнага развіцця беларускай мовы.

Прычыны ўзнікнення шматлікіх варыянтаў у СБЛМ, відавочна, звязаны з пошукамі яе носьбітамі (часцей за ўсё маладымі беларусамі) рацыянальных і натуральных крыніц і шляхоў яе развіцця. Адзначаныя вышэй сродкі запускаяць механізм натуральнага развіцця беларускай мовы, які доўгі час „штучна стрымліваўся жорсткімі нарматыўнымі рэгламентацыямі” [Арцімёнак 1994: 16].

Аднак ці азначае гэта „запавольванне” ў развіцці? У дачыненні да беларускай мовы мусім канстатаваць адваротнае. Пасля эпохі „летаргічнага сну” наяўнасць шматлікіх варыянтаў у СБЛМ сведчыць не пра заняпад беларускай мовы, а хутчэй пра яе абуджэнне (чытай – адраджэнне).

Чаго ж у мове беларускага сёўва больш – *сабакі*, *малты* ці *слімака*? Мусім канстатаваць наяўнасць усіх элементаў (паралельнае суіснаванне двух варыянтаў СБЛМ, а таксама дзвюх правапісных традыцый; трасянкаваець; моцная пурыстычная традыцыя; шматлікія інавацыі польскага паходжання (гл. кваліфікацыю апошніх у [Кіклевіч, Пацехіна 2000; Kiklewicz 2002]) пры пэўным дамінаванні *малты*.

Экзістэнцыя (быццё, а не існаванне) беларускай мовы – на памежжы традыцый, у зоне „паміж” (гл. [Мальдзіс 1997]), у моцнай апазіцыі да афіцыйнаму як у грамадскім жыцці, так і ў мове. Гэта адпавядае агульнай тэндэнцыі быцця СБЛМ: спецыфіка, унікальнасць беларускай мовы ў яе **сінкрэтызме** (параўн. з канцэпцыяй *Беларуская літаратурная мова: паміж Slavia Orthodoxa i Slavia Latina* ў [Супрун 1999]).

Бібліяграфія

- Арцімёнак Г. (1994). *Лексічныя інавацыі польскага паходжання ў сучаснай беларускай літаратурнай мове*. В: *Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства*. Мат-лы III Міжнароднага навуковага канф. Т 1. Віцебск, с. 13–16.
- Кіклевіч А., Пацехіна А. (2000). *Беларуская літаратурная норма: дынаміка і інавацыі (на матэрыялах сучаснага беларускага друку)*. Slavia Orientalis. Т. XLIX. № 1, s. 93–105.
- Конюшкевич М.И. (2000). *Проблемы социума, говорящего на „белорусско-русском” языке*. В: *Язык и социум: Мат-лы III Международного науч. конф. (Минск, 4–5.12.1998 г.)*. Минск, с. 48–53.
- Кручкоў С. (2002). *Роля грамадскіх арганізацыяў у стварэнні беларускамоўных электронных рэсурсаў*. В: *Беларуская мова. Інтэрнет і камп’ютэр / Матэрыялы „круглага стала” міжнароднага сімпозіума „Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі” (Мінск, 20 мая 2002 г.)*. Мінск, с. 40–44.

- Мальдзіс А. (1997). „Памятайма, што мы заўсёды жылі і жывём на памежжы...”. Народная газета (10 кастрычніка 1997 г.), с. 4.
- Мечковская Н.Б. (2003а). *Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии двуязычия* (1994). W: *Белорусский язык: социолингвистические очерки*. München, с. 21-46.
- Мечковская Н.Б. (2003b). *Зачем одному народу две азбуки? (Кириллица и латинка в коллизиях белорусского возрождения)* (1998). W: *Белорусский язык: социолингвистические очерки*. München, с. 47-62.
- Мечковская Н.Б. (2003с). *Языковая ситуация в Беларуси начала XXI в. Новые черты. Момент истины о белорусском суверенитете летом 2002 г.* W: *Белорусский язык: социолингвистические очерки*. München, с. 126-143.
- Мечковская Н.Б. (2005). *Демократизация языков: факторы, коллизии и альтернативы*. W: Гл. гэты зборнік.
- Совпель И.В. (1994). *Машинный фонд белорусского языка и его приложения (проект)*. W: *Современные информационные системы и технологии*. Минск, с. 11-13.
- Совпель И.В. (2002). *Лингвистические ресурсы белорусского языка и их приложения*. W: *Беларуская мова. Інтэрнет і кам'ютэр*. Мінск, с. 7-15.
- Супрун А.Я. (1999). *Беларуская літаратурная мова: паміж Slavia Orthodoxa i Slavia Latina*. W: *Мова – Літаратура – Культура: Мат-лы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 22-23.09.1998 г.)*. Ч. 1. Мінск, с. 21-24.
- Шупа С. (2003). *Software Localization in Belarus: Беларуская кампутарная і інтэрнэтная тэрміналогія*. W: <http://pravapis.org/art_belarussian_mobile.asp>.
- Kiklewicz A. (2002). *Język polski obojga narodów? Wpływ języka polskiego na język białoruskich mediów*. *Język a komunikacja*, s. 321-329.
- Rydel N 23. (2002). *Netspeak – жывая мова нашага сеціва (Беларуская мова ў інтэрактыўным он-лайн)*. W: <http://pravapis.org/art_netspeak.asp>.

SUMMARY

The Belarusian language on the Internet

The results of research on such a phenomenon as „Belarusian netspeak”, and also some specific features of the Internet communications (elitism of the modern Belarusian language; emotivity of the Internet syntax; carnivalisation of the Bynet language etc.) are presented in this article.

Belarusian netspeak is a mirror reflection of that language situation that developed in Belarus on the turn of the 20th century.

Belarusian netspeak is far from the literary standard. The most essential feature of the Belarusian Internet resources is the use of an innovative variant of the modern Belarusian literary language: „tarashkevica” in basically used as a spelling system. There is nothing surprising in it. Users of Bynet (basically young men) perceive „narkamauka” as an old, nonflexible, artificial system vs. „tarashkevica” – alive, free from the „reserves”, open system. Thus, the innovative variant is more prestigious in comparison with the official one.

In general, the choice of the Belarusian language as the language of the Internet communications is strongly marked. Recently the Belarusian language is not only a sign of contrast to existing norms and rules of the official variant of the modern Belarusian literary language, but also a sign of the underlined elitism.

In Belarusian netspeak, as well as in the poetic texts, there is the tendency to liberalization: ignoring or even destructing official norms and partial replacement of them with innovative variants, of contrastive character to Russian and to the official variant of the modern Belarusian

language. The variants, far from Russian-speaking, are taken from: 1) the language practice of 20-30's of the 20th century (lexicon of the first Belarusian Revival); 2) dialectal sources; 3) other languages: Slavic (Polish, Ukrainian and Czech), German and (first of all) English). It is obvious that dynamics of the norm of the modern Belarusian language allows to speak about pluralism of the norm which exists in two variants: official (codificative) vs. innovative. The tendency to „pushing away” all possible Russian is in some way a manifestation of puristic tendency (the reaction on the linguistic situation in the 50-80's of the 20th century).

On the Internet the Belarusian language proves free and flexible. On the Internet we can observe the process of natural development of the Belarusian language.

Andrzej Narloch

Instytut Filologii Rosyjskiej

UAM w Poznaniu

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО ЖАРГОНА В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Быстрый темп развития какой-либо дисциплины влечет за собой формирование, связанной с этой сферой, группы лексики. Начало появления компьютерного языка как в русском, так и в польском относится к 60-м годам XX века. Быстрое обновление лексики, связанной с данной областью, свидетельствует о незаконченности процесса образования компьютерной лексики, не говоря уже о новом потоке слов. Правда, ввиду доминирующей роли англицизмов, пополнение данного пласта лексики идет за счет именно этого языка. Такой процесс заметен в равной степени как в польском, так и в русском языках.

Настоящее изложение посвящается способам номинации языковых единиц, относящимся к компьютерному сленгу (жargonу). Мы ограничились лишь самыми распространенными номинационными фактами. В статье будут проанализированы только имена существительные¹. По предварительным данным можно сказать, что данный социолект в каждом из языков отличается рядом специфических черт. Новые слова появляются в компьютерном языке в результате заимствования, семантического способа образования и использования арсенала деривационных возможностей отдельного языка.

Заимствование иноязычного слова является частным способом обогащения анализируемого жаргона. В процессе перехода лексемы в другой язык имеют место адаптационные процессы, помещающие слово в грамматическую систему заимствующего языка. Значительная часть жаргонизмов относится к собственно

¹ Фактический материал для настоящей статьи был извлечен из ряда источников. Базой для русских жаргонизмов стал словарь: В. М. Мокиенко, И. Г. Никитина, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2000. Кроме того, нами использовались многие издания электронных жаргонных словарей, помещенные в Интернете. В польском языке до сих пор нет жаргонного словаря, в котором фиксировалось бы репрезентативное количество компьютерной лексики. Польские жаргонизмы черпались в основном из компьютерных журналов, из Интернета (в частности форумов, статей, словарей компьютерного сленга), личного опроса компьютерщиков, а также из словарей: Z. Płoski, *Słownik. Komputer. Internet*, Wrocław 2001; Z. Płoski, *Słownik Encyklopedyczny – Informatyka*, Wyd. Europa, 1999.

заимствованиям, т.е. слова переходят в другой язык в форме оригинала, согласно фонетическим нормам принимающего языка. Фактический материал показывает, что в русском и польском языках широкую базу представляют именно такие слова. Иллюстрацией русских заимствованных жаргонизмов являются следующие лексемы: *лузер* ‘невезучий пользователь компьютера’ от англ. *loser*; *ламер* ‘человек, полностью некомпетентный в той или иной области, но твёрдо уверенный в своем’ от англ. *lamer*; *баг* ‘сбой в программе’ от англ. *bug*; *моузе* ‘драйвер мыши’ от англ. *mouse*; *пароль* от англ. *password*; *пойнт* ‘рядовой узел сети FIDO; владелец узла’ от англ. *point*; *свичи* ‘переключатели’ от англ. *switches*; *сим* ‘модуль памяти SIMM’ от англ. *SIMM*. Польский язык шире впитывает лексемы без каких-либо морфо-фонологических изменений. Все это свидетельствует о том, что польский больше открыт на непосредственное заимствование слов из официального английского компьютерного жаргона. Слова переходят целиком в систему языка без дополнительных аффиксальных элементов, часто в оригинальном написании. Ср. примеры польских жаргонизмов: *keyboard* (произ. kibord) ‘клавиатура’; *cooler* (произ. kuler) ‘куллер’ от англ. *cooler*; *font* ‘фонт’ от англ. *font*; *link* ‘сноска’ от англ. *link*; *лама* (неодобр.) ‘неумелый пользователь компьютера’ от англ. *lamer*; *тролл* (презр.) ‘человек, который регулярно посещает форумы, размещает сообщения на форумах, направленные на то, чтобы задеть других’ от англ. *troll*; *кеш* (произ. kesz) ‘оперативная память’ от англ. *cache*; *пин* ‘контакт, штырёк’ от англ. *pin*; *флоп* (вар. *flopp*) ‘дискетта’ от англ. *floppy* (disk); *пендрайв* (произ. pen-drajw) ‘флэш накопитель’ от англ. *pendrive*; *слейв* (произ. slejw) ‘устройство, управляемое другим устройством’ от англ. *slave*; *мастер* ‘задатчик, активное устройство на общей шине’ от англ. *master*; *флейм* ‘дискуссия, часто просто разговоры ни о чем’ от англ. *flames*.

Образование новых жаргонизмов наступает также при использовании словообразовательных возможностей данного языка. Известно, что при помощи суффиксации образуется значительная часть слов русского и польского языков. Также в сфере компьютерного жаргона можно отметить значительную роль суффиксации. Большинство слов образуются по имеющимся в языке деривационным моделям. Производящей основой становятся очень часто официальные английские термины. В случае, когда производящей основой становится иноязычный термин, часто используются суффиксы с модификационным значением (субъектно-оценочным и стилистической модификации). Имеются в виду, прежде всего, форманты с уменьшительно-ласкательным значением, со значением уничижительности, иногда со значением презрения и даже вулгаризации. Дериваты с ласкательным и шутливым значением образуются, например, при помощи формантов: *-ик*, *-к(а) -ничек*, напр.: *паскалик* ‘язык программирования Паскаль’ от *Паскаль*; *процик* ‘процессор’ от *проц*; *флопик* 1. ‘дискетта’, 2. ‘дискетка’ от *флоп*; *бебеска* (вар. *бибизска*) ‘электронная доска объявлений’ от англ. аббр. *BBS* (Bulletin Board System); *батничек* от англ. *bat* ‘запускной файл, bat-файл; вид запуска команд’. Дериваты со значением уничижительности (реже ласкательности) представлены, например, суффиксом

-ишка: *писишка* ‘персональный компьютер’ от *пи-си* (англ. *PC*); *атишка* ‘персональный компьютер IBM PC/AT’ от англ. *AT*. Стилистически сниженное значение с иронично-неодобрительным и вульгарным оттенками выражается с помощью суффиксов: *-юх(a)*, *-ух(a)*, *-юг*, *-ин(a)*, *-ур(a)*: *аппликуха* ‘вид небольшой программы’ от *апликация*; *шелуха* ‘программное обеспечение Schell’ от англ. *Schell*; *писюха* ‘персональный компьютер’ от *пи-си*; *писюг* ‘персональный компьютер’ от *пи-си*; *бибисина*, *бибисина* от англ. аббр. *BBS*; *виндура* от *винда*. В польском языке суффиксация используется в качестве одного из главных способов пополнения жаргона компьютерщиков. Причем употребляются суффиксы с модификационным значением, прежде всего с ласкательным оттенком, такие, как: *-ек*, *-ик*, ср.: *pecek* ‘персональный компьютер’ от англ. *PC*; *misiek* ‘броузер’ от *miś* (от англ. *MS*), *cedek* ‘компакт-диск’ от *CD*; *wiatraczek* ‘вентилятор’ от *wiatrak*; *sidik* ‘компакт-диск’ от *CD*; *ajpik* ‘индивидуальный интернетовый номер компьютера’ от англ. *IP*. Неоднократно суффиксации предшествует процесс усечения. В русском языке к усеченной основе присоединяются суффиксы: *-арь*, *-юх*, *-ух(a)/-юх(a)*, ср.: *винтарь* от *винт* ‘жесткий диск’, *микруха* от *микросхема*, *пеньтюх* от усеченной формы *Пентиум*, *писюха* от *пи-си*. В польском языке нами отмечены следующие примеры с формантом *-ек*: *notek* от *notebook*, *procek* от *procesor*.

Усечение как один из способов неаффиксального словообразования является отражением универсального процесса к языковой экономии. Усечение развивается в русском языке под влиянием аббревиации, так как наступает „усечение производящей основы по аббревиатурному типу, т.е. вне зависимости от границы морфем”². Этот способ словообразования широко используется в русском жаргонном лексиконе, ср. примеры: *винт* от *винчестер*, *комп* от *компьютер*, *пень* от *пентиум*, *пасс* от *пассворд*, *проц* от *процессор*, *клава* от *клавиатура*, *гиг* от *гигабайт*, *док* от *документ*, *винч* от *винчестер*, *сопр* от *сопроцессор*, *нот* от *ноутбук*, *винда* от *виндовз*, *конфа* от *конференция*. В польском языке усечение используется также довольно часто, напр.: *komp* от *komputer*, *net* от *Internet*, *algo* от *algorytm*, *win* от *Windows*, *lap* от *laptop*, *klawa* от *klawiatura*, *prog* от *program*, *stery* от *sterowniki*, *winda* от *Windows*³. В последних двух примерах неологизмы входят в омонимичную связь с другими словами, невольно приводя к двуплановости семантики слова. Имеются и примеры усечения начальной части слова (т.н. афферезис)⁴. Примером может служить русское *путер* от *компьютер*, в котором усечению подлежит начальный слог существительного.

Нередко жаргонные неологизмы образуются на базе синтаксических конструкций. Как замечает Е. Калишан, русский язык в значительно большей степени, чем остальные славянские языки, характеризует тенденция к образованию

² Современный русский язык, под ред. В. А. Белошапковой, Москва 1999, с. 373.

³ Усечение слова *Windows* привело к появлению ассоциативной связи с другим словом, так как появляется ассоциация со значением слова *winda* ‘подъемная машина в многоэтажных домах, шахтах и т.п.’ Ср. также слово *stery*.

⁴ Способы номинации в современном русском языке, под ред. Д. Е. Шмелева, Москва 1982, с. 77.

сжатых, компресированных формально и семантически словообразовательных структур⁵. Образование т.н. универбатов в компьютерном жаргоне относится как к русскому, так и к польскому языкам. Универбация может сопровождаться разными способами: аббревиацией, композицией, суффиксацией и эллиптической субстантивацией⁶. В нашем материале показательны прежде всего примеры аббревиации и суффиксации. Аббревиация, как образование новых слов путем сложения усеченных основ (или усеченных и полных слов), развивается под мощным влиянием английского языка (его американского варианта)⁷. Необыкновенный приток аббревиатурных образований вызван тенденцией к сокращению, экономии речи и прежде всего письма, ср. *рунет* от *русский Интернет*. Сокращению подлежат иногда очень сложные наименования информационных технологий, появляются сокращенные выражения, используемые в интернет-конференциях, каналах IRC, общениях по чату, в разного рода форумах⁸. Правда, такие аббревиатуры (акронимы) очень часто являются кальками английских образований. Акронимия, как правило, является разновидностью аббревиации и образуется путем соединения начальных букв (звуков) слов, входящих в исходное словосочетание⁹. Однако не следует путать собственно аббревиатур и вводных слов (словосочетаний, предложений), построенных по аббревиатурному типу, так как в компьютерном жаргоне значительная часть акронимов представляет собой конструкции, выражающие отношение субъекта к высказываемому¹⁰. Например, слово *имхо* от англ. *IMHO* (In My Humble Opinion) является вводным словом (со значением 'по-моему скромному мнению'), однако может иметь и значение существительного. В значении существительного данное слово обозначает просто 'личное мнение, взгляд'. Тогда слово относится к среднему роду и даже склоняется, ср. пример из Интернета: *-Ты достал меня своим имхом, парень!* Появилась и форма множественного числа, ср.: *- Несмотря на ваши имхи, мальчики, у меня свое имхо*¹¹.

⁵ J. Kaliszán, *Kompresja strukturalna w nowym słownictwie rosyjskim*. B: Studia Rossica Posnaniensia, vol. XXVI. Poznań 1995, с. 167.

⁶ Ibidem, с. 168.

⁷ См., например, словарь А. Т. Черепанова, *Англо-русский словарь сокращений по компьютерным технологиям, информатике, электронике и связи* (Москва 2001), в котором фиксируется около 19 тысяч разного рода аббревиатур и сокращений.

⁸ Существует богатый специальный язык сокращений, используемый участниками чатов и форумов, которые в ходе общения с целью сокращения объема текста прибегают к условным сокращенным языковым и графическим знакам. В настоящей статье мы ограничимся лишь названием самых известных, так как этот материал мог бы стать предметом отдельного рассмотрения.

⁹ *Способы номинации в современном русском языке*, под ред. Д. Н. Шмелева, Москва 1982, с. 83.

¹⁰ К распространенным в русском компьютерном жаргоне акронимам относятся следующие: *имхо* от англ. *IMHO* (In My Humble Opinion) толкуется 'по моему скромному мнению'; *афайк* от англ. *AFAIK* (as far as I know) толкуется 'насколько я знаю'; *ину!* 'пока, до скорого' от англ. *bye* – по соответствию английских букв на клавиатуре русским; *ЧаВО* 'частые вопросы и ответы' – калька английского *FAQ* (frequently asked questions). Существуют и сугубо русские акронимы, не известные английскому, напр.: *НННЧ* 'не нравится, не читай'; *ППКС* 'подпишусь под каждым словом'; *НеПНИ* – 'не претендую на истину'.

¹¹ Шире о слове *имхо* см. на сайт *Справочной службы русского языка* по адресу: <<http://www.rusyz.ru/>>.

К тому же, существуют уже русские аналоги часто употребляемых словосочетаний, которые можно включить в данную группу акронимов, поскольку называют одно целостное понятие: *ВС* ‘виртуальный секс’; *ДР* ‘день рождения’; *НГ* ‘Новый год’; *РХ* ‘Рождество Христово’; *ХВ!* ‘Христос воскрес!’’. Довольно популярны и сокращения дней недели: *пн, вт, ср, чт, пт, сб, вс*. Что касается польских аббревиатур, то следует отметить, что акронимия является часто используемым способом словообразования. Как в русском, так и в польском аббревиатуры появляются под влиянием английских сокращений. Многие польские компьютерщики употребляют и оригинальные англоязычные акронимы, которые по существу являются также вводными выражениями или чаще всего употребляемыми конструкциями¹².

В формировании изучаемого жаргона принимают участие также суффиксальные универбаты. Производящей базой в таком случае является словосочетание, атрибутивный компонент которого вместе с суффиксом образует дериват. Проиллюстрируем сказанное примерами: *прикладуха* (ласк. вар. *прикладушка*) от *прикладная программа*; *лазерник* от *лазерный принтер*; *струйник* от *струйный принтер*; *аркада* от *аркадная игра*; *демонстраха* от *демонстрационная программа*; *карманник* от *карманный компьютер*; *материнка* от *материнская плата*; *оперативка* от *оперативная память*. В польском языке примеры представляются следующим образом: *sieciówka* от *karta sieciowa*; *laserówka* от *drukarka laserowa*; *igłówka* от *drukarka igłowa*. К суффиксальным универбатам можно причислить также дериваты с нулевым суффиксом. К этой группе дериватов примыкают нульсуффиксальные универбаты, которые уже менее активны: *реал* от *реальный мир*; *виртуал* от *виртуальный мир*. В польском мы отметили следующие лексемы: *real* от *realny świat*; *wirtual* от *wirtualny świat*; *antywirus* (усеченный вариант *antywir*) от *program antywirusowy*.

Русский компьютерный жаргон характеризуется участием и сложных слов. Мы отметили сложения с неравноправным отношением основ. Такое сложение имеет опорное существительное и уточняющий первый компонент. Примеры сложения отмечены нами только в русском языке. Данный способ используется зачастую в целях наделения слова эмоциональными оттенками. Сочетание основ, представляющих собой несовместимые понятия, приводит к появлению

¹² Ср. примеры употребляемых в польском языке акронимов: *AFAIK* (англ. *as far as I know*) ‘насколько мне известно’, *BBL* (англ. *be back later*) ‘вернусь позже’, *CUL* (англ. *see you later*) ‘увидимся позже’ и мн. др. Польский жаргон выработал также собственно польские сокращения: *APO* ‘между прочим’, от польск. *a przy okazji*; *ATSD* ‘между прочим, кстати’ от польск. *a tak swoją drogą*; *BiSwK* ‘братья и сестры по клавиатуре’ от польск. *bracia i siostry w klawiaturze*, *COTP* ‘хочешь об этом поговорить?’, от польск. *chcesz o tym porozmawiać?* (обычно иронически); *DCW* ‘все для тебя’, от польск. *dla ciebie wszystko*, *MBSZ* ‘по моему очень скромному мнению’, от польск. *moim bardzo skromnym zdaniem*; *NB* ‘nota bene’; *OIW* ‘насколько мне известно’, от польск. *o ile wiem*; *ROC* ‘руки опускаются’, от польск. *ręce opadają człowiekowi*; *ZTCW* ‘насколько знаю’, от польск. *z tego co wiem*.

шутливого, иронического, насмешливого эффектов. Такие формации всегда экспрессивно окрашены. Примером могут служить существительные со связанным опорным компонентом *-драм*, образующим в литературном языке дериваты со значением ‘поверхности, площадки, предназначенной для соревнований, взлета, посадки летающих объектов’, ср. примеры из компьютерного жаргона: *крысодром*, *мышкодром* ‘коврик для мыши’; *глюкодром* ‘сбойное аппаратное обеспечение’¹³. Сложно-суффиксальные дериваты представлены прежде всего существительными, содержащими глагольную основу: *дуоловка* ‘состояние станции, когда системный оператор не может следить за ней’; *клоподав* и *блохолов* ‘программы для поиска ошибок в программах’. Некоторые дериваты образуют целые цепочки синонимических рядов, ср.: *дисковод* – *дисковёрт*, *дискокрут*, *сидивертка*. Перечисленные примеры, кроме последнего, образованы нульсуффиксальным способом. В польском языке нами не зафиксированы какие-либо дериваты.

В последние десятилетия в публицистической речи все чаще встречаются образования, представляющие собой примеры окказионального словообразования. Имеются в виду разного типа контаминационные структуры, каламбурные образования с установкой на шутку, дублирующие внешнюю форму другого слова и т.д. В большинстве случаев явления этого типа являются отражением своеобразного подхода к языку. Язык становится материалом для обработки, с которым можно экспериментировать. Главной идеей де факто становится игра со словом, проявляющаяся в дистанции к отражаемому языком компьютерному миру.

Как указывалось выше, англоязычные компьютерные термины, входя в русский жаргон, подстраиваются под лексико-грамматические законы заимствующего языка. Освоение слова осуществляется неоднократно путем намеренного изменения звукового состава (согласно фонетическим правилам принимающего языка). Необходимо отметить, что в сфере анализируемого жаргона окказиональное словообразование характерно в большей степени для русского языка. Элемент шутки, обыгрывания слов, видимо, имеет более плодотворный грунт в русском языке, чем в польском. В польском языке существует значительно меньше образований, направленных на игру со словом.

Обыгрывание значений слов основывается на создании смысловых связей с другими словами. Такой способ определяется как ассоциативно-фонетическая мимикрия. Паронимические связи двух лексем являются основой сближения, т.е. сближения официального компьютерного термина с собственно русским словом. По определению В. В. Химика, „[...] иноязычное (и вообще всякое непонятое) слово заменяется русским на основе случайного внешнего сходства при полном расхождении смыслов. И чем более расходятся смыслы, тем удачнее считается переделка, ибо ее целью на самом деле является пародирование аналогии [...]”¹⁴.

¹³ Существует также довольно много сложений, возникших путем полного и частичного калькирования иноязычной структуры. К таким лексемам относятся следующие: *междумордие*, *мелкософт*, *пень-инфо* и др.

¹⁴ В. В. Химик, *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург 2000, с. 84.

При подражании одного слова другому имеет место одновременно частичное изменение звуковой стороны исходного слова. Появившийся неологизм может иметь омонимичную форму с другим русским словом или напоминать его по звучанию. Проиллюстрируем сказанное рядом примеров: *плуг* ‘устройство, защищающее программу от несанкционированного копирования’ от англ. *plug in*; *диета* ‘упаковщик файлов Diet’ от англ. *Diet*; *хомяк* ‘домашняя интернетовая страница’ от англ. *home page*; *свечи* ‘переключатели’ от англ. *switches*; *каша* ‘память cache memory’ от англ. *cache*; *паста* ‘команда вставить содержимое буфера обмена в текущую область приложения’ от англ. *paste*; *носки* ‘таблица кодировки ASCII’ от англ. *ASCII*; *пена* ‘RIP-протокол’ от англ. *RIP*; *парикмахер* ‘программа Aldus PageMaker’ от англ. *PageMaker*; *наквиль* ‘язык программирования Pascal’ от англ. *Pascal*; *golded* ‘редактор почты GoldEdit’ от англ. *GoldEdit*; *рылком* ‘СНГовская часть Internet’a’ от англ. *Relcom*. Как мы отметили, в польском компьютерном жаргоне мимикрия встречается довольно редко. Нами найдено лишь несколько примеров, отражающих данный способ словообразования: *winda* от *Windows* (по сути, это усечение, значение деривата входит в ассоциативную связь со значением ‘подъемная машина в многоэтажных домах, шахтах и т.п.’); *miś* ‘браузер Internet Explorer’ от акронима *MS* ‘Microsoft’ путем добавления гласного *i*; *pamiętka* ‘память’ от *pamięć*.

В компьютерном жаргоне можно отметить и контаминацию, которая опирается на скрещении двух элементов языка в одну единицу. В результате объединения слов наступает образование новой языковой единицы, сопровождающееся ее семантическим и формальным изменением¹⁵. В практике происходит объединение двух, не связанных семантикой, слов, в результате чего образуется цельнооформленная лексема (с морфо-фонетическими изменениями на стыке морфем)¹⁶. Приведем примеры контаминации в русском языке: *тублема* ‘проблема’ от англ. *trouble* ‘проблема’ и русск. *проблема*; *мудератор* (презр.) ‘хозяин эхо-конференции’ от *мудак* и *модератор*; *компустер* (ирон.) от *компьютер* и *компостер*; *програзм* ‘состояние высшего удовольствия от программирования’ от *программа* и *оргазм*. К контаминационным образованиям в польском языке относятся: *telekompromitacja* (ирон.) от *telekomunikacja* и *kompromitacja*; *telekomuna* (презр.) от *telekomunikacja* и *komuna*; *szajsung* (ирон.) от *Samsung* и *szajs* (прост. вульг.) ‘о чем-либо нечего не стоящем, испорченном, плохого качества и т.д.’; *Microshit* (вульг.) от наз. компании *Microsoft* и англ. *shit* (вульг.).

Жаргонные компьютерные слова возникают также в результате семантических изменений. Развитие семантического словообразования осуществляется по сходству функций или признаков (метафора), или же по смежности (метонимия). В анализируемом жаргоне именно метафора является главным механизмом пополнения словарного запаса (метонимия и функцио-

¹⁵ Е. А. Земская, *Словообразование как деятельность*, Москва 1992, с. 51.

¹⁶ В случае, когда подлечит скрещению начальный сегмент одного слова с конечным сегментом другого можно говорить о телескопическом способе словообразования.

нальный перенос встречаются намного реже). Наличие коннотативной семы между двумя объектами является необходимым условием для появления переносного значения у данного слова. Номинация, в основе которой лежит метафора, закрепляется в компьютерном жаргоне с отпечатком положительной или отрицательной оценки, и отличается своей яркостью и выразительностью. Коннотативные модели неосемантизмов этого типа опираются на разные способы переноса значения.

В русском языке самой распространенной моделью является перенос с предмета на предмет: *паровоз* 'локомотив с паровым двигателем' > 'программа для сжатия данных'; *телевизор* (шутл.) 'устройство для приема телевизионных передач' > 'монитор компьютера'; *тряпка* 'лоскут ткани' > 'коврик для мыши'; *зоопарк* (шутл.) 'место, в котором содержатся дикие животные' > 'компьютер, зараженный более чем одним вирусом'; *блин* (шутл.) 'тонкая лепешка из жидкого теста' > 'компакт-диск'; *веревка* 'свитые в виде шнура длинные пряди пеньки, льна' > 'провод, соединяющий компьютеры через порты'; *морда* (неодобр.) 'передняя часть головы животного' > 'лицевая панель компьютера'. В русском особенно много метафорических наименований имеет слово компьютер, а также внешний корпус компьютера, ср.: *аппарат, банка, башня, кирпич, машина, сейф, тачка, ящик*; или компьютерные вирусы и ошибки (с выразительной отрицательной оценкой): *бацилла, блоха, глист, жук, зараза, зверь, клоп, СПИД*.

Семантический перенос активен также в польском языке. Польские жаргонизмы подобно русским активно переносят значение с предмета на предмет: *machina* 'машина, устройство' > 'компьютер'; *buda* (ирон.) 'конура' > 'корпус компьютера'; *kasta* жарг. 'машина' > 'корпус компьютера'; *kombajn* 'машина, выполняющая одновременно ряд операций по уборке зерновых и технических культур' > 'большая по размеру и сложности программа'; *plachta* 'большой лист, полотнище' > 'электронная таблица'; *kieszzeń* 'карман' > 'подвижной элемент привода для помещения на нем компакт-диска'; *tacka* 'поднос' > 'подвижной элемент привода для помещения на нем компакт-диска'; *walizka* (шутл.) 'чемодан' > 'ноутбук'; *wiatrak* 'ветряная мельница' > 'вентилятор'; *zator* 'затор' > 'ограничение производительности системы'. Перенос значения с животного на предмет можно отметить в словах: *robak* 'червь' > 'интернетовый вирус'; *szkodnik* 'вредитель' > 'wirus komputerowy'. Встречаются также метафорические переносы с человека на человека, ср. русское слово: *висельник* 'тот, кто повесился, покончил с собой' > 'неопытный программист, у которого часто наблюдаются сбои в работе компьютера'.

Из представленного вытекает, что русский и польский социолекты заметно отличаются друг от друга. Во-первых, словообразование данной группы слов опирается почти на все известные русскому языку способы словообразования, что свидетельствует о широких словообразовательных возможностях этого пласта лексики. Преобладающую часть русского материала образуют иноязычные слова (как и в польском), в том числе те, которые подлежат дальнейшим словообразовательным процессам. Во-вторых, польский компьютерный жаргон опирается

в значительно большей степени на собственно заимствованные слова (перенесение корневой морфемы) из английской официальной компьютерной терминологии. В-третьих, в польском ассоциативно-фонетическая мимикрия не проявляет такой активности, и вовсе не отмечено случаев сложения и сложно-суффиксального способа. Что касается семантического способа, то кажется, что активность метафорического переноса в равной степени характерна для обоих языков. В русском языке, благодаря широкому употреблению суффиксальных элементов с оценочной и стилистической модификацией, а также благодаря использованию приемов языковой игры, пародирования сходных по звучанию слов, слова получают повышенную эмоциональную окраску. Необходимо отметить, что жаргонные системы в обоих языках находятся в стадии постоянного формирования.

SUMMARY

The article presents an attempt of structural description of computer slang in Russian and Polish. Material dates from newest dictionaries, slang articles, computer magazines and the Internet. Russian and Polish computer jargon is a result of process of borrowing mainly from English computer terminology. Adaptation of vocabulary in Russian language consists in structural-phonetic transformations of a foreign word, so that it resembles a word from Russian stock of lexemes. Polish computer jargon in more considerable degree is based on clean borrowings from English. In both languages apart from suffixed words and semantic derivation, semantic metafor, clipping and abbreviations play important role. Many units are marked stylistically. It concerns ironic, contemptuous or even low-class words.

LITERATUROZNAWSTWO I KULTUROZNAWSTWO

Anna Bednarczyk

Zakład Kultury Rosyjskiej
Uniwersytetu Łódzkiego

POETYKA WSPÓŁCZESNEJ PIEŚNI BIAŁOGWARDYJSKIEJ

Pierwsze rosyjskie pieśni białogwardyjskie powstały w czasach wojny domowej, kolejne pisano na emigracji. Utwory te odnosiły się do przeżyć żołnierzy, podejmowały tematykę upadku carskiej Rosji, wiary prawosławnej, a także śmierci cara Mikołaja II.

W latach sześćdziesiątych ubiegłego stulecia pojawiły się w Związku Radzieckim pieśni stylizowane na białogwardyjskie. Emanują z nich zwykle nastroje nostalgiczne; powtarza się motyw tragicznej śmierci, najczęściej młodych oficerów lub kadetów, a w przypadku emigrantów – motyw tęsknoty za Rosją. Niektóre z tych utworów pisano na potrzeby produkcji filmowej albo sztuk teatralnych. Taką piosenką jest np. *Перед боем* Jurija Borisowa¹. Częściej jednak pojawiały się one w nieoficjalnym obiegu, a ich twórcy nierzadko podlegali różnego rodzaju represjom².

Nowe pieśni białogwardyjskie pojawiają się także w ostatnich latach, a więc już po rozpadzie ZSRR. To pieśni dwojakiego rodzaju: w jednych autorzy wykorzystują istniejące wcześniej wiersze (np. teksty Siergieja Biechtiejewa, które muzycznie opracowuje Giennadij Ponomariow), inne w całości tworzone są współcześnie i stylizowane na stare pieśni białogwardyjskie.

Okazuje się więc, że obecnie mamy do czynienia z kilkoma rodzajami pieśni białogwardyjskiej, różniącymi się zarówno czasem powstania, jak i funkcją pełnioną w rosyjskim systemie socjokulturowym. W prezentowanych tu rozważaniach będą nas interesować przede wszystkim utwory powstałe współcześnie, choć nie można pominąć tych tekstów wcześniejszych, które dopiero teraz przestały podlegać zakazom cenzury. Doskonałym przykładem dowodzącym potrzeby takiego spojrzenia, w pewnym sensie diachronicznego, jest niezwykle popularna piosenka *Поручик Голицын*, do której autorstwa przyznaje się Michaił Zwiezdinskij³; odmawia mu tego autorstwa

¹ Została ona napisana na początku lat 80. do filmu *Личной опасности не гарантирую* w reżyserii N. Troszczenko i A. Wichodko.

² Przykładem mogą być tacy autorzy, jak Michaił Zwiezdinskij, Leonid Borodin czy wspomniany już Jurij Borisow.

³ Twierdzi on, że napisał piosenkę w 1961 r.

np. Żanna Biczewska, śpiewająca *Поручика...* jako tekst anonimowy. Co ciekawe, niektóre pieśni stylizowane na białogwardyjskie odbierane są przez współczesnych słuchaczy jako ludowe. Dotyczy to choćby utworu Aleksandra Dolskiego *Господа офицеры*, który został napisany do filmu *Трактир на Пятницкой*, a przez wielu odbiorców uważany jest za stary białogwardyjski romans⁴. Pozwolę sobie zacytować w tym miejscu samego Dolskiego, który, pisząc o wierszach Kiryła Riwla, zastanawiał się: „О каких это временах? Может это 1917–1921 годы? Или 1990–2002?”⁵. Nie ma więc większego znaczenia czas powstania utworu. Ważne są przekazywane przezeń treści, nastroje i odniesienia do rzeczywistości. W niniejszych rozważaniach najważniejszą rolę odgrywać będą cechy współczesnego tekstu świadczące o zniesieniu cenzury.

Pierwszą tego oznaką jest swobodne pojawianie się omawianych pieśni na płytach, na estradzie czy w Internecie. Za kolejną trzeba uznać możliwość odwoływania się do tekstów przedrewolucyjnych, do starych pieśni białogwardyjskich, w tym do zawartych w nich obrazów poetyckich i języka. Trzecia oznaka współczesności tekstu wiąże się z brutalizacją zarówno sfery obrazowania, jak i płaszczyzny lingwistycznej. Te dwa ostatnie zjawiska postaramy się udokumentować.

Wspomniano już o nawiązaniach do istniejących wcześniej utworów. Są one dwójakiego rodzaju: z jednej strony to wiersze poetów tworzących na początku XX w., połączone ze współcześnie skomponowaną muzyką i przekształcające się w ten sposób w pieśni współczesne, z drugiej zaś liczne odniesienia intertekstualne do tekstów powstałych wcześniej.

W pierwszym przypadku zwraca uwagę pewna wybiórczość kompozytora oraz wykonawcy. Na przykład Ponomariow i Biczewska, opracowując wiersze Biechtiejewa, pomijają te, w których wyraźne są akcenty antysemityczne (*Николай II, Русская Гольгофа, Красное знамя, Жидовин*), a wybierają teksty traktujące o „końcu wielkiej, prawosławnej Rusi”; przykładem może być *Россия*, rozpoczynająca się słowami:

Была Державная Россия,
Была великая страна⁶.

Uprzedniość podkreślają tu czasowniki dokonane użyte w czasie przeszłym: „была” i teraźniejszy: „в клочки разорвана порфира”, „растоптан царственный венец”. Z kolei kontrast między ową mocarstwową Rosją („державная”) a jej obecną kondycją ukazano dzięki wykorzystaniu obrazów ojczyzny poniżonej, ojczyzny żebraczki, antonimicznych do mocarstwowości: „Теперь ты жалкая блудница,/Раба, прислужница рабов!”, „Стоишь ты, наша Мать родная,/В углу с протянутой рукой”. Ponadto śpiewane przez Biczewską wiersze Biechtiejewa emanują „poetyką modlitewną” i czynią z cara oraz jego rodziny świętych, którzy zginęli za Rosję i wiarę

⁴ Zob.: <<http://spb.kp.ru/daily/culture/doc2515>> oraz: <<http://jewish.ru/994190905.asp>>.

⁵ <http://www.bards.ru/archives/albom_show.asp?ID=2150>.

⁶ <<http://www.yaroslav.russian.ru/zanna-rossiya.mp3>>.

prawosławną. Wymieńmy tu takie pieśni, jak: *Царица Александра* czy *Святой Царь*⁷, w których występuje porównanie cara do Chrystusa:

И царские очи любовно глядели
И голос монарший звучал,
Как песня волшебная нежной свирели,
Как сладостно плещущий вал.
[...]
И эти глаза с величавым смирением,
И кроткие эти уста
Казались прекрасным, живым отражением
Пречистого лика Христа.

Podobne porównania, a także archaiczna, poetyzująca leksyka (starocerkiewno-słowiańskie „очи”, „лик”) znajdują się we współczesnych pieśniach ze słowami autorstwa Ponomariowa. Najlepszymi przykładami są *Царь Николай* i *Песня о Святых Царственных Мучениках*. W pierwszej wyróżnia się analogiczny do już cytowanego obraz cara:

С календаря смотрит мне в душу
Царь Николай взором Христа⁸.

Natomiast druga pieśń staje się modlitwą do wszystkich rozstrzelanych członków rodziny Mikołaja II. Ten modlitewny charakter również został przejęty od Biechtieje-wa⁹. Na uwagę zasługują stylizacje płaszczyzny fonetycznej współczesnych wykonań, które odwołują się z jednej strony do stylu wysokiego, a nawet cerkiewnego (stąd na przykład formy „святыя”, „боевые”, „на небеси” zamiast neutralnych „святые”, „боевые”, „на небесах”), a z drugiej strony do ludowości, co zauważyć można szczególnie wyraźnie w piosenkach nawiązujących do tradycji kozackiej. Poza płaszczyzną fonetyczną i leksykalną stylizacja ludowa osiągnana jest również dzięki wprowadzeniu do pieśni białogwardyjskich powtórzeń syntaktycznych i paralelizmu obrazowego, jak choćby w piosenkach *Закатилась зорька за лес* Borisowa czy *Дикое поле* N. Gusarowa¹⁰; symbolika pieśni Gusarowa jest niezwykle bliska tej obserwowanej w balladach ludowych. Oto pierwsza zwrotka tego tekstu:

Ой, да то не белы гуси-лебеди
С поднебесья пали на затон.
То сходились люди буйно племени
В диком поле над рекою Дон.

⁷ <http://www.yaroslav.russian.ru/zanna-svyatoi_tsar.mp3>.

⁸ <http://derzava.russian.ru/zanna_car_nikolaj.mp3>.

⁹ Zob. np.: *Боже отдай нам царя, Молитва*.

¹⁰ <http://ruek.narod.ru/whitemp3/zanna_dikoe_pole.mp3>.

We współczesnych piosenkach białogwardyjskich występują także inne nawiązania do znanych wcześniej utworów. Niezwykle interesującym przykładem jest tu wspomniany już *Поручик Голицын*. Zawarte w tej pieśni obrazy młodych oficerów gwardii i nostalgiczny nastrój wpłynęły bowiem na wiele późniejszych tekstów stylizowanych na białogwardyjskie. Intertekstualne odniesienia podkreśla takie oto porównanie kilku wersów *Поручика...* i piosenki Borisowa pod tytułem *Не надо грустить, господа офицеры*:

<i>Поручик Голицын</i>	<i>Не надо грустить, господа офицеры</i>
Четвертые сутки пылают станицы , Горит под ногами Донская земля .	Вот мы неприятелем к Дону прижаты, За нами остались полоски земли. Пылают станицы , деревья и хаты,
Подайте бокалы, поручик Голицын , Корнет Оболенский, налейте вина . ¹¹	Разбейте, поручик, стакан с самогоном . Ведь вы не найдете спасенья в вине . ¹²

W obu powtarza się motyw Donu, spalonych stanic, w obu też oficerowie piją alkohol. Różnica dotyczy rodzaju trunku. Porucznik Golicyn pije wino, bezimienny porucznik z utworu Borisowa – samogon. Można uznać, że wraz z przybliżaniem się daty powstania tekstu następuje jego emotywna aktualizacja, wyrażająca się w brutalizacji obrazu. Podobieństwo rozpatrywanych tekstów dotyczy też płaszczyzny wersyfikacyjnej – w obu przypadkach to czterostopowy amfibrach, regularny w wersach nieparzystych i katelektyczny w parzystych.

Поручик Голицын stał się również pretekstem do napisania przez Andrieja Szechwatowa wiersza *Корнет соскучился по маме (Письмо корнета Оболенского матери)*¹³, w którym poza Oboleńskim pojawiło się też wspomnienie o śmierci Golicyna:

Друг Голицын Ванюша
Нынче в землю зарыт...

Warto także odnotować, że wymieniona wcześniej piosenka Dolskiego *Господа офицеры* przyczyniła się, naszym zdaniem, do powstania w pewnym sensie antonimicznego tekstu *Господа рядовые*¹⁴ przypominającego, że na wojnie giną przede

¹¹ <<http://www.mk.ru/numbers/955/article26966.htm>>.

¹² <http://ruek.narod.ru/whitemp3/zanna_ne_nado_grustit_gospoda_oficery.mp3>.

¹³ *Корнет соскучился по маме (Письмо корнета Оболенского матери)*, sł. N. Żdanow-Łucenko, muz. W. Wierchoturcew; zob. <<http://www.stihi.ru/poems/2001/12/10-666.html>>.

¹⁴ <<http://www.stihi.ru/poems/2001/12/10-666.html>>.

wszystkim szeregowcy. Tekst ten jest wyraźnym przejawem współczesnej demokratyzacji, która wydaje się być swego rodzaju „spadkiem” po latach panowania ideologii komunistycznej. Obok wyróżniania roli prostych żołnierzy, obserwujemy również podkreślanie demokratycznego charakteru Białej Armii w wypowiedziach sugerujących brak różnic klasowych w tej wojskowej formacji. Oto fragment jednego z wierszy Jurija Niestierienko (*Опрокинулось небо и тонет в широком Дону...*):

Нет, не ради дворянских, заслуженных дедами прав
 Под огнем поднимаются белые наши полки!
 Сын крестьянина здесь и Российской Империи граф
 В равном чине, за дело одно обнажили клинки!
 Так что, ваше сиятельство, все мы сегодня равны,
 Лавр Георгич Корнилов был сам из простых казаков¹⁵.

Innego rodzaju przytoczenie literackie stanowi romans *Если можешь, прости*¹⁶. Wyraźnie nawiązuje on do romansu skomponowanego do słów Iosifa Arkadjewa pod tym samym tytułem, a śpiewanego swego czasu przez Izabelę Juriewą. Jednak w pierwowzorze kobieta błaga ukochanego o wybaczenie i powrót, natomiast w romansie białogwardyjskim odchodzący na wojnę porucznik prosi o wybaczenie swoją ukochaną. Pieśń ta odwołuje się do jeszcze innego starego, anonimowego romansu – *Не уезжай ты, мой голубчик*, który przypominają słowa:

Ты мне шептала: „Мой голубчик
 Не уходи, побудь со мной”¹⁷.

Kolejnym przykładem jest piosenka *Белая гвардия* Zoi Jaszczenko, poświęcona Aleksandrowi Galiczowi. Co więcej, jej tekst, poprzez specyficzne „cytowanie”, tworzy jednocześnie swego rodzaju dialog ze znanym utworem tego autora: *Когда я вернусь*. Porównajmy ostatnie słowa obu wypowiedzi lirycznych:

¹⁵ Zob.: <<http://yun.complife.ru/verses/white.txt>>.

¹⁶ *Если можешь, прости*, sł. N. Zdanow-Lucenko, muz. W. Wierchoturcew; zob.: <http://ruek.narod.ru/whitemp3/zanna-esli_mozesh_prosti.mp3>.

¹⁷ <http://www.yaroslav.russian.ru/zanna-esli_mozesh_prosti.mp3>.

A. Galicz	Z. Jaszczenko
<p>Когда я вернусь, Засвистят в феврале соловьи - Тот старый мотив - тот давнишний, забытый, запетый. И я упаду, Побежденный своею победой, И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои! Когда я вернусь. А когда я вернусь?!..¹⁸</p>	<p>Когда ты вернешься – все будет иначе, И нам бы узнать друг друга, Когда ты вернешься, а я не жена И даже не подруга. Когда ты вернешься - вернешься в наш город Обетованный, Когда ты вернешься, такой невозможный И такой желанный?¹⁹</p>

Powstaje więc rodzaj odpowiedzi na pytanie Galicza, choć odpowiedź ta także jest pytaniem. Warto również zauważyć, że poeta zmuszony przez władzę radziecką do emigracji (w latach siedemdziesiątych XX w.), dzięki piosence Jaszczenko stał się symbolem emigracji białogwardyjskiej. Choć powyższe zdanie zawiera oczywisty anachronizm, to porównanie wydaje się uprawnione ze względu na niewątpliwe podobieństwo sytuacji i tęsknotę za ojczyzną, wyrażaną w utworach wszystkich fal emigracji rosyjskiej. Ten właśnie motyw tęsknoty bardzo często łączy się z poczuciem klęski, ostateczności, końca wszystkiego, co prowadzi do pojawienia się poczucia pustki wewnętrznej, przypominającej stan nieistnienia. Przykładem mogą być słowa z piosenki *Из ниоткуда в никуда* N. Żdanowa-Łucenko²⁰:

Святая связь времен утрачена.
Нас больше нету, господа

a także: „Уж нету отечества, нету уж веры” z *He надо грустить, господа офицеры* Borisowa. Z kolei w śpiewanej przez Aleksandra Malinina piosence *Белое на синем*, a także w *Романс генерала Чарноты* Aleksandra Rozenbauma znajdziemy obraz nieszczęśliwego emigranta:

¹⁸ Płyta: Александр Галич, *Grand collection*.

¹⁹ <http://www.bezpowoda.ru/music/belay_guardia.mp3>.

²⁰ *Из ниоткуда в никуда*, N. Żdanow-Łucenko, muz. Ż. Biczewska; zob.: <http://ruek.narod.ru/whitemp3/zanna_iz_niotkuda_v_nikuda.mp3>.

<i>Белое на синем</i>	<i>Романс генерала Чарноты</i>
Ах какие белые на синем Пароходы уходили в даль Увозили на борту Россию Ах, поручик, как вам было жаль. ²¹	Давно лежит на золотых погонах Парижских улиц вековая пыль. ²²

Ostateczność podkreśla także epitet „последний” – przekształcający się w epitet kontekstualnie stały, czyli charakterystyczny dla danego gatunku: „последний смертельный бой” (*Это было*)²³, „последняя атака” (*Последняя атака*)²⁴. Natomiast wspomnienia dotyczące życia przed rewolucją pojawiają się w takich tekstach, jak anonimowy *Вальс юнкеров или Белый вальс*²⁵, *Выпускной бал 1917* Jurija Paniuszki czy *Ностальгическая* Borisowa. Te nostalgiczne liryki często łączą w sobie motywy aktualne (śmierć, emigracja) z minionymi (bal, nominacja oficerska, ukochana). Zwykle występują w nich wspomnienia szczęśliwego dzieciństwa, młodości, pierwszej miłości, a także pewne „rekwizyty”: błękitne mundury, złote epolety, z francuska brzmiące imiona i walc. Motyw walca oraz ostatniego balu przewija się w piosence rosyjskiej bardzo często, nie tylko białogwardyjskiej, także radzieckiej. Przyznamy tu piosenkę *В лесу прифронтовом*; mowa w niej o walcu, przy dźwiękach którego żołnierze tańczyli kiedyś ze swymi ukochanymi czy *Вальс 1937 года* Rozenbauma, który wspomina w łagrze bohater piosenki:

<i>В лесу прифронтовом</i>	<i>Вальс 1937 года</i>
Под этот вальс весенним днем Ходили мы на круг, Под этот вальс в краю родном Любили мы друг ²⁶	Вальс разлуки по стране носит письма... К сожаленью, в них обратного адреса нет. И летают по земле наши мысли, И летает по всем лагерям вальс надежд... [...] Ради Бога, не снимайте пластинки, Этот вальс танцевали мы в тридцать седьмом ²⁷

²¹ Zob.: <<http://www.mediapool.bg/phorum/lofi/version/index.php/t731.html>>.

²² Zob.: <<http://oduvanchik.info/chords/rozenbaum.html>>.

²³ *Это было*, sł. N. Żdanow-Łucenko, muz. W. Wierchoturcew; zob.: <http://ruek.narod.ru/whitemp3/zanna_eto_bylo.mp3>.

²⁴ *Последняя атака (Рассказ убитого)*, sł. A. Kutyłow, muz. G. Ponomariow; zob.: <http://ruek.narod.ru/whitemp3/zanna_poslednija_ataka.mp3>.

²⁵ Autor słów i muzyki nieznanymi.

²⁶ *В лесу прифронтовом*, sł. M. Isakowski, muz. M. Błanter; zob.: <<http://www.karaoke.ru/song/773.htm>>.

²⁷ *Вальс 1937 года*, A. Rozenbaum; zob.: <<http://lib.ru/KSP/rozenbaum/baum1.htm#baum0051>>.

Z kolei w piosence J. Paniuszki *Выпускной бал 1917* dominuje obraz gimnazjalisty, najpierw – uczestnika balu, później – poległego żołnierza: „И гимназист пацан лежит заколотый”²⁸. Walc i bal stają się więc symbolem szczęśliwych czasów, które bezpowrotnie minęły. To przemijanie łączy się również z obrazem topiących się świec w utworze Włodzimierza Wysockiego *Оплавляются свечи* i „płaczących” w *Сгорая плачут свечи* Zwiezdinskiego.

W pieśniach, w których pojawia się motyw odejścia w przeszłość, znajdziemy także obrazy oficerów popełniających samobójstwo, dowódców żegnających się z żołnierzami i z ojczyzną. Przykładem może być *Кусок земли (Романс Колчака)* Rozenbauma. Obserwujemy tu misterną mieszaninę stylu wysokiego, związanego ze świętą dla starego dowódcy pamięcią ojczyzny, która zginęła, oraz potoczności, a nawet pewnej brutalności słownictwa i wypowiedzi, łączących się z aktualną sytuacją białogwardzistów (a przede wszystkim odnoszących się do zwycięskich żołnierzy Armii Czerwonej). Przytoczmy w tym miejscu następującą wypowiedź Kołczaka:

Не смей срывать с меня гвардейские погоны,
 Не смей касаться лапой русских орденов.
 Оставьте институткам этот бред ваш революционный,
 И отпустите к матерям мальчишек юнкеров²⁹.

Z jednej strony przebija się w niej niepokój o los chłopców junkrów i prośba o zwrócenie ich matkom, a z drugiej wyrażenia brutalizujące obraz poetycki: „лапа”, „бред революционный” oraz tryb rozkazujący „не смей” użyty w bezokoliczniku, co podkreśla emocjonalność wypowiedzi i pogardę dla tych, do których zwraca się podmiot liryczny.

Przejdźmy do sygnalizowanego już zagadnienia brutalizacji języka współczesnych pieśni białogwardyjskich. W piosenkach pochodzących z okresu wojny domowej dotyczyła ona zwykle motywów „komisarzy” oraz zdrajców. Natomiast pieśni pojawiające się w ostatnich dziesięcioleciach wzmacniają tę stylistykę. Wykorzystują bowiem zarówno dosadne słownictwo, czego przykładem mogą być słowa:

И, право, лучше пулю в лоб, пока ты пьян,
 Чем завтра под штыки подставить задницу,
 С позором драпая от собственных крестьян³⁰,

jak i obrazy ukazujące żołnierzy Białej Gwardii w nie zawsze pozytywnym świetle. Poza motywami pijaństwa obserwujemy tu sceny świadczące o moralnej degrengoladzie,

²⁸ *Выпускной бал 1917*, J. Paniuszkin; zob.: <<http://www.samarabard.ru/ak9panyu>>.

²⁹ *Кусок земли (Романс Колчака)*, A. Rozenbaum; zob.: <http://ruek.narod.ru/whitemp3/kusok_zemli.mp3>.

³⁰ *Русская рулетка (белогвардейский романс)*, A. Owczukow-Suworow [wyróżnienie moje – A. B.]; zob.: <<http://stihi.ru/poems/2001/08/09-481.html>>.

będącej w jakimś sensie skutkiem przegranej kampanii. Taki właśnie obraz pojawił się w wierszu Andrieja Szechwatowa *Супло свечи мерцают, озаряя углы...* Oto dwa „obrazki rodzajowe” z tego tekstu:

Захмелевшая дама над бокалом с вином
Тихо песенку пела о веселье былом.
В темноте за шкафами кто-то щиплет девчат,
[...]
Наш гвардейский поручик, расстегнув свой мундир,
Черноглазой молодке делал милый плезир (plaisir)³¹.

Oficerowie nie tylko są pijani, ale także publicznie obłapiają kobiety. To przykład utraty nie tylko ojczyzny i wiary, lecz także upadku dawnego świata, kultury, utraty człowieczeństwa. A przecież mowa tu o tych samych oficerach, którzy jak świętość przechowują krzyżyk otrzymany z rąk ukochanej (*Письмо корнета Оболенского матери*) i ruszają do boju przy dźwiękach *Песни о Вещем Олеге* Aleksandra Puszkina; dwie zwrotki tej pieśni uzupełnione skocznym marszowym refrenem miały za-grzewać do walki. Wcześniej takie aluzje z wyraźnie erotycznym podtekstem odnosiły się tylko do znieawidzonych „komisarzy”:

А в комнатах наших сидят комиссары
И девочек наших ведут в кабинет.
(*Поручик Голицын*)

Tego typu przejawy brutalizacji wydają się być również wynikiem zniesienia swoistej cenzury obyczajowej i zerwania z tradycją zakazującą wypowiadać się źle o bohaterach pozytywnych.

Podsumowanie

Współczesna pieśń białogwardyjska sięga do pieśni powstałych wcześniej i nie tylko do białogwardyjskich pierwowzorów. Charakterystyczne jest przy tym wykorzystywanie wzorca ludycznego (przede wszystkim kozackiego) oraz odwoływanie się do stylu cerkiewnego (forma modlitwy). Pojawiają się w niej niedopuszczalne w latach istnienia ZSRR nawiązania do poezji emigrantów, a także do religii, a jednocześnie zakazane wcześniej przez cenzurę obyczajową brutalizacje w sferze leksyki i obrazowania. Z kolei niewątpliwym przejawem dostosowania się do wymogów współczesnej poprawności politycznej jest odżegnywanie się od akcentów antysemitycznych i podkreślanie demokratycznego charakteru Białej Armii.

³¹ <<http://www.stihi.ru/poems/2001/12/07-355.html>>.

Zwraca uwagę poetycka prostota współczesnych tekstów pieśni białogwardyj-skiej. W większości tych utworów obserwujemy zanik metaforyki. Autorzy posługują się przede wszystkim porównaniem i epitetem, który może przekształcić się w epitet kontekstualnie stały. Wykorzystują typowe elementy poezji ludowej, jej symbolikę, a także stereotypowe skojarzenia odnoszące się do żołnierzy Białej Gwardii (złote epolety) czy przemijania (świece). Warto też zauważyć wykorzystanie warstwy melicznej utworu dla osiągnięcia zamierzonego efektu, na przykład oparcie kompozycji muzycznej na rytmie walca w utworach o nostalgicznym charakterze.

Summary

Poetics of the contemporary White guard's songs

This paper considers issues referred to forming contemporary White guard's songs in Russia today. It discusses intertextual links of those songs with songs formed in 1917–1921, and texts formed in another historical periods (before the October Revolution, and the 60-s of the 20th century). Particular attention is focused on folklore elements and style typical to church songs in the context of the cancelling censure, as well as adaptation of the songs to new political situation.

Grzegorz Ojcewicz
Instytut Neofilologii
UWM w Olsztynie

SYNDROM DAWIDA. JAMES BALDWIN NA ZACHODZIE I W ROSJI

Lekturze jednego z najkrótszych esejów Jarosława Mogutina *Нечто в роде любви* (1974) towarzyszy zagadka. Jeśli wierzyć czasopismu „Митин журнал”¹, autorem eseju jest wyłącznie Jarosław Mogutin, a jeśli przyjąć za prawdę to, co podaje strona internetowa www.gay.ru, wówczas obok nazwiska Mogutina powinno widnieć nazwisko Aleksandra Szatałowa². W obu publikacjach są też inne błędy, redakcyjne i autorskie. Do redakcyjnych należy na pewno ten, który datuje rosyjską edycję książki Jamesa Arthura Baldwina *Комната Джованни* na rok 1993, zamiast na 1992³. Dodajmy, że upowszechnienia dzieła Baldwina, odważnego jak na rosyjskie warunki społeczne, podjęło się nie mniej odważne prywatne wydawnictwo „Глагол” założone w roku 1990⁴. Jednak nie rodzaj własności przedsiębiorstwa jest istotny, lecz p r o f i l edytora, decydującego się na drukowanie śmiałej literatury, płynącej nurtem odmiennym od oficjalnego i poszukującej alternatywnych wypowiedzi w poezji, prozie i dramacie. „Глагол” przestrzega zasad własnej polityki wydawniczej, opartej na podejmowaniu świadomego ryzyka i bez oglądania się na sukces komercyjny. Dlatego też książki wychodzące pod egidą „Глагола” mają charakter „zaczepty”: nie bojąc się skandalu, eksponują leksykę nienormatywną i drastyczne nawet sceny erotyczne. Jednak epatowanie czytelników wydumaną

¹ Я. Могутин, *Нечто в роде любви. Предисловие к роману Джеймса Болдуина „Комната Джованни”*, w: <<http://www.mitin.com/people/mogutin/baldwin.shtml>>.

² Д. Болдуин, „Комната Джованни”. *Нечто в роде любви*. Предисловие Александра Шаталова и Ярослава Могутина, w: <<http://www.gay.ru/art/literat/books/bolduin/jovanni0.htm>>. W celu ustalenia autorstwa tekstu zadałem pytanie redaktorowi naczelnemu pisma „Митин журнал”. Według Dmitrija Wołczka esej napisał Jarosław Mogutin, natomiast Aleksander Szatałow tylko redagował tekst.

³ Por. pozycję nr 15 na liście publikacji wydawnictwa: „ДЖЕЙМС БОЛДУИН: Комната Джованни. Роман. 1992. Тираж 50.000 экз. Один из самых известных романов классика американской литературы. До сих пор в России выпускались только его публицистика и маленькая повесть. Данный роман рассказывает о молодых людях и трагической развязке их дружбы. Действие книги происходит в Париже и её по праву можно отнести к одному из лучших произведений об этом городе”. W: <<http://www.russ.ru/info/GLAGOL/>>.

⁴ Dyrektorem wydawnictwa „Глагол” i jego redaktorem naczelnym jest Aleksander Szatałow.

niezwykłością czy okrucieństwem, szokowanie za wszelką cenę, nie leży w sferze zainteresowań wydawcy, poszukującego przede wszystkim doniosłych współcześnie tematów i niekłamanych talentów.

James Arthur Baldwin (1924–1987)⁵ uchodził za klasyka amerykańskiej literatury na długo przed swoim debiutem na łamach „Глагола”. Dał się dobrze poznać czytelnikom w Europie (zwłaszcza w otwartej na nowinki literackie Francji) i w swojej ojczyźnie za oceanem jako utalentowany prozaik, dramatopisarz i publicysta, a także radykalny działacz społeczny zaangażowany w walkę z amerykańskim rasizmem. Pozycję wybitnego pisarza zapewniły mu takie dzieła, jak na przykład: *Go Tell It On the Mountain* (1953), *Notes of a Native Son* (1955), *Giovanni's Room* (1956), *Nobody Knows My Name* (1961), *Another Country* (1962), *The Fire Next Time* (1963), *Blues for Mister Charlie* (1964), *Going to Meet the Man* (1965) czy *Tell Me How Long the Train's Been Gone* (1968) oparte na autobiografii. Uprawianie prozy, dramatu i publicystyki, prowadzenie działalności politycznej, jak też trudne dzieciństwo i nieskrywanie swego homoseksualizmu – wszystko to stawia Baldwina obok innego znanego pisarza – Jeana Geneta, któremu Mogutin poświęcił oddzielne opracowanie⁶.

Niektóre teksty autora *Going to Meet the Man*, uznanego przez FBI w 1960 roku za osobę niebezpieczną dla interesów Stanów Zjednoczonych, a następnie za aktywnego komunistę i z tego powodu przez wiele lat inwigilowanego, były znane także w Związku Radzieckim. Jeszcze w okresie wczesnych rządów Breżniewa przetłumaczono sztukę *Blues for Mister Charlie* i opublikowano ją jako *Блюз для мистера Чарли*⁷. W czasie radzieckiego zastoju, w latach 70., wydrukowano dwie prace Baldwina: *Выйди из пустыни*⁸ – zbiór opowiadań i tekstów publicystycznych – oraz powieść *If Beale Street Could Talk*, co po rosyjsku oddano zupełnie wiernie jako *Если Бийл-стрит могла бы заговорить*⁹. Za Gorbaczowa zaś, w roku 1990, a więc w odmiennej już aurze polityczno-społecznej i kilka lat po śmierci autora, opublikowano książkę

⁵ Data śmierci Baldwina to kolejna zagadka. Według jednych miała ona miejsce 30 XI 1987 r., a według innych – 1 XII. Wszystkie biografowie są zgodni co do miejsca zgonu: St. Paul-de-Vence we Francji. Zob. np.: <<http://www.kirjasto.sci.fi/jbaldwin.htm>>, <http://www.rapp-style.hip-hop.pl/html/james_baldwin.htm> – data 30 XI; <<http://www.krugosvet.ru/articles/55/1005503/1005503a1.htm>>, <http://www.libfl.ru/win/writers/2002/write02_12.html> – data 1 XII.

⁶ Я. Могутин, *Великий Вор Жан Жене в России и на Западе*, w: Риск 1995, nr 1, s. 72–78; <<http://www.vmt.com/gayrussia/culture8.html>>, <<http://www.mitin.com/people/genet/mogutin.shtml>>.

⁷ Д. Болдуин, *Блюз для мистера Чарли: Пьеса в 3 д.*, tłum. Je. Gołyszewa, *Иностранная литература* 1964, nr 1; także: *Блюз для мистера Чарли: Пьеса в 3 д.*, tłum. Je. Gołyszewa i B. Izakow, *Иностранная литература* 1984, nr 11, s. 149–214.

⁸ Д. Болдуин, *Выйди из пустыни: Рассказы и публицистика*, pod red. R. Rybkina, przedmowa W. Bolszakowa, Moskwa 1974.

⁹ Д. Болдуин, *Если Бийл-стрит могла бы заговорить*, tłum. N. Wołżyna, Moskwa 1976. Tekst ten znalazł się również w zbiorze z roku 1980 obok utworów innych pięciu autorów, reprezentujących osiągnięcia nowelistyki amerykańskiej (Т. Олсен, *Йоннондю тридцатых годов*; Д. Джонс, *Пистолет*; У. Стайрон, *Долгий мари*; Т. Капоте, *Завтрак У Тиффани*; Д. Херси, *Моё прошение о дополнительной площади*). Zob. *Современная американская повесть. Сборник*, pod red. A. Zwieżiewa, tłum. W. Limanowska, Je. Korotkova, W. Gołyszew, W. Charitonow, N. Wołżyna, Moskwa 1980.

zawierającą jego publicystykę pod pragmatycznym tytułem *Что значит быть американцем*¹⁰. I chociaż rosyjskie tłumaczenia ukazywały się z reguły zaraz po amerykańskich oryginałach, z konieczności, za którą stała sowiecka polityka kulturalna, nie mogły one dać pełnego wyobrażenia o pisarstwie murzyńskiego buntownika¹¹. Radziecka krytyka literacka poświęcona Baldwinowi była zdominowana przez prace Aleksego Zwieriewa¹², co obiektywnie zawężyło pole możliwych interpretacji, pomimo ich wysokich, niewątpliwie, walorów badawczych¹³.

Powieść *Giovanni's Room* zalicza się do złotej setki literatury światowej drugiej połowy XX wieku obok innych dzieł Baldwina, jak *Another Country*, *Blues for Mister Charlie*, *If Beale Street Could Talk* (1974) czy *Just Above My Head* (1979)¹⁴. Zwykle mówi się, że *Комната Джованни*¹⁵ opowiada o miłości dwóch młodzieńców i tragicznym finale ich znajomości. Takie opinie, chociaż prawdziwe, znacznie upraszczają rozumienie tekstu przez akcentowanie stosunków męsko-męskich. Powieść Baldwina zawiera głębsze przemyślenia¹⁶. Zwróćmy na przykład uwagę na miejsce akcji, czyli Paryż¹⁷. Mogutin nie jeden raz składał hołd temu miastu, dostrzegając w nim dziwną siłę, która ściąga doń ze wszystkich stron świata najzdolniejszych twórców, nie tylko pisarzy, by tu zaznali odnowy ducha i tu tworzyli¹⁸. Paryż ze swoją nadzwyczajną dzielnicą – Montparnasse – to miasto nie tylko Geneta, uwielbianego przez Mogutina; to także duchowa stolica Amerykanów czasowo przebywających w Europie, jak np. Ernest Hemingway, John Dos Passos, Francis Scott Fitzgerald, Arthur Miller czy Richard Wright, któremu udało się namówić Baldwina do wyjazdu ze Stanów. Atmosfera Paryża sprzyja otwartości i śmiałości myśli, dlatego tak często odnajdujemy w utworach powsta-

¹⁰ Д. Болдуин, *Что значит быть американцем: художественная публицистика*, редакция и предмowa А. Мularczyка, Moskwa 1990.

¹¹ Zob. np.: Н. Bloom, *James Baldwin* (1986); J. Campbell, *Talking at the Gates: A Life of James Baldwin* (1991); D. Leeming, *James Baldwin: A Biography* (1995); Q. Troup, *James Baldwin: The Legacy* (1989).

¹² Zmarłego niedawno Aleksego Zwieriewa (1939–2003) zalicza się do wybitnych współczesnych krytyków rosyjskich. Jako tłumacz i profesor Rosyjskiego Państwowego Uniwersytetu Humanistycznego interesował się głównie historią literatury amerykańskiej, literaturoznawstwem porównawczym oraz literaturą rosyjską XX wieku. Jest autorem m.in. takich książek, jak *Модернизм в литературе США, Американский роман 20-30-х гг., Дворец на острове ильи. Из художественного опыта 20 в.*

¹³ Zob. np.: А. Зверев, *Вверх по крутой дороге*, Иностранная литература 1977, nr 12, s. 229–233; tegoż: *Где улица корчится безъязыкая...*, Иностранная литература 1975, nr 7 i Новый мир 1976, nr 1, s. 266–270; tegoż: *Любовники в Париже: О романе Джеймса Болдуина „Комната Джованни”*, Независимая газета 1993, 14 stycznia, s. 7; tegoż: *Преодоление барьера*, Moskwa 2000.

¹⁴ Pełną listę arcydzieł można odnaleźć na stronie: <<http://gold100.hotbox.ru/list5.htm>>.

¹⁵ Д. Болдуин, *Комната Джованни*, tłum. G. Szmakow, Moskwa 1992.

¹⁶ Zob. przykładowe opinie: Я. Могутин, „Комната Джованни” Джеймса Болдуина, ЕЩЕ 1992, nr 12; Ф. Монастырева, *Книготорговцы сочли американскую классику за порнографию*, Коммерсантъ 1992, 24 grudnia; А. Зверев, *Любовники в Париже*, Независимая газета 1993, 14 stycznia; Я. Эм, *Книга! Источник знаний!*, Столица 1993, nr 3; М. Сетюкова, *Альтернативная любовь*, ЛГ-Досье 1993, nr 4.

¹⁷ W pracach Mogutina wielokrotnie pojawia się motyw Paryża jako kolebki europejskiej kultury literackiej.

¹⁸ Wyczerpujące informacje na ten temat zawiera *Przewodnik po Paryżu* Macieja Pinkwarta w wersji elektronicznej. W: <<http://www.pinkwart.pl/paris/Montparnasse.htm>>.

łych w stolicy Francji zadziwiająco pokłady szczerości; braknie jej w tekstach tych samych twórców, ale powstałych już poza grodem nad Sekwaną.

W Paryżu Baldwin napisał swoją pierwszą powieść, cyzelowaną w myślach jeszcze w Ameryce *Go Tell It On The Mountain*. Napisał nie od razu, lecz dopiero po pięciu latach francuskich doświadczeń, książka bowiem ukazała się drukiem w 1953 roku. Opowiadała o życiu Murzynów w Harlemie, nowojorskiej dzielnicy nędzy, w której autor urodził się i dorastał. Wkrótce po tej powieści światło dzienne ujrzała następna, właśnie *Giovanni's Room*, zaś rok wcześniej – zbiór publicystyki *Notes of a Native Son*, nawiązujący tytułem do klasycznego wśród czarnych Amerykanów tekstu Richarda Wrighta (1908–1960) *The Native Son* (1941). Te trzy utwory Baldwina – różne tematycznie i o niejednakowym wydźwięku społecznym, a także ideologicznym – przyniosły mu nie tylko sławę, lecz ugruntowały jego pozycję jako pisarza w Stanach Zjednoczonych. Odtąd Ameryka będzie czytać czarnego autora i będzie pod jego wrażeniem, co w historii recepcji pisarzy murzyńskich w USA należało raczej do wyjątków.

Baldwin nigdy jednak nie idealizował Paryża, do którego przybył w 1948 roku. Wyczuł w jego mieszkańcach pewną niechęć wobec nowych spraw i nowych ludzi, a wrażenie owej niechęci i połączonego z nią dystansu towarzyszyło mu odtąd stosunkowo długo:

Париж предоставил меня самому себе и одиночеству. Я прожил в нем очень долго, прежде чем у меня появились знакомые французы, ещё дольше, прежде чем мне довелось побывать у француза дома. Но это меня не задевало. Я не хотел ничьей помощи, и французы, бесспорно, мне её не оказывали: они позволили мне всё сделать самому. И по этой причине, хотя я знаю то, что знаю, и абсолютно не романтичен, между мной и этим нелепым, непредсказуемым конгломератом буржуазных шовинистов, который называется la France, навсегда сохранится **ничто в роде любви**¹⁹.

Francja stała się dla Baldwina miejscem szczególnym: uczuciową twierdzą i punktem odniesienia wobec gwałtownych przemian społecznych dokonujących się w Ameryce na tle walk z rasizmem. Usytuowanie pisarza pomiędzy ojczyzną z urodzenia i ojczyzną z wyboru nie dziwi, wielu bowiem artystów oraz polityków znajdowało poza granicami ojczyzny niezbędną perspektywę, umożliwiającą solidne rozeznanie co do europejskich albo światowych wydarzeń zdolnych zmieniać bieg historii.

Baldwin wyraźnie daje do zrozumienia, że jesteśmy niewolnikami kultury, że w sferze reformowania naszych umysłowości jest jeszcze bardzo wiele do zrobienia, że ludzkość sama sobie kopie wytrwale grób zamiast korzystać z daru miłości. Jego książka może też być odczytana jako przykład walki Starego Świata z Nowym, wojny postaw albo odwiecznego sporu rodziców, z którymi utożsamia się tradycję, i dzieci, symbolizujących wszystko to, co niesie życie: jeszcze nieoswojone, jeszcze nie do końca nazwane, nie zawsze bezpieczne dla przyszłości. Przy czym nosicielami tradycji są dla Baldwina kobiety; mężczyźni stają się ofiarami zakłętego kręgu usankcjonowanego spo-

¹⁹ Д. Болдуин. В: Я. Могутин, *Нечто в роде любви...* [podkr. moje – G.O.].

łecznym zwyczajem, a więc – na swój sposób – działaniem mechanicznym, przeciwko któremu buntuje się pisarz i buntuje innych. Wyobrażenie o porządnej rodzinie burżuazyjnej po raz kolejny zostaje poddane weryfikacji i po raz kolejny nie odnosi całkowitego sukcesu, ulegając mocy tradycji. Hella daje mężczyźnie siebie, a w konsekwencji – dom i rodzinę, będące ziszczeniem marzeń większości kobiet o szczęśliwym życiu. Proponuje Dawidowi to, od czego przecież uciekał. W postępowaniu narzeczonej i zachowaniu narzeczonego skrywa się metafora ukazująca konflikt odmiennych światów, które, nawet gdy zjeżdżą się na moment, to z jeszcze większą siłą oddalają się od siebie, nie rozwiązawszy swoich problemów. Podobną przenośnię, chociaż węższą, zastosował Baldwin w tytule swej powieści. Mogutin pisze:

Название книги – достаточно прозрачная метафора. Комната на окраине города с замазанными известью окнами (чтобы не заглядывали прохожие) не может принести счастья живущим в ней людям, поэтому понятен их общий порыв – бежать отсюда, скорее и куда угодно²⁰.

Dawid jest ofiarą kultury: zachowuje się i myśli tak, jak został wychowany w purytańskiej Ameryce. Starannie ukrywa swój homoseksualizm, nie chce się do niego przyznać przed innymi, chociaż wie, że fizycznie pociągają go mężczyźni. Trwanie w zakłamaniu wywołuje kryzys psychiczny i wymuszoną separację od bliskich mu ludzi. Ci z kolei nie są w stanie pojąć rzeczywistych, tj. seksualnych powodów postępowania Dawida, oskarżają go o egoizm i obojętność. Tę beznadziejną sytuację może zmienić *coming out* i akceptacja własnej seksualności. Lecz do tej niełatwej decyzji dojrzewa się zwykle bardzo długo, niekiedy zbyt długo i wówczas ostateczne rozstrzygnięcie okazuje się już całkowicie spóźnione. Wtedy po raz kolejny dramat jednostki ginie w zamęcie zdarzeń. Mogutin tak charakteryzuje Dawida i Giovanniego:

Дэвид – воплощение тех комплексов, которые он унаследовал в пуританской Америке. Он не в силах ни преодолеть их, ни бороться с ними, его американское происхождение постепенно начинает восприниматься им как родовая травма. Дэвид и хочет любить Джованни, и не может себе этого позволить. „Ты думаешь, у тебя бриллианты между ног, – упрекает его Джованни, – ты никогда и никому не отдашь своё сокровище, не позволишь и пальцем дотронуться до него – никому: ни мужчине, ни женщине. Ты хочешь быть чистеньким...”.

Джованни, родившийся в маленькой итальянской деревне, не скован условностями сексуального поведения, лже-моралью „общественного приличия”. Он, полная противоположность городского Дэвида, живет эмоциями, у него нет того груза предрассудков, который несёт в себе его друг. Джованни не понимает, что Дэвидом движет не только желание „быть чистеньким” (хотя и это тоже – американский культ чистоты, медицинской стерильности, подменяющей „нормальную”, природную чистоплотность), но, прежде всего, неуверенность в своих чувствах, которую тот пытается скрыть за желанием „быть как все”, как все американцы²¹.

²⁰ Я. Могутин, *Нечто в роде любви...*

²¹ Ibidem.

Dawid, w trakcie zdobywania paryskich doświadczeń, buduje swoją osobowość. W przyszłości na pierwszym miejscu postawi identyfikację seksualną i możliwość bycia sobą. Okna, lustra, odbicia – motywy świata przedstawionego powieści – raz wyraziste, a raz zamglone, raz gorące, a raz zlodowaciałe, stają się pulsującym składnikiem narracji i stale towarzyszą identyfikacyjnym rozterkom głównego bohatera. Teraz pozwala, by kochała go Hella i pozwala, by kochał go Giovanni. Przyjmuje postawę wyczekiwania, emocjonalnej pasywności. Wkrótce jednak w dość dramatycznych okolicznościach dokona wyboru, idąc za głosem natury. Marynarskie meliny są zapowiedzią rozkoszy cielesnej, lecz czy do końca usuną niepewność i rygoryzm moralny, wpojone w surowej ojczyźnie? Tym samym Baldwin akcentuje nie tylko relacje pomiędzy charakterami obu bohaterów i dwiema formacjami, z których jedna odznacza się racjonalizmem Nowego Świata, a druga – emocjami Starego, lecz przede wszystkim podkreśla społeczny aspekt konfliktu, mającego podłoże w dramatycznym zderzeniu się interesów jednostki i ogółu. Komentarz autorów eseju jest tego logicznym następstwem: „Если для американского общества изгоем становится вполне respectable Дэвид с его гомосексуализмом, то для французского таким изгоем является гомосексуалист Джованни с его бедностью”. I dalej:

„Никто не может ничего отдать, не отдав самого себя – то есть не рискуя собой”, – эти слова Болдуина по отношению к героям романа приобретают некоторую двусмысленность и вместе с тем оказываются удивительно точными. „Отдав самого себя” Дэвиду, Джованни пытается „приручить” его, сделать „своим”, но терпит неудачу, стоившую ему жизни. Пытаясь обрести в Джованни самого себя, Дэвид, в свою очередь, не может переступить ту грань, за которой его рациональность и прагматизм уже не властны над его природой²².

Książka *Комната Джованни* została przetłumaczona na język rosyjski już w latach 70. ubiegłego wieku przez rosyjskiego emigranta osiadłego (jak Mogutin) w Nowym Jorku – Giennadija Szmakowa (1940–1988), przedwcześnie zmarłego na AIDS krytyka baletu, teatru i literatury. W historii literatury rosyjskiej jego nazwisko wiąże się z nazwiskiem wybitnego modernisty Michaiła Kuzmina (1872–1936), którego przywrócił współczesnej krytyce literackiej. To właśnie Szmakowowi jego bliski przyjaciel, Josif Brodski, poświęcił wzruszający wiersz *Памяти Геннадия Шмакова*²³, rozpróczynający się prośbą o wybaczenie:

Извини за молчанье. Теперь
ровно год, как ты нам в киловаттах
выдал статус курей слеповатых
и глухих - в децибелах - тетерь.

Wszakże nie szczegółowa analiza wiersza Brodskiego i nie podawanie wyczerpującej bibliografii prac Szmakowa jest moim nadrzędnym celem. Pragnę jedynie zwrócić uwagę na następujący cytat z eseju Mogutina, dotyczący oceny tłumaczenia:

²² Ibidem.

²³ И. Бродский, *Памяти Геннадия Шмакова*, Континент 1989, nr 61.

Несомненно, что яркая личность переводчика **по-своему трансформировала роман**, внося в него **современные оттенки**, сделав книгу **более близкой русскому читателю**, а образ самого Болдуина благодаря этому – более человечным и глубоким²⁴.

Wyróżnione w cytacie miejsca uwarżliwiają na uznanie przez eseistów rozwiązań zaproponowanych przez Szmakowa. Sankcjonują fakt indywidualnej transformacji powieści z zaznaczeniem autorskiego piętna. Podkreślają obecność elementów uwspółcześniających przekład. Stwierdzają, że tłumaczenie Szmakowa uczyniło przekład bliższym rosyjskiemu odbiorcy. Wydaje się, że opinia Mogutina warta jest sprawdzenia z teoretycznego punktu widzenia i z badawczej przekory. Szmakow połowę życia spędził w Stanach Zjednoczonych, nie miał zatem bieżącego kontaktu z rosyjską literaturą. Nie mógł „uwspółcześniać” przekładu, nie tkwiąc w sowieckiej rzeczywistości. Baldwin – mimo że klasyk – musiał odczekać kilka dziesięcioleci²⁵. Możliwości percepcji, jak widać, na obydwu kontynentach kształtowały się odmiennie. I nie bez znaczenia była polityka kulturalna, uzależniona od panującego ustroju.

Losy autora *Giovanni's Room* w latach 60. przypominają życiorys polityczny Geneta: obydwaj włączają się w wir spraw wówczas społecznie doniosłych. Obydwaj angażują się niezwykle emocjonalnie w każde przedsięwzięcie. Razem narażają życie w forsowaniu słusznej, jak sądzą, idei. Obu twórców i działaczy łączą spotkania z Czarnymi Panterami, chociaż efekty tychże spotkań będą, jak pokaże przyszłość, zgoła odmienne. Powrót Baldwina do Ameryki w 1957 roku zbiegł się w czasie z narastaniem niezadowolonia Murzynów z polityki prowadzonej przez białych przeciwko czarnym. Baldwin zajmuje centralne miejsce w walce swoich braci o prawa obywatelskie. W niedługich odstępach czasu ukazują się jego tomy publicystyczne, jak *Nobody Knows My Name* oraz *The Fire Next Time*, a także powieść *Another Country*. W roku 1968, kiedy to dochodzi do zabójstwa „apostoła nieprzemocy”, Martina Lutera Kinga, Baldwin, załamany i zniechęcony eskalacją rasizmu w Stanach Zjednoczonych, wyjeżdża ponownie do Francji i zamieszkuje na stałe na południu kraju; nie wróci do ojczyzny już nigdy więcej.

Zdaniem Mogutina kontrasty, zjawiska tak typowe dla Ameryki, należą do głównych tematów twórczości Baldwina. Pogląd ten zgodnie podzielają prawie wszyscy badacze dorobku autora *Going To Meet The Man*²⁶. Sądzę, że nie ma sensu polemizować z tą

²⁴ В. Могутин, *Нечто в роде любви...* [podkr. moje – G.O.].

²⁵ Na początku lat 90., w okresie pieriestrojki, można było zaprezentować jego dzieło sprzed prawie czterdziestu lat na przygotowanym społecznie gruncie.

²⁶ Zob. np. o twórczości Baldwina w porządku chronologicznym: *The Furious Passage of James Baldwin* by F. Eckman (1966); *James Baldwin*, ed. by Keneth Kinnamon (1974); *James Baldwin*, ed. by Therman O'Daniel (1975); *James Baldwin, A Reference Guide* by Fred L. Standley (1979); *Stealing the Fire: The Art and Protest of James Baldwin* by Horace A. Porter (1988); *Conversations with James Baldwin*, ed. Fred L. Strandley (1989); *James Baldwin: The Legacy*, ed. by Quincy Troupe (1989); *James Baldwin: An Artist on Fire* by W.J. Weatherby (1990); *Talking at the Gates: A Life of James Baldwin* by J. Campbell (1991); *The Racial Problem in the Works of Richard Wright and James Baldwin* by Jean-Francois Gounard (1993); *Commitment As a Theme in African American Literature* by R. Jothiprakash (1994); *James Baldwin* by Randall Kenan (1994); *James Baldwin* by Ted Gottfried (1997); *Cliffsnotes Baldwin's Go Tell It on the Mountain* by Sherry Ann McNett (2000); *Re-Viewing James Baldwin: Things Not Seen*,

prawdą; warto za to zwrócić uwagę na nieco inną perspektywę baldwinowskich przeciwności. Twierdzą, że twórcy chodzi bardziej o wyeksponowanie rozbieżności obecnych w każdym z nas, aniżeli konfliktów zewnętrznych. To tak, jakby pisarz zilustrował po wiekach romantyczną zasadę, że brak pokoju w ojczyźnie skutkuje brakiem pokoju w sercu człowieka. Sam Baldwin znalazł się w położeniu między Scyllą a Charybdą: jako Murzyn narażony był na agresję rasistowską, a jako gej nieskrywający swej orientacji seksualnej naraził się z kolei czarnym współbraciom, dla których nietypowe upodobania płciowe stanowiły temat tabu. Tomasz Basiuk zauważa: „Znana jest na przykład homofobia cechująca środowiska czarnych Amerykanów. Częścią mitu tej grupy etnicznej jest przekonanie, że czarni Amerykanie płci męskiej to *prawdziwi mężczyźni*, w związku z czym Afro-Amerykanie nie mogą tolerować homoseksualizmu we własnym gronie”²⁷.

Analizowany szkic skłania ku refleksji, że *Giovanni's Room* jest niezwykle osobistą książką o człowieku naznaczonym szczególną (co wcale nie znaczy, że wyjątkową lub niepowtarzalną) konstrukcją psychiczną i świadomie postępującym wbrew sobie, co dodatkowo komplikuje i tak już niejednoznaczne relacje pomiędzy postaciami powieści. To oryginalna próba odsłonięcia wielowarstwowych mechanizmów obronnych człowieka zatopionego w kulturze, która bezwzględnie wymusza określone zachowania. To relacja z aktywności wielu kodów socjolingwistycznych oraz zakłóceń obyczajowych na linii przekazu – od nadawcy komunikatu do jego odbiorcy. To odsłonięcie prostych i wyszukanych szyfrów mowy gestów i aluzji, a także zasad ich deszyfracji. To wreszcie tęsknota za szczerością, która umarła pod rządami kultury.

Bohaterem podobnym do Dawida może być ktoś, kto znajdzie się na rozdrożu identyfikacji seksualnej, ideologicznej czy każdej innej. Rozdarcie psychiczne, w myśl freudowskiego modelu, w którym id popycha nas ku realizacji pragnień, ego stanowi pierwszą granicę naturalnych pobudek, a superego zachowuje się niczym totalny cenzor, musi w ostateczności doprowadzić do konfrontacji potrzeb z możliwościami ich realizacji. I do opowiedzenia się za jednym z dwóch skrajnych wyjść: za podporządkowaniem superego, co oznacza rezygnację z bycia szczęśliwym, albo za zignorowaniem sfery obyczajowej, przyjęciem postawy nonkonformistycznej i osiągnięciem spełnienia seksualnego za cenę bycia innym. Co zatem wybrać: aprobowaną społecznie psychiczną więź z kobietą i brak satysfakcji erotycznej z obcowania płciowego z nią – czy też potępiany przez kulturę, lecz gwarantujący zaspokojenie narastającego pożądanego, fizyczny kontakt z mężczyzną? W tym ostatnim sensie *Giovanni's Room* jest powieścią o tragicznej pułapce: w labiryncie namiętności ludzie cierpią. Jedni dlatego, że utracili czystość i mają świadomość, że nigdy już jej nie odzyskają, drugim zaś doskwiera osiągnięta czystość i w życiu zabija ich tęsknota za odmianą, za nieczystością, na którą się jednak nigdy nie zdecydują. Książka Baldwina jest więc dziełem o tułaniu się i ranieniu psyche, o jej dramatycznej wędrówce ku rajowi, aż do momentu fizycznej śmierci.

ed. by D. Quentin Miller (2000); *The Evidence of Things Not Said: James Baldwin and the Promise of American Democracy* by Katharine Lawrence Balfour (2001); *Black Manhood in James Baldwin, Ernest J. Gaines, and August Wilson* by Keith Clark (2002). W: <<http://www.kirjasto.sci.fi/jbaldwin.htm>>.

²⁷ T. Basiuk, „Queerowanie” *po polsku*, w: <<http://www.nic-tak-samo.uni.wroc.pl/teksty/basiuk.html>>.

Ta pierwsza amerykańska powieść o miłości homoseksualnej, świadomie wchodząca w konflikt z zastanym kanonem tematów literackich pierwszej połowy XX wieku, miała sprowokować do dyskusji o naturze miłości bez względu na kolor skóry i płeć zwłaszcza społeczeństwo zza oceanu. I do dyskusji o naturze intymnych pragnień, które należy ukrywać przed ludźmi ogarniętymi irracjonalną homofobią. Warto przy okazji pamiętać, że powieść *Mój Giovanni* – bo pod takim tytułem ukazał się utwór Baldwina w Polsce²⁸ – została napisana w przededniu rewolucji studenckiej, zapoczątkowanej właśnie w Paryżu i że tekst Baldwina stał się jednocześnie swego rodzaju manifestem, którym posłużyły się mniejszości seksualne w walce o swoje prawa. Mamy zatem doskonały przykład wpływu literatury na szeroko pojmowaną kulturę.

Na koniec mała dygresja translatorska. Czy tytuł *Mój Giovanni*, jako polska propozycja tytułu powieści Baldwina, jest właściwy? W moim odczuciu zdecydowanie nie, przenosi bowiem rzeczywisty i wielokrotnie wyraźnie zaznaczony w utworze punkt ciężkości interpretacyjnej z pomieszczenia na osobę. Sugeruje tym samym, że narracja skupia się wokół relacji pomiędzy Giovannim i kimś jeszcze, kto czuje się upoważniony do posłużenia się zaimkiem dzierżawczym „mój” na podkreślenie stopnia partnerskiej więzi, a w rzeczy samej – podległości. Tytuł *Mój Giovanni* postrzegam jako błąd translatorski, wiadomo bowiem, że tak naprawdę „bohaterem” Baldwinowskiego romansu jest właśnie komnata Giovanniego – symbol tej cząstki kultury, która tkwi w każdym z nas i apodyktycznie dyktuje nam, co mamy robić i mówić, jak myśleć i jak czuć. Baldwin ostrzega: dopóki okna metaforycznej komnaty będą zamazane wapnem, dopóty nie może być mowy o udanej próbie wyrwania się z wewnętrznej pułapki²⁹.

Summary

David Syndrome. James Baldwin in the West and in Russia

The article focuses on the reception of literary works by James Arthur Baldwin (1924–1987) in the West and in Russia. This classic of American literature showed himself to contemporary readers not only as a gifted prose writer, playwright and feature writer, but also as a radical social activist committed to the fight against American racism. The book *Giovanni's Room*, ranking among the golden hundred of the world literature of the second half of the 20th century, is regarded as the first American novel featuring homosexual love and an important voice in the fight against homophobia. Baldwin proves that we are slaves to the culture the main character, David, is a victim of.

²⁸ J. Baldwin, *Mój Giovanni*, tłum. A. Selerowicz, Warszawa 1991.

²⁹ W roku 1948 ukazała się książka Trumana Capote'a *Other Voices, Other Rooms*, w której w sposób naturalistyczny autor przedstawia kryzys Joela Knoxa związany z okresem dojrzewania i przeżywaniem pierwszych miłosnych uniesień, odmiennych od uznawanych zwyczajowo za normalne. Trzynastoletni chłopiec, przebywający u ekscentrycznego wuja homoseksualisty, postrzega świat dorosłych jako niekończący się koszmar. W finale noweli bohater porzuca „głosy i komnaty przeszłości”. W ten sposób odcina się od nabytych doświadczeń. W zachowaniu Joela widzimy pewną paralelę z losami Baldwinowskiego Dawida, który w odróżnieniu od Knoxa nie wykorzystał szansy na pożegnanie z własną komnatą wątpliwości. Polskie tłumaczenie tytułu *Other Voices, Other Rooms* jako *Inne głosy, inne ściany* (tłum. B. Zieliński, Warszawa 2001) modyfikuje kierunek interpretacyjny: ściany nie są synonimem pokoju, czyli zamkniętego pomieszczenia. Między opuszczeniem ścian i pokoju nie ma stosunku równoważności.

Светлана Филюшкина
Uniwersytet w Woroneżu

ЖАНР ДЕТЕКТИВА КАК ОБЪЕКТ ЭСТЕТИЧЕСКИХ РАЗДУМИЙ

Среди других литературных жанров детектив занимает особое место. Очевидная ставка на развлекательность, на упрощенную трактовку моральных проблем, реализующихся в оппозиции *герой – антигерой*, на использование в раскрытии этой оппозиции любых идеологических клише (в соответствии с „духом времени”), ориентация одновременно и на интеллект, и на нижние этажи человеческой психики — все эти отличительные черты детектива свидетельствуют о его явной принадлежности к массовой литературе.

Вместе с тем, благодаря целому ряду типологических черт, составляющих его специфику, детектив предстает любопытным эстетическим феноменом, через призму которого интересно взглянуть на некоторые привычные компоненты произведений „большой” литературы.

Взять хотя бы деталь. Известно, что в детективе она играет ведущую роль. Ведь источником сюжетного развития в произведениях этого жанра является постепенное включение в кругозор „героя-сыщика”, в сферу его мыслительных операций все новых деталей-улик, следов преступного действия, субъект которого, его средства и цели благодаря подобным деталям обретают все большую конкретность, ведут к развязке — к разгадке тайны.

Сразу оговоримся. По сравнению с детективом деталь в других литературных жанрах несет на себе более весомую и разнообразную смысловую нагрузку. И все-таки детектив предстает той художественной лабораторией, в рамках которой мы получаем возможность более непосредственно ощутить некоторые принципиально важные свойства и функции детали, ощутить их так сказать в „чистом”, „первичном” виде.

Постараемся показать это на примерах.

Вот перед нами одна из характеристик мистера Домби, основанная на деталях-приметах его внешнего облика: „Девочка пристально взглянула на синий фрак [в оригинале *blue coat* — С.Ф.] и жесткий белый галстук, которые вместе

с парой скрипящих башмаков и очень громко тикающими часами воплощали ее представление об отце”¹.

А теперь дадим слово Шерлоку Холмсу, разглядывающему клиента, несколько минут назад, появившегося в гостиной знаменитого сыщика (рассказ *Союз рыжих*): „Конечно, для всякого ясно [...] что наш гость занимался одно время физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон, что он был в Китае и что в последние месяцы ему приходилось много писать”².

Удивленным слушателям Холмс объясняет, что к этим выводам его привели сразу бросившиеся ему в глаза черты внешнего облика, характеризующие его гостя: хорошо развитая мускулатура правой руки, цвет пальцев, особенный брелок на часовой цепочке, татуировка, которую делают только в Китае, и т.п. Если применить к мистеру Домби метод Холмса, который сыщик называет дедуктивным, то из отличающих отца Флоренс деталей-примет тоже можно извлечь достаточно определенные и объективные сведения. Его одежда, громко тикающие, а значит, большие часы, скрипящие башмаки указывают на то, что перед нами человек богатый, принадлежащий к верхушке общества, уверенный в себе и не обремененный излишней чувствительностью (скрип башмаков и громкое тиканье часов ему не мешают).

Эти „сведения”, извлекаемые нами из внешности мистера Домби, осложняются сатирической авторской оценкой персонажа, раскрываемой благодаря привлечению взгляда Флоренс и гротескного приема замещения индивида предметами его одежды. Здесь деталь служит прежде всего созданию образа мистера Домби, а не просто извещает нас о его привычках и подробностях биографии, как в упомянутом рассказе А. К. Дойла.

Однако и в том, и в другом случае деталь обнаруживает свою общую особую природу. А именно: деталь, при всей своей яркости и выразительности, призвана в первую очередь нести **информацию**, ориентировать читателя на познание изображаемого мира, который, конечно, может трактоваться по-разному, в соответствии с отношением к нему автора. Но именно в детективе эта **информативная природа** детали резко обнажена, причем информация претендует на объективность и беспристрастность; об этой изначальной, первичной функции детали и напоминает нам детектив.

У многих народов бытует имеющая разные варианты сказка — о мальчике (или пастухе, бедняке, даже детях султана, как в *Тысяче и одной ночи*), который был несправедливо обвинен в краже, потому что сумел — по оставленному на дороге следу — точно описать пропавшего осла (коня, верблюда). Эту ситуацию отразил Вольтер в известной философской повести *Задиг, или Судьба*. Отсюда в зарубежном литературоведении термин „задигизм”.

¹ Ч. Диккенс, *Домби и Сын. Торговля оптом и в розницу. Собр. соч. в 30-ти тт.*, Т. 13, М. 1959, с. 14.

² А. Конан Дойл, *Записки о Шерлоке Холмсе*, М. 1956, с. 23.

Принцип „задигизма”, т.е. воссоздания облика отсутствующего субъекта действия по результатам этого действия и его овеществленным следам, широко используется и в классическом, и в современном детективе. Его ярко демонстрирует Э. По в новелле *Убийство на улице Морг*, где устами сыщика-любителя Дюпена доказывается, что жестокое и бессмысленное убийство двух беззащитных женщин могло совершить только человекоподобное животное, обладающее огромной физической силой, но лишенное разума, способное лишь имитировать подобие речи, почему все соседи погибших и приняли неизвестного посетителя за иностранца. Но таковым оказался орангутанг.

В рассказе *Тайна Боскомской долины* Шерлок Холмс по деталям — следам совершенного действия — восстанавливает в общих чертах внешний вид убийцы и некоторые приметы его бытового облика (он высокого роста, левша, хром на правую ногу, курит индийские сигары без мундштука, носит серое пальто, жил в Австралии). Сложный пример использования принципа „задигизма” мы находим в повести Александры Марининой *Стечение обстоятельств*, где Анастасия Каменская догадывается о кличке киллера — Галл лишь потому, что тот чисто бессознательно, под влиянием ассоциации со своим прозвищем, расположил фигурки игрушечных зверей в квартире своей будущей жертвы в соответствии с религиозными представлениями галльских племен.

Принцип „задигизма” отражает еще одну природную особенность детали — она способна фиксировать **причинно-следственные связи**, что опять-таки с особой наглядностью высвечивает детектив. Убийца в упомянутом рассказе А. К. Дойла оставлял правой ногой более глубокий след, чем левой (следствие), потому что был хромым (причина). Киллер назвал себя кличкой Галл (следствие), потому что увлекался историей древних галлов (причина).

Взглянем через призму „задигизма” на классический пример использования детали в *Утраченных иллюзиях* Бальзака. Три различных костюма Люсьена Шардона (де Рюбампре), на которых автор акцентирует наше внимание, не только отражают положение персонажа в обществе и его внутреннее состояние — на разных этапах жизни, но и запечатлевают причинно-следственные связи: изменение внешнего облика Люсьена каждый раз является результатом влияния того или иного социально-психологического фактора.

Сложные причинно-следственные отношения фиксирует и такая деталь, как кровь на ботинках Пайла — „тихого американца” (в одноименном романе Грэма Грина), устроившего взрыв на центральной площади Сайгона во имя утверждения, как считает Пайл, идеалов буржуазной демократии и свободы личности. Кровь на ботинках символически выявляет сущность всегда аккуратного, чистенького, порядочного Пайла — он убийца! Но таковым Пайл становится (следствие) по **причине** своей оболваненности — слепого увлечения теорией „Третьей силы”, которая якобы была нужна Индокитаю (не случайно английский журналист Фаулер говорит Пайлу, что „Третья сила” у него на башмаках). Реакция Пайла на кровь (он сначала пугается, но потом спокойно говорит о необходимости почистить ботинки перед официальным визитом)

выступает **следствием** его душевной тупости, но в будущем, как справедливо предполагает Фаулер, может стать и **причиной** новых преступлений.

В детективе „принцип задигизма” предполагает чаще всего открыто демонстрируемое толкование детали - приметы, синхронное с ее упоминанием. Но порой это толкование на время откладывается (как, например, в рассказе А. К. Дойла *Человек с рассеченной губой*, где жена пропавшего мистера Сен-Клера вскользь упоминает о его порезанном пальце и только потом оказывается, что именно по этой подробности Шерлок Холмс сумел восстановить картину случившегося и разрешить загадку).

Таким образом, сам феномен немедленного или отложенного толкования, вывода из „подброшенной” детали оказывается в детективе художественно функциональным. Эта функциональность в детективе всегда ограничена требованием жанра — держать читателя в напряжении. Правда, есть здесь и другая сторона. Вспомним справедливое замечание Честертона о том, что существо детективного романа состоит в изображении **видимых феноменов, причины** которых **скрыты**, а это и есть, считает Честертон, существо всех философий. Таким образом, детектив касается в известном смысле и философской стороны бытия. Напомним в связи с этим уже не раз отмеченную исследователями детерминистскую позицию Э. По, а также следовавшего за ним А. К. Дойла, и спор с детерминизмом того же Честертона, который, делая ставку на интуицию и вытекающий из нее видимый парадокс, пытался опровергнуть дедуктивный метод Холмса, доказывал обманчивость и фактов, и их очевидной логики (рассказы *Отсутствие мистера Кана* и *Честь Израела Гау*).

Но нас в данном случае интересует и другой вопрос, который опять-таки подсказывается детективом: в какой мере проблема „видимых феноменов” и их „скрытых причин” распространяется на художественную детализацию „предметного мира” в произведениях других жанров? Делая акцент именно на этой стороне использования автором детали, мы подходим ближе к постижению тайны его мастерства, его мировидения, которое и сам писатель не всегда точно способен сформулировать.

Порой в творческой лаборатории художника можно обнаружить выдающее его внутреннюю противоречивость использование детали как средства обнажения сути явления и как средства выражения сомнений в самой возможности этого. Подобное мы наблюдаем, например, у Грэма Грина, нередко с чрезмерной назойливостью комментирующего и без того очевидные факты. Так, в романе *Наемный убийца* грубый шрам на губе героя автор называет значком его класса, свидетельством того, что операцию делал дешевый хирург, поскольку на дорогого не нашлось денег. В то же время, изображая другие ситуации, Грин спешит спрятаться за парадоксальную, подчеркнута зыбкую по смыслу деталь. Так, в романе *Комедианты* горстку партизан, пытавшихся выступить против тиранического режима Дювалье на Гаити, власти соседнего государства отправляют для лечения и отдыха в бывший ... „сумасшедший дом”. Эта деталь гармонирует с мироощущением героя-рассказчика Брауна, восприни-

мающего человеческую жизнь, в ее разных проявлениях, как комедию, жалкий фарс. Однако роман в целом демонстрирует и убедительные доказательства полемики с подобной точкой зрения героя. Очевидны противоречия в позиции самого писателя, что заставляет задуматься над очень серьезной и сложной проблемой: в какой мере та или иная знаковая по смыслу деталь отражает сознательную установку автора или подсознательные движения его души. Поиски ответа на этот вопрос опять-таки уводят нас к проблеме видимых феноменов и скрытых причин.

Раздумья о детективе заставляют нас обратиться и к проблеме правил. Как известно, они противопоказаны подлинному творчеству, но в рамках детективного жанра успешно демонстрируют свою художественную обязательность. Правда, речь идет отнюдь не о тех правилах, которые выдвигали в конце двадцатых годов американец Ван Дайн (псевдоним беллетриста У. Х. Райта) и англичанин Р. Нокс. Например, первый запрещал делать убийцей лакея, второй требовал, чтобы преступник был в числе действующих лиц уже в первом эпизоде и категорически протестовал против роли случая в расследовании.

Как известно, правила противопоказаны подлинному творчеству, и все-таки детективный жанр демонстрирует, по словам Честертонна, „тот редкий случай, когда разговор о правилах нужен и полезен”³, т.е., уточним мы со своей стороны, когда правила определяют внутреннюю структуру произведения. Когда их соблюдение создает в рассказе или в романе тот центральный узел художественного механизма, в котором, обуславливая друг друга, сплетаются важнейшие компоненты художественного целого: конфликт и способы его разрешения, особенности сюжетного развития и фигура героя в ее функциональном значении.

Нельзя не отметить, что применительно к детективу это художественное сплетение выявляется опять-таки в особенном характере детали, точнее самой системы деталей-ключей, которые становятся объектом мыслительной деятельности героя-сыщика. В одних произведениях, эта мыслительная деятельность изображена подробно и предстает как некая поэзия мысли, в других — читателю выдается только результат логических операций героя или его вывод, основанный на интуиции. Но продуманная последовательность деталей-ключей, несущая нужную информацию, все равно обуславливает динамику действия, целенаправленное движение сюжета. Детектив с большой убедительностью демонстрирует способность детали обладать **сюжетной функцией**, что в произведениях этого жанра и определяет особые требования к автору, те **законы и правила, которые он должен соблюдать**.

Так, еще В. Шкловский заметил, что автор в целях создания тайны и напряженности повествования **меняет** в развитии действия причины и следствия⁴. А по мнению Тома Нарсежака, автора интересного исследования *Эстетика полицейского романа* (1948), рациональное начало, приемы логического анализа, которые используются героем действия для раскрытия тайны, должны

³ Г. К. Честертон, *О детективных романах. Как сделать детектив*, М. 1990, с. 20.

⁴ В. Шкловский, *О теории прозы*, М. 1929, с. 125.

применяться прежде всего самим автором для создания этой тайны и организации повествования в целом. Получается, что логика порождает преступление. Примерно то же заявлял и Честертон: „Когда речь идет о расследовании преступления, ее автору необходимо начать расследование изнутри, тогда как детектив приступает к расследованию извне”⁵.

Эта изначальная сформированность, четкая конструкция детектива обращает нас мыслью к более сложным проблемам литературоведения. В детективе с особой наглядностью и даже категоричностью проявляется характерная черта **сюжета вообще** как эстетической категории: сюжет в произведении — это одновременно и **содержание и форма!** Хотя, как показывает опять-таки детективный сюжет, эти два начала — формальное и содержательное — не всегда находятся в равновесии. На первый план может выступить именно момент формы, сюжет как **средство** достижения особых авторских целей.

Известно суждение В. Шкловского, что сюжет — это исследование действительности. Детективный жанр, в основе которого лежит раскрытие тайны, поиск истины, полностью подтверждает справедливость высказывания ученого. Но исследовательский, аналитический пафос детективного сюжета может использоваться и в произведениях, где автор сосредоточен не на разоблачении преступника, а на постановке философских, морально-психологических проблем, на изображении перипетий политической жизни.

Вспомним *Тихого американца* и *Конец одного романа* Г. Грина, *Мадрапур* Р. Мерля, *Дознание* С. Лема, *Процесс Элизабет Кри* П. Акройда, *Маленький город в Германии* Ле Карре. В последнем из упомянутых произведений, где детективный сюжет представлен целиком, а не в усеченном виде, как, скажем, у Грина, этот сюжет служит одновременно и раскрытию политических игр Великобритании, стремившейся в свое время любой ценой попасть в Общий рынок, и — что особенно интересно — созданию образа главного героя Лео Гартинга. Лео оказывается в конфликте и со „своими” (он работник Британского посольства в Бонне, готового к альянсу даже с неонацистскими силами в Германии), и с „чужими” (с этой самой партией неонацистов, возглавляемой ушедшим от суда военным преступником). Но читатель с Лео непосредственно почти не встречается. Исключение — первый эпизод, где Лео представлен анонимно, и последний — когда его убивают. Однако образ этого убежденного антифашиста раскрывается во всей его человеческой полноте, благодаря детективному расследованию скандала в посольстве, которое проводит профессиональный контрразведчик Тернер.

Любопытно сравнить роман Ле Карре с очень близким ему по фабуле (история столкновения героя с проявлением неонацизма в Германии в шестидесятые годы) и по антифашистскому пафосу произведением Э. Холла *Берлинский меморандум*. Холл использует политическую тему, но создает на ее основе „чистый” детектив; содержательное и формальное начало в сюжете здесь находятся в равновесии. В романе Ле Карре детективный сюжет художественно функционален, это инструмент в руках автора, служащий его специфическим задачам.

⁵ Г. К. Честертон, *Писатель в газете*, М. 1984, с. 205.

Хотелось бы сказать еще об одной заслуге детектива — о его роли в совершенствовании повествования от первого лица. Правда, поначалу именно произведения, имеющие рассказчика, обращение к которому позволяло органично ввести тайну, в известной степени сами способствовали зарождению детектива. Но решение Уилки Коллинза заменить единого повествователя целой группой рассказчиков, каждый из которых вводил в сюжетное действие важную для его развития деталь, заставило автора задуматься над тем, как более четко индивидуализировать их образы. Стало ясно, что рассказчики должны различаться не только тем, **о чем** они говорят, но и **как** говорят.

В свое время обращение к нескольким носителям речи побудило к подобным поискам и Т. Дж. Смоллета в романе *Гемфри Клинкер*. Но следующий шаг сделал все-таки автор *Женщины в белом* и *Лунного камня*. Именно принцип самовыражения рассказчика в слове стал у Коллинза ведущим при изображении ряда персонажей, правда, по большей части второстепенных (мистер Фэрли, мисс Клак).

Можно говорить и о других особенностях детективного жанра, заставляющих нас задуматься над некоторыми общими, притом принципиально важными проблемами художественного творчества в целом. Например, над ситуацией, когда нужен не герой-характер, а герой-маска (об этом рассуждает в своей статье *Поэтика жанра* А. Вулис⁶, над путями создания пафосной композиции (термин С. Эйзенштейна) — детектив здесь подсказывает свой вариант, наконец, над тем, в какой мере детектив касается вечных тем искусства. Упоминанием одной из них, опять-таки связанным со статьей А. Вулиса, хотелось бы закончить эти размышления. Эта вечная тема, которой занята большая литература и которую по-своему разрабатывает детектив, может быть сформулирована так: поэзия мысли при столкновении с прозой жизни⁷.

SUMMARY

The detective genre as an interesting aesthetical phenomenon

In the article the detective genre is considered as an interesting aesthetical phenomenon. This genre demonstrates that rules in creative work may be useful if they are determined by the exclusive character of the plot (sujet): discovering a mystery with the help of details – ‘evidences’ which an author puts in a well thought-out order, so that they become ‘keys’ to the mystery.

The detective genre exposes the informative nature of a detail as such. In the ‘great literature’ a detail may be more striking, poetical, but it is still informative. The detective story (or novel) exposes the role of details in discovering the casual-effective connections. It exposes the invisible casualities of the visible phenomena, and such is the essence of any philosophy (G. K. Chesterton).

The detective genre also demonstrates that the plot (sujet) in a piece of art is in the same time the content and the form. All questions put in the article are to be discussed and analysed.

⁶ А. Вулис, *Поэтика жанра*, Новый мир 1978, № 1, с. 247.

⁷ Там же, с. 249.

Нина Мечковская

Бiałoruski Uniwersytet Państwowy
w Mińsku

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ: ФАКТОРЫ, КОЛЛИЗИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

1. О содержании признака „демократичный” применительно к языку. „Демократичность языка” естественно понимать как его большую доступность всё большему числу говорящих (в сравнении с некоторым другим языком или другим состоянием данного языка). Признак „демократичность языка” имеет смысл по отношению только к литературному языку. Демократичности языка противостоят, с одной стороны, аристократичность (элитарность), с другой – скованность и обедненность речи, характерные для тоталитарных обществ; с третьей стороны – чрезмерная сложность языкового кода и правил.

2. Три аспекта в процессах демократизации литературных языков. Процессы, создающие „доступность” языка, различны по своей онтологии. Их причины лежат вне языка – в появлении новых социальных требований к количеству и качеству коммуникации. Следствия демократизации также выходят за пределы языка – в психологию и социологию коммуникации.

2.1. Социологическая картина распределения социально маркированных вариантов языка. Этот самый внешний по отношению к структуре языка аспект предполагает ответы на следующие вопросы: каково количественное соотношение и социально-образовательные характеристики тех групп носителей языка, которые владеют литературным языком, и групп носителей, не владеющих стандартом; какой процент населения говорит на диалектах и какой – на городском просторечье; какие группы носителей языка и в какой мере общаются на арго; много ли людей активно пользуются письменной речью (например, в силу служебных обязанностей составляют деловые бумаги, пишут научные отчеты / диссертации, не только читают, но и пишут в Интернете).

В аспекте социологии языка наблюдается процессы, свидетельствующие о давно идущей демократизации литературного языка: он распространяется все шире и становится преобладающим средством общения, в недалекой перспективе – языком большинства носителей языка. Соответственно сокращается контингент

носителей диалектов и просторечия. Арго из корпоративного подъязыка постепенно становится экспрессивно-стилистической разновидностью общего языка.

Однако возникает вопрос: можно ли в переходе каких-то групп людей с диалекта или просторечия на литературный язык видеть процесс, который повышает „демократичность” языка? По-видимому, нельзя: на материнском диалекте человеку говорить легче, чем на том языке, которому его учили в школе. Таким образом, в аспекте лингвосоциологии вполне очевидна внутренняя противоречивость феномена „демократизация языка”.

2.2. Изменения в принципах использования языка. Данный аспект можно назвать стилистическим (в широком смысле термина). Это внимание к тому, какие из языковых возможностей и почему люди выбирают, каким речевым образцам следуют. В современном общении в целом преобладают демократические тенденции и либеральные оценки речи. Фактически ничего или почти ничего не запрещено: всеобщая раскованность, возможны заимствования из любого стиля, арго, любой окказионализм, варваризм... В этой анархии есть своя логика. Она состоит в стремлении попробовать то, что раньше запрещалось, т.е. расширить диапазон языковых возможностей.

Процессы либерально-демократического обращения с языками носят хотя и видимый (демонстрируемый), но поверхностный характер. Примерно такая же поверхностная, т.е. стилистическая (а не сущностная) демократизация происходит в образовании: внешне оно становится всё более демократичным, поэтому кажется доступным (если не в плате за обучение, то по обещаемой легкости наук). Однако на деле имеет место ранняя и глубокая специализация образования: в математических, языковых, музыкальных лицеях, в спортивных и военных училищах дети и подростки занимаются много и упорно.

При видимой раскованности в современном речевом общении есть свои трудности. Обмен информацией происходит во все более концентрированной форме, поэтому для экспрессии и убедительности привлекаются любые языковые средства, только бы действовали. Все чаще модераторы и редакторы ограничивают говорящих и пишущих во времени или в печатной площади. Для более экономной передачи информации СМИ одновременно используют все доступные каналы: титры на телеэкране, сопровождающие особенно важную произносимую информацию; бегущая строка внизу телеэкрана с информацией на тему, отличную от актуально передаваемой; компактдиски в дополнение к газете (бонус-вкладыш) и т.п.

В межличностном общении и, что особенно важно, в публичной коммуникации все более осознается ценность прямого и устного контакта, поскольку такое общение (в сравнении с заочным и письменным) часто более информативно. В непосредственном контакте для реципиента ценна не столько логическая или фактологическая информация, сколько модально-эмоциональная. Люди больше доверяют устной речи, разговору глаза в глаза, чем написанному или напечатанному тексту. Телевидение расширяет возможности восприятия информации о внутреннем и, следовательно, истинном отношении человека к своей

теме и к собеседнику. Д. С. Лихачев говорил, что телевидение позволило увидеть глаза, лицо человека, и это не менее важно, чем рассмотреть в телескоп звезду.

2.3. Изменения в „фактуре” языка (в словаре и грамматике): литературные языки не становятся доступнее. В современных языках с невиданными прежде темпами растет число новых слов, прежде всего терминов, и имя им легион. Понятно, что массы новых слов усложняют язык, и хотя синтаксис становится более свободным (особенно в устном общении, в том числе публичном), все же усилия, которые требуются от человека, если он хочет поспевать за культурным словарем родного языка, растут. В целом язык, как и жизнь, не становится проще или доступнее. Наряду с количественным ростом словаря, идет диверсификация форм общения; семиотически оно делается более насыщенным.

3. Процессам демократизации языков предшествовало культурное двуязычие – столетия социально-языкового апартеида. Письменный язык в своих истоках всегда элитарен; часто его считали священным. В редких случаях письменность на родном языке достаточно быстро становилась достоянием многих, и такие счастливые цивилизации быстро достигали расцвета (как это произошло в Древней Греции и Риме). Однако для большинства регионов мира в начале новой эры и в Средние века было характерно культурное двуязычие: в церкви, образовании, „ученой” книжности использовался престижный надэтнический язык (санскрит, вэньянь, древнегреческий, латынь, литературный арабский, классический персидский, церковнославянский), в то время как в повседневном общении (в том числе и письменности, но „простой”) использовались местные (народные) языки. Ситуации культурного двуязычия устойчивы: латынь была языком западного христианства и культуры 1000 лет; церковнославянский язык был литературным языком православных славян в течение 7 столетий. В эти долгие века только надэтнический язык (т.е. более или менее чужой) ощущался как „правильный” язык. Общение на народных языках, устное и письменное, реально преобладало, однако оно находилось вне нормативного пространства, т.е. в глазах социума – вне высокой культуры. Столетия культурного двуязычия были временем максимального недемократизма литературных языков.

4. Переход от культурного двуязычия к национальному одноязычию как основной процесс в истории демократизации языков. Принятие социумом своего этнического языка в функции языка церкви, школы и высокой культуры означает появление литературного языка нового типа – не замкнутого в узкой сфере особо важных функций, но языка открытого и многофункционального. На латыни или церковнославянском невозможно было говорить на рынке, с крестьянином, ремесленником, с женщиной, с детьми. В народных литературных языках эти ограничения отпали.

Наиболее глубокое типологическое различие между литературными языками старого и нового типа связано с тем, что в новых (народных) языках разговорная речь вошла в „нормативное пространство” коммуникации. В современном общении в Европе и Америке нет такой ситуации, где литературный язык был бы

неуместен: все виды неофициального общения (семейно-бытовое, самое дружеское и интимное и т.п.) возможны на литературном языке. В результате замены надэтнического литературного языка народным расширились области использования нормированной речи; расширился также социальный состав носителей языкового стандарта; одновременно шла демократизация норм и либерализация языковых вкусов.

5. Зависит ли демократичность языка от языковой политики? Вполне очевидно, что смена типа литературного языка (как самый масштабный процесс в истории демократизации языков) не была результатом языковой политики. Процессы такого ранга, каким является демократизация языков, соответствуют долговременным и стихийным тенденциям в развитии культуры, цивилизации, коммуникационных технологий. Вытеснение латыни или церковнославянского народными языками были языковой компонентой в тех разнообразных процессах, в которых переплетены две прогрессирующие тенденции: интенсификация общественного бытия и гомогенизация людских сообществ. Укрепление народных языков в качестве основных языков в своих национальных культурах было связано с такими процессами, как переход от феодального уклада жизни к индустриальному; секуляризация общественной жизни; рост городского населения; распространение книгопечатания; распространение образования и удлинение обязательного школьного обучения; постепенное трансформирование низовой народной культуры в массовую.

Таким образом, демократизация языкового уклада в послефеодальные времена была именно велением времени и стихийным процессом, который не мог быть по силам той людской самодеятельности, которую зовут языковой политикой. В условиях одноязычия языковая политика состоит в кодификации стихийного языкового узуса, включая расстановку некоторых идеологических и культурных акцентов, а также в пропаганде „хорошей речи”. В отличие от национально-языковой политики, культуртрегерская активность внутри сообщества людей, говорящих на одном языке, является несопоставимо более камерной и скромной по результатам. Ее плоды заметнее всего в периоды формирования литературных языков, позже – в участии в терминологической работе, в привлечении внимания общества к культуре языка путем обращения к СМИ, к возможностям школы, научно-популярной литературы и т.п.

Языковая политика внутри одноязычного социума коррелирует с его лингвистической идеологией, т.е. с преобладающими в обществе деонтической и аксиологической модальностями по отношению к языку и речи: то ли запрещать малейшие вольности, в штыки встречать каждый неологизм и особенно заимствование, то ли поощрять свободу и речевую смелость, то ли вообще не обращать внимания на слова. Степень демократизма лингвистической идеологии поразительно тесно коррелирует со степенью демократичности общества.

В недемократических социумах в той или иной форме имеется языковая цензура, приписывающая себе государственно-политическую значимость.

Власть, стремясь контролировать информационные потоки, старается распространить контроль также и на язык общения, политизируя и идеологизируя языковые вопросы. Тоталитарная лингвистическая идеология предпочитает жесткую кодификацию, сужающую диапазон возможностей языка; для нее характерны нелюбовь к индивидуальным особенностям речи и заметным языковым личностям; она поощряет безликую речь; пренебрежительно относится к диалектам и диалектизмам, равнодушна к историческим запасам языка.

История русского языка и литературы XX в. изобилует проявлениями тоталитарной языковой политики. Достаточно вспомнить крестовый поход против диалектизмов, начатый Горьким в 30-х гг.; или безликий средний стиль производственных романов 30-х гг.; или отсутствие индивидуально-личностного начала в публицистике.

В либерально-демократическом обществе, напротив, поощряют широту и своеобразие в использовании возможностей общенародного языка; инновации, включая заимствования, оцениваются функционально; языковой пуризм или отсутствует или не силен; здесь уважают диалекты и терпимы к диалектизмам в художественной речи; временные границы современного языка видятся широко.

Политическая динамика общества между полюсами демократии и контрдемократии особенно четко коррелирует с реформами графики и орфографии, о чем свидетельствуют не только осуществленные реформы (русского письма 1708–1710 и 1918 гг.; польские реформы 1897 и 1936 гг.), но также и история свернутых реформ – таких, как неудавшиеся попытки демократизации орфографии, предпринятые в Польше и СССР в годы послесталинской оттепели. В 1961 г. в Польше готовилось новое, XIII, издание *Pisowni polskiej* PAN; в 1962–1963 гг. в Институте РЯ АН СССР под руководством М. В. Панова разрабатывались новые правила орфографии. Это были полустихийные инициативы либеральной интеллигенции, направленные на уменьшение непоследовательности в правилах письма, на генерализацию и укрупнение ряда орфографических норм, что могло бы облегчить школьное усвоение орфографии. И в Варшаве и в Москве работы над „либеральными” орфографиями были остановлены „сверху”, что не случайно совпало с концом „оттепели”.

Отвечая на вопрос, „зависит ли демократичность языка от языковой политики?”, следует иметь в виду, что последствия демократической и контрдемократической языковой политики отнюдь не симметричны. Тоталитарная политика сокращает диапазон языковых средств, используемых в СМИ и литературе; это обедняет и примитивизирует язык произведений данного времени, однако это обеднение остается чертой именно данных текстов, а не нормативно-стилистической системы языка. В условиях либерально-демократической языковой политики картина иная: расширение диапазона языковых средств, привлекаемых в СМИ и художественные тексты, в той или иной мере затрагивает нормативно-стилистический уклад языка: люди постепенно привыкают к тем лексическим и стилистическим инновациям,

которые они встречаются в текстах СМИ и литературе. При этом что-то люди принимают пассивно; другие инновации могут войти в их активную речь; в каких-то случаях у людей могут измениться прагматические оценки тех или иных слов или конструкций (допустим, оборот, который прежде ощущался как грубый арготизм, после ток-шоу стал казаться приемлемым) и т.д.

Отмеченная асимметрия следствий либерализма и контрдемократизма в языковой политике связана с тем, что именно расширение языковых возможностей отвечает магистральным тенденциям в развитии языков. Вместе с тем легко видеть, что следствия языковой политики носят поверхностный, в основном стилистический характер. Что касается таких „тектонических” процессов, как расширение коммуникации на литературном языке, как двусторонняя конвергенция стандарта и субстандартов (диалектов и просторечия), то процессы такого ранга не определяются ни языковой политикой, ни общим политическим курсом государств. Эти процессы начались при переходе от феодального общества к индустриальному; они усилились в информационном обществе, но при этом от сознательной активности людей, направленной на язык, в процессах такого масштаба практически ничего не зависит.

6. Тенденция к языковой гомогенизации социума и коллоквиализации публичного общения. Процессы языковой гомогенизации современных сообществ включают встречные нормативно-стилистические движения: и „снизу вверх”, и „сверху вниз”. Примером движения „снизу вверх” может быть, в частности, тот факт, что в странах Европы среди современных рабочих процент лиц, говорящих на литературном языке, выше, чем полвека назад. Примером движения „сверху вниз” может служить повсеместная коллоквиализация публичного общения. Проявления названных тенденций бесчисленны.

Языковая гомогенизация обществ осуществляется в форме многих аналогичных процессов „снизу вверх” и „сверху вниз”. В широкой социокультурной перспективе гомогенизация языкового общения соответствует аналогичным тенденциям в истории СМИ и культуры, которые, по мере развития техники тиражирования и телекоммуникации, становятся все более массовыми. При этом происходит взаимодействие элитарной культуры (в анамнезе дворянско-интеллигентской) и массовой культуры (в анамнезе низовой). Если на заре эпохи кино и грамзаписи эти две культуры были далеки друг от друга, то их последующая история состояла во взаимном сближении. В результате движения „сверху вниз” высокая культура утрачивала элитарность, а культура растущего городского населения, расширяясь „снизу вверх”, переставала быть низовой. В авангарде этих процессов находились кинематограф и музыка.

Слияние культур продолжается в наши дни. Приведу характерные вербальные знаки этого синтеза: слово *квалоид* (контаминация слов *квалитет*, т.е. ‘качество’, и *таблоид*) для обозначения качественных и вместе с тем тиражных газет; московская газета (с разными известиями о людях шоу-бизнеса) под названием „Желтая газета”.

7. Тупики языковой элитарности: проблемы белорусского и украинского языков. Современный литературный белорусский язык формировался XX в. (в ходе национального возрождения начиная с 1906 г. и политики белорусизации в 20-х гг.) в результате сознательной дивергенции по отношению к русскому и польскому языкам. Вместе с тем в течение всего XX в. в Беларуси продолжалась конвергенция этнических субстандартов (т.е. белорусских диалектов, городского просторечия) по отношению к русскому языку. Процесс конвергенции повседневной речи белорусов с русским языком, особенно сильный в городах, начался еще в последней трети XVIII в., после разделов Речи Посполитой и аннексии белорусских земель Российской Империей в результате планомерной и жесткой русификации. Напомню, что газеты и книгоиздание на белорусском языке были разрешены только в 1906 г., а первые школы с белорусским языком были открыты в 1915 г., но не государством, а на благотворительной основе, в школах для детей беженцев от войны.

Энтузиасты национального возрождения и в первой трети XX в., и 90-х гг. стремились оттолкнуться от русифицированного белорусского просторечия (всеми презираемого плода русификации – *трасянки*). В результате усиливалась дивергенция литературного языка по отношению к массовому общению. Между тем в русском языке, напротив, продолжается сближение литературного языка и субстандартных вариантов русского языка, причем это именно демократизация узуса: не разговорный язык „равняется” на книжный (в результате чего он становился бы более строгим и разборчивым, синтаксически выдержанным и т.д.), а, напротив, идет либерализация норм кодифицированного языка.

Проблема белорусского и украинского литературных языков не в том, что их стандарты „недемократичны” или „далеки от народа”, а в том, что в условиях многовековой русификации в языках не выработаны формы национальной повседневной разговорной речи, т.е. речи некодифицированной, но в то же время отвечающей нормам своего литературного языка. Лишенный лексической подпитки „своей” разговорно-диалектной речи, такой нерусифицированный национальный язык маргинализируется, закрепляясь в сфере не массовой культуры, но книжно-письменной (историко-филологические сочинения, художественная литература, нередко в элитарном вкусе).

8. Демократизация языка *versus* усложнение языка. Если в Средние века демократичности литературного языка мешала надэтничность (латыни или церковнославянского), то в XX в. вопрос о доступности языка ставится применительно уже к новым (этническим) языкам, при этом доступности противостоит не элитарность языка, но сложность. Усложнение языка обусловлено возрастанием интеллектуально-семиотической насыщенности жизни и дифференциацией форм общения.

Усложнение языка, помимо количественного роста словаря, проявляется в ряде процессов. Постоянно идет все более тонкая дифференциация вариантных и синонимических средств; вырабатываются более сложные формы синтаксической организации высказываний и целых текстов (ср. правила оформления

научных публикаций), в том числе создаются специальные правила пунктуации (дополнительные по отношению к общим правилам или даже противоречащие им; ср., в частности, пунктуацию в библиографических описаниях); распространяются креолизованные („гибридные“) семиотики и сообщения (в которых слова или части слов соединяются с изображениями, цифрами или знаками других семиотик); интенсифицируется метаязыковая рефлексия говорящих, что приводит к расширению состава метаязыковых средств и к их большей употребительности; интенсифицируются процессы заимствования и интернационализации языков.

Однако в нарастающей сложности языков есть тенденция, с которой связано разрешение коллизии между демократизмом языка и его сложностью. Этот выход состоит, во-первых, в дальнейшей дифференциации языковых средств и вариантов и, во-вторых, в терминологизации и стандартизации профессионального общения.

Подъязык научных публикаций становится все более специальным, жестким (не варибельным) и все более насыщенным конвенциональными знаками-символами (в терминах Ч. Пирса), но именно эти свойства делают язык науки доступным и удобным для профессионалов. Стандартизированный и конвенциональный научный стиль позволяет специалисту, комбинируя термины и клишированные связки между ними, не столько писать, сколько компоновать научную статью, как бы монтируя ее из готовых блоков и модулей. Ср. выводы О. А. Лаптевой после сравнения статей по биологии начала XX в. и 60-х гг.: „Чтобы написать в наше время научную статью, не нужно вообще уметь писать: достаточно иметь в своем распоряжении лишь некоторый (сравнительно ограниченный) набор языковых средств“ [Лаптева 1968: 131]. Таким образом, сложение специальных подъязыков – это не альтернатива демократизации, а ее осуществление другими средствами.

9. Либерализующий фактор Интернета. Несмотря на то, что Интернет представляет собой более сложный и элитарный способ коммуникации (в сравнении с телефоном или обычной почтой), его влияние на языки является либерально-демократизирующим. Это связано с рядом обстоятельств. В-первых, Интернет принес с собой (в том числе в несетевое письменное общение) новый стиль – быстрый, легкий, информационно ёмкий, по возможности остроумный и при этом подчеркнута корректный по отношению к собеседнику, часто незнакомому. Эта манера письма, идущая от зачинателей еще некоммерческого Интернета, наследовала черты демократического и раскованного молодежного общения в университетских кампусах и лабораториях.

Во-вторых, следует принять во внимание то, в каком соотношении в Интернет-коммуникации находятся, с одной стороны, естественный язык (являющийся в Интернете основным средством вербального общения, но при этом мягким (*soft*) средством), а с другой стороны, – специальный искусственный код, более строгий и облигаторный (*hard*), чем обычный язык, и при этом инсталлированный в код обычного (естественного) языка в Интернете. Пользователь должен усвоить, кроме терминов и нескольких десятков новых для себя графических знаков (включая

буквенно-цифровые аббревиатуры некоторых английских фраз), также еще и дополнительные правила комбинирования знаков. Например, компьютер приучает человека к тому, что наличие или отсутствие точки или пробела в электронном адресе или в названии документа может быть критически важно; что число угловых скобок в адресе должно быть обязательно четным; что некоторые знаки клавиатуры нельзя использовать в имени документа, под которым он передается в Сеть или хранится в памяти компьютера, и т.п. Для успешности Интернет-коммуникации эти дополнения к обычному языку (новые знаки и правила) важнее, чем орфография и грамматика общего языка (к тому же в компьютеры встроены программы орфографического и стилистического контроля). Поэтому школьные нормы грамматики и орфографии в Интернете мало кого заботят, они во многом обесценились. Более того, эта небрежность по отношению к обычным языковым нормам, как и стилистическая легкость чатов и э-мэйлов, сохраняются у пользователей и за пределами Интернета.

Наконец, все жанры Интернет-коммуникации (в особенности Интернет-газеты) приучают писать кратко, точно и легко. На практике это вырабатывает у людей более демократический стиль письма (короткая фраза; отрывочность („рваность”) текста; постоянная рубрицированность сообщений; безразличие к синтаксической недостроенности высказывания и т.п.). Привычка к такому письму расшатывает языковые нормы, причем не только „материально” (в использовании ненормативных конструкций), но и „идеологически” – приучая к мысли, что школьные нормы грамматики не так важны, как учила школа.

10. Мегполис языка и речевая квартирка частного человека. Мартин Хайдеггер в *Письмах о гуманизме* (1947) назвал язык „самым интимным лоном культуры”, „домом бытия” человека. Действительно, в культуре ничего более близкого человеку, чем родной язык, нет. Вместе с тем налицо процессы, которые отчуждают язык от человека, разъединяют их. В XIX в. для человека, окончившего университет (допустим, для учителя гимназии), язык действительно был родным и обжитым домом. Современные языки напоминают скорее мегполисы: хотя человек здесь и родился, но ни границ мегполиса, ни его дальних концов он не видит, а о существовании целых районов даже не подозревает.

Информационная насыщенность жизни делает языки все более сложными. Однако функциональная дифференцированность языковых средств и подязыков позволяет каждому „насельнику” языкового мегполиса в конце концов найти свою нишу, свою квартирку, где он может как-то жить, вопреки тому, что язык целиком, во всем богатстве и творческой силе становится для отдельного человека все менее обозримым и доступным.

Библиография

- Булатова Л.Н., Земская Е.А., Кузьмина С.М., Новиков В.И. (2001). *Диапазон дарования. К 80-летию М.В. Панова*. Вопросы языкознания, № 1, с. 3–13.
- Лаптева О.А. (1968). *Внутрителивая эволюция современной русской научной прозы. W: Развитие функциональных стилей современного русского языка*. Москва, с. 126–185.
- Мечковская Н.Б. (2003). *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков*. Москва.
- Мечковская Н.Б. (2003а). *Белорусский язык: Социолингвистические очерки*. München. Specimina philologiae slavicae. Bd. 138.
- Мечковская Н.Б. (2004). *Семиотика: Язык. Природа. Культура. Курс лекций*. Москва.
- Jodłowski S. (1979). *Losy polskiej ortografii*. Warszawa.
- Smułkowa E., Żurawski A. (1961). *O polskich i niepolskich kłopotach ortograficznych. 3. Podstawowe trudności ortografii białoruskiej*. Język Polski, vol. XLI, № 1, s. 41–51.

SUMMARY

Democratisation of languages: factors, collisions and alternatives

Democratisation of languages happens commonly and spontaneously. The main process in the development of language democratisation is the transition from cultural bilingualism, so typical of the Middle Ages, to national monolingualism. That kind of language conversion was a linguistic component of the powerful historical trend towards the intensification of being social and towards homogenisation of human communities. Language policy has trivial results in lexicographic and grammatical codification and a few serious results in the degree of freedom in mass media and public communication as also in the linguistic ideology of community (in deontological and axiological modalities towards language).

Михаил Лабашук
Zakład Lingwistyki Stosowanej
Uniwersytetu Łódzkiego

КРИТЕРИИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Хотя многие и отмечают неудовлетворительность термина „демократизация языка”, он часто встречается в разных типах общения. Наиболее обобщенно этот термин, очевидно, обозначает гласность, свободу волеизъявления народа, что, однако, представляет явно не лингвистический аспект определения. В языковом отношении выражение „демократизация языка” означает свободу публичного выражения личностью в единицах языка любых своих интенций на любые темы в разных типах общения. Вначале демократизация языка именно так и понималась. Так ли это обстоит на самом деле? – на этот вопрос сложно дать однозначный ответ. Как предварительное определение категории демократизации языка можно представить следующее определение: „демократизация языка – это свобода публичного выражения личностью в единицах языка любых своих интенций на любые темы в разных типах общения”. Акцентируем в этом определении наиболее проблематичный аспект, в частности, аспект **„свободы выражения любых своих интенций на любые темы”**.

Демократизация языка, как и демократизация общества, оказалась далеко не однозначным явлением. Обычно говорят о позитивных аспектах этого явления, к которым относятся раскрепощение языковой личности, взаимопроникновение стилистических пластов языка, диалогичность и полилогичность коммуникации, ее открытость, наличие обратной связи в коммуникации и др. К негативным аспектам относятся определенный хаос в типологии речи, нередкая потеря говорящей личностью языкового самоконтроля, неограниченность, вседозволенность выражения, трансформация низовой культуры в массовую, отсутствие культурной и языковой самоцензуры и такой же самой социальной цензуры (а если таковые есть, то они немедленно отождествляются с политической цензурой, что далеко не одно и то же).

Причем, разграничение позитивных и негативных сем значения выражения „демократизация языка” производится на неосознанной основе, часто достаточно хаотически. Поэтому интуитивно-спонтанным представлениям необходимо противопоставить аргументированное, осознанно-расчлененное толкование

категории демократизации языка. Необходимо обозначить позитивные и негативные ценности, которые могут содержаться в понятии „демократизация языка”. Для подобного толкования следует исследовать связь и обусловленность категории демократизации языка, во-первых, современной общей постмодернистской тенденцией западного (европейского и американского) мышления и, во-вторых, разрушением консервативных государственных, политических и экономических устоев. Вседозволенность в языке тождественна постмодернистским тенденциям в культуре, в которых безотносительное смешение типологии далеко не всегда приемлемо, в частности, приемлемо только в отдельных стилях языка.

Таким образом, уже предварительно можно сказать, что демократизация языка – это не полная свобода выражения любых интенций, так как в коммуникации имеет принципиальное значение также содержание и форма выражения интенции. Несмотря на существующие негативные аспекты процессов демократизации, новые экономические, политические и социальные явления, прямо или опосредованно связанные с языком, набирают силу и получают одобрение в обществе. Тем не менее в обществе одновременно нарастает и понимание того, что демократия вообще, в том числе и в языке – не вседозволенность, следствием чего является заметный рост в обществе сторонников цензуры.

Коренная общественно-экономическая реформация в странах Восточной Европы привела в течение последних 20 лет к весьма ощутимым изменениям в сфере языка и языковой деятельности. К тому же, процессы социальной реформации совпали по времени с информационно-технической революцией, которую можно назвать настоящим взрывом мировой коммуникации. Неизбежные в таких условиях языковые изменения не обошли вниманием как сторонников языкового пуризма и консерватизма, так и сторонников языкового новаторства. Представители старшего и среднего поколений не успевают приспособиться к новым реалиям, поэтому пропасть в языках между поколениями возрастает [см.: Кронгауз 2002:135].

В начале перестроечного периода критика новых явлений в языке воспринималась как защита старых норм, как консерватизм, но постепенно критика воспринимается все более позитивно. Сторонники консерватизма и пуризма в языке вредят себе именно ввелингвистическим консерватизмом. Поэтому их позитивный в определенном отношении языковой консерватизм теряет свой позитивный аспект (аспект необходимости сохранения языковой чистоты), когда он отождествляется в глазах нового поколения с ввелингвистическими устаревающими политическими и государственными убеждениями сторонников консерватизма.

Наиболее ярко новизна языка проявляется в заимствованной лексике и в сленге. В современном русском языке можно отметить засилье иностранной лексики и даже подавление заимствованиями существующих традиционных наименований. Еще менее используются возможности собственно русского языка для первичного наименования: „В ситуации отсутствия слова для нового понятия это слово может создаваться из старых средств, а может просто заимствоваться.

Русский язык в целом пошел по второму пути” [там же, 139]. В проекте о русском языке как государственном предлагается запретить использование иностранных слов при наличии русского аналога. Между тем волна заимствованных новообразований захлестнула традиционного носителя русского языка, даже появляются обиженные реакции в констатации того, что „грамматический дух великого и могучего русского языка поставлен на службу коммерции” [Чередниченко 2002:153]. Тем не менее новые заимствованные формы преобладают не во всех стилистических типах общения и не во всех группах лексики. Например, в экономической, компьютерной, научной новой лексике преобладают заимствованные основы, а в сленге, жаргоне – русские производящие основы.

Несмотря на действительную чрезмерность проникновения дублирующих заимствований, мы считаем, что в целом новые явления в языке являются позитивными. Главный положительный момент в развитии современного русского языка состоит в том, что носители русского языка наконец услышали, как говорит нормальный средний человек не только в быту или кругу ближайших знакомых, но и в прессе, и на официальном уровне. Авторитет литературного языка остался, а вместе с тем появилась возможность искреннего, непосредственного, то есть живого и функционального общения как на уровне разговорного стиля языка, так и газетно-публицистического и официально-делового.

Наиболее обобщенно демократизацию языка можно представить как проявляющуюся в двух языковых аспектах – **информационном** (понятийно-лексическом) и **стилистико-типологическом** (формально-грамматическом). Первый аспект можно назвать понятийно-тематическим, так как он отражает свободное использование в современной речи тем, ранее по разным причинам не допустимых в общении. Второй аспект можно назвать субъективно-функциональным, так как он связан именно с личностным фактором, с языковой способностью, а также с понятийной и языковой картиной мира конкретного субъекта языкового общения.

Объектом исследования новых языковых явлений таким образом с необходимостью становятся, во-первых, типология языковой деятельности, то есть знание стилистических функций и требований языка (особенно динамика изменений в этих функциях и требованиях), и, во-вторых, индивидуальные способности личности, которые объединяют и реализуют понятийно-лексический аспект и типолого-грамматический аспект языковой деятельности. Именно здесь входят в силу требования и нормы так называемого „демократического языка”.

В выражении „демократизация языка” акцентированы, как было сказано, прежде всего следующие позитивные семы: свобода самовыражения, наличие обратной связи, отсутствие цензуры, коллоквиализация языка (взаимопроникновение стилей) и др. С другой стороны, не акцентированы и являются фоновыми и, скорее, неосознанно не приемлемыми для обычного носителя языка следующие семы: личная инициатива и ответственность человека в речи, самоконтроль в поведении, культура конкретного человека. Отмеченная неприемлемость объясняется тем, что в последнем случае речь заходит не о правах, а, скорее, об обязанностях субъекта социума.

В употреблении достаточно неопределенной категории „демократизация языка” часто бывает непонятно, что имеется в виду и к каким аспектам она применяется. Возможно, неопределенность объясняется тем, что данная категория применяется часто слишком обобщенно и в целом ко всему в жизни государства и отдельной личности. Особенно значимо то, что в употреблении категории „демократизация языка” не различаются аспекты процессов демократизации, относящиеся отдельно к правам и отдельно к обязанностям субъекта и социума. Это приводит к тому, что редко в процессе коммуникации уточняется предмет обсуждения. Представляется, что прежде всего под демократизацией языка в позитивном аспекте имеется в виду именно то, что было так понятно всем и чего так не хватало в период отсутствия свободы слова, то есть свободы языкового волеизъявления, а именно возможности высказываний по наболевшим вопросам. При этом не говорится о том, что в демократизации языка все оказалось не так просто.

В русскоязычной публицистике на данную тему можно теперь часто слышать следующие рассуждения: „В советское время было ясно: истинные ценности находятся ровно в противоположном направлении от того, что было разрешено в официальном искусстве. А сейчас таких ясных ориентиров нет. Есть известный парадокс: эпоха тоталитаризма способствует развитию высших форм культуры. Сами по себе ограничения плодотворны для искусства...” [см.: Бродский 2005: 15]. Э. Радзинский утверждает: „...вот такая закономерность открывается мне в русской судьбе: всякая революция приводит к вырождению культуры, хотя обещает именно ее расцвет. Почему? ...Что-то ужасное делается с нацией, пережившей стресс...” [Радзинский 2005: 27]. Данные высказывания только заостряют проблематику и подчеркивают неоднозначность для культуры сущности и функционирования в социуме и государстве категорий демократизма, права, цензуры и др.

Кроме того, не следует забывать, что существует цензура социальная и цензура личная. И они взаимно неравноправно поддерживают друг друга. Причем, социальная цензура нередко воспитывает или стимулирует цензуру личную, как это не парадоксально – именно в этих соотношениях объясняется вышеотмеченный парадокс позитивного влияния тоталитаризма на развитие высших форм культуры. Говоря о языке, исследователи чаще всего говорят именно о социолекте, а говоря о цензуре, чаще говорят именно о социальной, или государственной, цензуре. Было бы очень плодотворно в исследованиях перенесение акцентирования с демократизации социолекта на демократизацию идиолекта, то есть индивидуального языка. К сожалению, теория идиолекта отдана в жертву теории социолекта; поэтому теория языковой личности только начинает свое становление, хотя проблема идиолекта была поставлена еще в XIX веке младограмматиками.

Идеология общества создает или, по крайней мере, в целом предопределяет отношение к языку и текстам, в том числе и к особенностям методологии научных исследований. Социализм советского типа онтологию языка видел в социологизме (в социолекте), что, скорее всего, является результатом диктата государства. А в свободных обществах онтология языка видится преимуще-

ственно в субъективизме отдельного носителя языка (в идиолекте), что, бесспорно, является результатом демократического устройства общества. Однако в постсоветском пространстве, несмотря на все кардинальные многоуровневые изменения в государстве и в обществе, методология науки, в частности, языкознания, остается в целом той же самой методологией, что и была – материалистической, позитивистской, социологической и т.д. То есть, на данный момент можно констатировать значительно большее и явное отставание изменений в методологии исследований, например, в понимании отношений социолекта и идиолекта. И это несмотря на то, что основы теории отношений социолекта и идиолекта заложены достаточно давно Ф. Соссюром, И. Бодуеном де Куртене, Л. Щербой и др. И. Бодуен де Куртене даже строго развел и противопоставил понятия „истории социолекта” и „развития идиолекта” как совершенно разные явления [см.: Бодуэн де Куртенэ 1963: 208]. Тем не менее язык в основном понимается как социолект в виде либо речи, либо текстов, либо отвлеченного конструкта литературного языка.

Язык является субъективным (хотя по возникновению и надличностным, социальным) многофункциональным образованием. Множество функций, которые он выполняет, затрудняют определение онтологии языка. Наиболее известна языковая функция общения, несмотря на то, что существуют в виде научных теорий указания на другие неоспоримые и не менее важные способности и функции языка. Например, функция преобразования и формирования информации, ее хранения, возможность манипулирования (намеренного или ненамеренного) информацией, функция развития (догматического или творческого) интеллекта субъекта, функция познания субъектом мира и своих способностей и др. К сожалению, в проблематике языка едва ли не самой малозначимой оказалась проблема онтологии языка.

В наиболее устоявшемся виде традиционно представлены два полярных понимания онтологии языка – (1) языка как Логоса, ноуменальной способности субъекта и (2) языка как инструмента общения, функционального средства регуляции социальных отношений. В обоих случаях недостаточно изученным и оцененным осталось обратное воздействие языка на сознание человека. Игнорирование онтологии языка привело к тому, что языковые стереотипы (в том числе текстовые стереотипы) языка стали в значительной мере господствовать над субъектом (особенно в XX-ом веке), подавив социальными догмами его волю, независимость, а также способность и право на свободное мышление и творчество. Между тем язык как средство не только коммуникации, но как средство познания и регуляции не обязательно должен безраздельно доминировать над субъектом, субъект сам может и должен осознавать когнитивную и регулятивную функцию языка и ограничивать в меру возможности достаточно осязаемое воздействие языка на волю субъекта. Но для этого надо знать природу и структуру отношений языка с другими способностями субъекта, в частности, знать то общее и различное, что есть в языке, в сравнении с другими способностями субъекта (сенсорными, эмоциональными, образными, рациональными и др.).

В отношении понимания онтологии языка можно различать минималистский и максималистский подходы, из которых первый утверждает субъективность онтологии языка, а второй – объективность, внесубъектность онтологии языка. Именно максималистские установки позволяют делать перенос понятий предмета исследования из сферы способностей субъекта во вневременность и внепространственность сакрального мира. В результате термин „язык” в значении „реальная семиотическая способность субъекта в функции общения и познания, а также ее функционирование” начинает в экзистенциально-идеалистических теориях (например, в теориях М. Хайдеггера, Г.-Х. Гадамера) означать „ирреальная сакральная способность Бытия, сущностно определяющая поведение человека”. Данное понимание языка является примером феноменологизации языка, подобно этому феноменологизируется язык и в социологических теориях языка.

Есть и еще одна более важная причина опасности феноменологизации и, особенно, социологизации языка для отдельного идиолекта. Социологизм языка в виде социолекта часто приводит к обезличению отдельных индивидов, приводит к трактованию социолекта как безликой массы, к догматизму в реализации воли социума в разных видах: будь-то в виде „духа народа” у В. Гумбольдта, воли общественно-экономических формаций в материалистическом социологизме, воли религиозного чувства в мусульманстве и др. Идиолект тонет, растворяется, исчезает в этом всеподавляющем социальном давлении. Это является неизбежным следствием феноменологизации языка как социолекта.

Обезличенному социолекту исследовательских теорий реально и живо противостоит конкретный идиолект в разнообразных проявлениях речевой деятельности. В живой коммуникации идиолектов в настоящее время мы являемся свидетелями повышения интенсивности коммуникации, перемещения идиолекта в новые социальные окружения, увеличения количества восприятий опосредованных устных и письменных коммуникаций, свидетелями явления виртуальных перемещений (телевидение, интернет), увеличения количества языков в объеме идиолекта (полигlossия) и др. Все это на фоне тотальной глобализации экономических и государственно-политических структур требует большего внимания к такому явлению как „язык” именно в значении „идиолект”.

Социальных барьеров в демократизации языка в настоящее время не существует, но существуют субъективные барьеры – в частности, остается напряженность между идиолектом и социалектом (социолектом именно в виде совокупности общающихся идиолектов и текстов как результатов такого общения). Однако такая позитивно и эвристически понимаемая напряженность может возникнуть только в том случае, если субъект не будет бездумно доверять социальным стереотипам и некритично отвечать наиболее утвердившимся социальным штампам языкового поведения. Наиболее легко поддаются идеологическим, политическим и др. манипуляциям именно некритично мыслящие субъекты, попадающие под влияние манипуляционных стереотипов, причем, нередко именно под лозунгом демократизации социальных процессов.

На основании вышесказанного можно обобщить и подытожить наиболее важные аспекты содержания настоящего анализа понятия „демократизация языка”.

Категория „демократизация языка” является достаточно многозначной и даже противоречивой. Для более строгого определения данной категории необходимо различать и уточнять многие аспекты ее значения, например, позитивные и негативные семы содержания, семы, относящиеся к правам, и семы, относящиеся к обязанностям субъекта языковой деятельности и др. Соответственно необходимо также учитывать данные различия при использовании категории „демократизация языка” в исследованиях проявлений социальной вербальной деятельности (в частности, в различных социальных системах, в стабильные или в нестабильные периоды истории, например, в разные периоды социальных „перестроек” и „постперестроек” и мн. др.).

Предлагается функционально оправданным при использовании категории „демократизация языка” различать язык в форме социолекта и язык в форме идиолекта. Необходимость подобного различения закономерно влечет за собой необходимость различения социально-государственной цензуры в социолекте и личной цензуры и ответственности в идиолекте. Соотношение социальной цензуры и автоцензуры является малоисследованным, очень важным и интересным аспектом проявлений социального языкового опыта.

Определяющее влияние на содержание категории „демократизация языка” оказывает методологическое понимание (рефлексивное либо спонтанно-интуитивное) онтологии языка (языка как социолекта и языка как идиолекта). Различное понимание онтологии языка как в научных исследованиях, так и в обыденном общении проявляется в различном влиянии мировоззрений на языковое поведение субъектов социума. Недостаточно изученным и оцененным остается обратное воздействие языка (языковых стереотипов) на сознание и волю человека, на продуктивность и репродуктивность его мышления и поведения.

В связи с преобладанием в современном языкознании социологических теорий языка является актуальной необходимостью создания теории языковой личности, то есть теории идиолекта.

Библиография

- Бодуэн де Кургенэ И. (1963). *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. I. Москва.
Бродский Вс. (2005). *Найти „Брата” в литературе*. Огонек, № 9, s. 12–19.
Кронгауз М. (2002). *Язык мой – враг мой*. Новый мир, №10.
Радзинский Эд. (2005). *Новые люди возьмут страну*. Огонек, № 3, s. 25–31.
Чередниченко Т. (2002). *Саундтреки*. Новый мир, №5.

SUMMARY**Criteria of the democratization of language**

In the present paper aspects of lexical meaning of the term ‘democratization of language’ are analyzed – positive and negative peculiarity of the meaning of that term. The methodological problem of ontology of language is discussed with the special attention to forms of individual and social language as well as the category of censorship (from the perspective of necessity of differentiation between the aspects of censorship: individual and social).

Татьяна Рамза

Біа́лорускі Універсітет Па́ństwowy
w Mińsku

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВ МАСС-МЕДИА (НА МАТЕРИАЛЕ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ БЕЛАРУСИ И БЕЛОРУСОВ)

1. Отличие процессов демократизации в русском и белорусском языках.

Если под процессами демократизации литературного языка понимать „овладение нормами литературного языка широкими народными массами, взаимную адаптацию лингвемы и социалемы при изменении социального содержания последней” [Журавлев 1982: 193], то в отношении к белорусскому литературному языку происходит процесс диаметрально противоположный: белорусский язык становится всё более элитарным в том смысле, что численность его реальных пользователей ограничивается в большинстве своём гуманитариями¹. Феномен совмещенного двуязычия – *трасянка*, является речевым продуктом исторических условий развития белорусского языка, а не результатом демократизации общества. Хотя „неўнармаванасць трасянкi, яе аморфны і пlynны характар, ў некаторых сітуацыях даюць падставы яе носьбітам проціпастаўляць сябе прадстаўнікам літаратурнай мовы з жорсткай нормай, што патрабуе пэўных намаганняў для яе засваення, як прыхільнікаў дэмакратызацыі, разняволення ці прагматызму ў моўнай сферы” [Цыхун 1998: 87].

Демократизация в русском языке, как отмечают многие лингвисты, проходит под лозунгом вседозволенности (вульгаризация, криминализация, антинормализация) [Лаптева 1999; Костомаров 1999; Сметанина 2002 и др.]: „Если еще совсем недавно главным ее [русской языковой системы] ориентиром был литературный стандарт, то теперь этот ориентир развернут в противоположную сторону, с явным

¹ Небезынтересным будет факт, что сейчас в Беларуси ведущие западные компании „Самсунг”, „Панасоник” и др. перешли в рекламе своей продукции на белорусский язык. Основной аргумент менеджеров: „А белорусский язык сегодня более элитарный, чем русский. [...] «Элітарная мова – элітарная прадукцыя». «Пісьменна» ім владзеюць людзі інтэлігентныя, абразаваныя” [Комсомольская правда, 2005, 14 янв., с. 16].

креном к субстандарту в широком смысле” [Мокиенко 2004: 36]. В белорусском литературном языке таких очевидных деконструктивных языковых процессов не происходит, и этому есть несколько взаимообусловленных причин: во-первых, ограниченное использование белорусского языка, во-вторых, контингент его носителей, в-третьих, отсутствие или неразвитость самой системы белорусскоязычного субстандарта. „В белорусском языке такой экспансии сниженной лексики не наблюдается, поскольку молодежь, наиболее активно реагирующая на любые новшества, чаще использует русский язык. Что же касается творческой интеллигенции, то она достаточно консервативна (в хорошем смысле этого слова) для того, чтобы «разбавлять» литературный язык жаргонизмами, источником которых является русский язык” [Ровдо 2004: 66].

2. Демократизация нормы в белорусском литературном языке. В отличие от русского, в конце XX в. демократизация в белорусском языке приобрела иной сильный крен: изменилось отношение к орфографической норме, следствием чего стало использование, кроме официально закрепленной правописной традиции, альтернативного литературного стандарта – *тарашкевицы* или отдельных ее элементов. Такое языковое сопротивление как „естественная реакция носителей языка на кодификацию норм” [Купина 1999: 7] наиболее выразительно и открыто проявилось в неформальных белорусскоязычных СМИ, которые игнорируют нормы „аффицинай” мовы и строят свои тексты на принципе „палярнага пурызму” [Садоўскі 2000; Кіклевіч, Пацехіна 2000; Kiklewicz 2003 и др.].

Кроме такого, на первый взгляд, внешнего, послабления нормы, вначале затронувшего и ряд государственных изданий, происходит процесс демократизации содержания самих текстов СМИ, который проявляется в сознательной демонстрации нормативно-языковой недисциплинированности авторов текстов, в своеобразной „демократической самодеятельности” (Н. Бердяев). И в этом аспекте белорусский язык стал средством манипуляции: использование его в определенном контексте и при определенных условиях позволяет четко маркировать отношение к говорящим на этом языке: напр., вкрапления в русскоязычный текст белорусских слов или сочетаний, чтобы открыто продемонстрировать свою негативную позицию к инакомыслящим: *беларускія спрытнюгі, нашы „патрыёты”, айчыныя „змагары за дэмакратыю”, спадары-апазіцыянеры, нашы „асабліва свядомыя”* и т.п. Так, „*слова свядомы журналістамі, якія знаходзяцца на службе ў дзяржаўных сродках масавай інфармацыі, цяпер ужываецца толькі ў адмоўным і здэклівым эансе*” [Дзудзюк 2003: 241]. Желая очернить своих оппонентов, журналисты осознанно или неосознанно принижают этим и белорусскоговорящих жителей, и, главное, статус родного языка в обществе, так „проблемы политики неожиданно становятся проблемами чисто лингвистическими и культурными” [Баранов, Казакевич 1991: 7]. Это уже не столько процесс демократизации языка прессы, сколько пренебрежение этикой, сознательное игнорирование кодифицированной нормы общения; критика

государственными СМИ людей, принадлежащих к оппозиции, никак не соответствует моральным нормам ведения дискуссии, а ведь именно „степень развития политического диалога свидетельствует о развитии демократии в обществе” [там же: 5–6].

Наступившая языковая свобода от этических норм как нельзя лучше способствует деформированию общественного сознания: использование белорусского языка в бытовом общении является чуть ли не маркёром принадлежности к националистам, „бэнээфайцам”. Общий спад престижности родного языка сопровождается языковым и культурным отчуждением, настороженностью к людям, разговаривающим на нём в повседневности.

3. Пахмурны край, или метафорический образ Беларуси в негосударственных СМИ. Тенденция к демократизации содержания в белорусскоязычной негосударственной периодике проявилась прежде всего в открытых, я бы сказала, „оголенно” негативных дефинициях Беларуси и белорусов, что, безусловно, является реакцией на определенную аполитичность белорусского народа, на т.н. „белорусскую толерантность” и, конечно, на упорное нежелание массового белоруса говорить на родном языке. Многочисленные сравнения, перифразы, пейоративные метафоры, реминисценции, игра слов – в совокупности создают тот образ страны (*пахмурны край*) и ее жителей (*бульбашоў, мстачковых трасяначнікаў*), который сами белорусы (авторы этих определений) не приемлют.

Эмпирической базой такому выводу послужил материал журнала „Arche” (2000, № 7), в котором опубликована версия звучавшей на протяжении всего 1999 г. в эфире радио „Свабода” передачи *Слова дня*. Этот концептуальный проект, приобретший печатную форму, вышел как *Слоўнік Свабоды*, идея которого, по словам авторов, „у падзагалоўку: «XX стагоддзе ў беларускай мове»”, а главная цель – „даць мастацкае апісаньне і тлумачэньне вызначальных для сёньняшняй беларускай сапраўднасці зьяваў і працэсаў” [Слоўнік 2000: 8].

Исходя из заявленной темы, в данном сообщении актуализирован только тот материал, который 1) касается вторичной номинации Беларуси и белорусов (лексические метафоры, сравнения, перифразы) и который 2) „подпадал” под понятие очерченных выше процессов демократизации, следовательно, он **заведомо односторонний**, т.к. не включает в себя положительного материала, являющегося литературным стандартом.

3.1. Беларусь – архіпелаг. С точки зрения когнитивной лингвистики, большинство метафор в представлении Беларуси основаны на базовой ориентационной метафоре ‘ограниченное пространство’, или ‘вместилище’ (что абсолютно логично, т.к. любое государство – это прежде всего единство территории), ср.:

Беларусь

як запаведная савецкая зона
архіпелаг
лялечны тэатр
бульбяное поле СССР
вялікая аранжарэя міліцэйскіх бананаў
як прыродны асяродак крата
балота
царства змроку, падзем'е

Приведенные конструкции как метафорические выражения „niedookreślone w tym sensie, że jest otwarte na wiele interpretacji semantycznych” [Kiklewicz 2005], но в нашем случае обязательно предполагают фоновые знания у читателя, а именно: осведомленность о политических и экономических событиях, происходивших в стране; знания истории белорусского народа и становления белорусской государственности; определенной компетентности в культурной жизни страны; ориентации в творчестве белорусских писателей и белорусских „прецедентных феноменах” (термин В. Красных), в конце концов, активное владение языком, чтобы адекватно воспринять авторский сарказм, игру слов, подтекст, определенную коллажность и экспрессию. В этих номинациях „экспрессивные средства приобретают интеллектуальную напряженность и становятся носителями информации, способными формировать содержательную канву высказывания” [Сметанина 2002: 52].

В качестве подтверждения – метафора *Беларусь – архіпелаг*. Первая ассоциация – *Архіпелаг ГУЛАГ* А. Солженицына – нивелируется в контексте, где эксплицируются новые ассоциативные связи и смыслы: [...] **метафара архіпэлягу ўсё часцей ужываецца для абазначэння Беларусі як цэлага**. [...] *калі б нехта паспрабаваў на агульным полі нашай дзяржавы пазначыць адметным колерам тыя месцы, дзе заўважана прысутнічаюць беларуская мова, беларуская культура, урэшце, проста любоў да краіны Беларусі, то б [...] мы ўбачылі нешта накшталт архіпэлягу*. *Унутры дзяржаўных межаў паасобку ці групамі раскіданыя астравы і астраўкі беларушчыны. А ўсё астатняе – неабсяжнае мора расейшчыны* [Слоўнік 2000: 19]. Неординарная лексическая сочетаемость *астравы і астраўкі беларушчыны, мора расейшчыны* акцентирует прежде всего количественное несоответствие белорусско- и русскоговорящих.

Метафора *Уся краіна – як прыродны асяродак крата* [Слоўнік 2000: 68] является развёрнутой аллюзией на „прецедентный” (т.е. широко известный) текст М. Богдановича *Народ, Беларускі Народ! Ты цёмны, сляпы, быццам крот* (1913) и предусматривает актуализацию имплицитно связанных с этим ассоциаций, но в проекции на события сегодняшнего дня.

3.2. Беларусь – жанчына. Второй блок метафорических выражений представляет Беларусь как женщину, от трогательно незащищенной (*невинная невеста*) до патологически обреченной (*гермафродит*). Образ *невесты* (стереотипная ситуация ‘неравный брак’) используется при оценке белорусско-российских отношений: *трагічны шлюб, што гвалтам навязваюць [...] нашай маладой цнатлівай нявесьце-Беларусі зь перастарэлым ды невылечна-распусным і хранічна-нецвярозым суседам-жаніхом, які даўно ні на што ўжо ня варты са сваім шматлікім прэстым гарэмам, але ж да чужога і маладзейшага ўсё яшчэ агідна ласы* [Слоўнік 2000: 199]. С помощью образа *женщины*, которой изменили пол, оцениваются последствия бездумной мелиорации страны, после чего *Беларусь развіталася са сваёй жаночай сутнасцю [...] стала як жанчына з пэнісам. Якая звонку выдае на мужчыну, але няздольная ні праліць жыццьядайнае семя, ні прыняць яго ў сябе* [Слоўнік 2000: 119–120].

Такой „семантический вызов” (П. Рикёр), или „семантическая дерзость” (Ж. Козн), являясь отклонением от принятого стандарта, нормы, удерживает оригинальную авторскую интерпретацию, которая открывает новый ракурс видения проблемы: „метафорическое значение состоит не только в семантическом конфликте, но и в *новом* предикативном значении, которое возникает из руин буквального значения” [Рикёр 1990: 419–420]. Думается, главная цель подобных метафор не в эпатажном самовыражении, а в социализировании своих эмоций с целью информационного воздействия на адресата. Поэтому такая окказиональная образность имеет, на мой взгляд, отрицательный эстетико-психологический эффект для читателя – уж очень „за державу обидно”.

3.3. Беларусь кар’ерная. Образность в представлении Беларуси в третьем блоке метафор, которые выражают каузальность через определение или перифразу, также имеет явное „эмоциональное отчуждение” (В. Г. Костомаров), ср.:

Беларусь	кар’ерная
	сярмяжная, латцюзная
	краіна пастаянных дэфіцытаў
	Краіна ў кратах
	краіна ў лябірынце

Метафора *Беларусь кар’ерная* основывается на прецедентном (ключевом) тексте В. Быкова *Кар’ер*. Слово *кар’ер* (‘месца адкрытай здабычы карысных выкапняў, а таксама месца, дзе капаюць гліну, пясок і пад.’) возводится до ранга абстрактного понятия: *Кар’ер – гэта парушаны культурны слой, патрывожсаная памяць* [Слоўнік 2000: 86].

Свобода в выборе средств номинации, личностные интенции и оценки способствуют созданию стихийных, но сильно экспрессивно маркированных номинаций Беларуси, появившихся как реакция на общественно-политические события в стране и ее основной экономико-политический курс, ср.: *Країна ў кратах* и *Беларусь – вялікая аранжарэя міліцэйскіх бананаў* [Слоўнік 2000: 92; 13]; *країна ў лябірынце* и *Беларусь як заваедная савецкая зона* [Слоўнік 2000: 106; 24].

Эти и подобные им примеры свидетельствуют, с одной стороны, об интеллектуализированном характере вторичных номинаций, а с другой – об их разговорной основе, сильном эмоционально-экспрессивном компоненте.

4. Пакрыўджаныя, якія мараць пра тое, каб „людзьмі звацца”. Независимость в выборе и интерпретации темы и в средствах ее выражения обусловили в текстах негосударственных СМИ неприкрытую, полемически-заостренную оценку состояния белорусского общества, и как следствие – доминирование негативно-эмоциональной характеристики белоруса (причём авторы не отделяют себя от коллективного *мы*), ср.: *мы, як баязлівыя зайцы на купінах, азіраемся – хто адымае вітаміны?*; *мы, быццам якія палінезійцы, жывем на выспах архіпелягу і самотна выглядаем адзін аднаго на даляглядзе*; *мы – „людзі на балоце”*; *мы – тхло* (‘рыба, якая затохлася пад лёдам’) [Слоўнік 2000: 10, 19, 25; 180]. В отличие от государственных масс-медиа, которые по-прежнему находятся в прокрустовом ложе контрастного восхваления (у нас, белорусов, лучше всех), в неформальных СМИ скорее преобладает противоположная тенденция (*мы хуже всех*) – умаление себя, ироничность и даже циничность.

Если в глазах соседей-поляков терпение, выносливость, спокойствие – позитивные черты белорусов [Кажанеўска-Бэрчыньска 2003: 237-238; Радзік 2003: 182], то для создателей рассмотренных текстов – порок, выразительными маркёрами этому служат определения: *беларус вылучаеца сваёй паталагічнай цяжкісцю*; *гэткая ідыёцкая цяжкісць*; *мяккасць характару сёння – гэткі самы крымінал для нацыі*, *як ужыванне мяккага знаку – крымінал для ўладаў* [Слоўнік 2000: 17; 202]. Но по словам П. Васюченко, мифологизированному „белорусу як істоце звышцяжкісць, звышталерантнай” сопротивляется белорус исторический, который „*бярэцца за зброю тады, калі ніхто ад яго гэтага не чакае*”, а реальны белорус „*не клапоціцца, каб яго дужа любілі. Беларусу больш актуальна, каб яго не чапалі*” [Васючэнка 2004].

Не только пассивность, но и добровольный отказ массового белоруса, *местачковага трасяначніка*, от родного языка вызывает у авторов осуждение, поэтому такой „адмысловай немачы” белорусов ставится диагноз – *алергія на Бацькаўшчыну* [Слоўнік 2000: 14]. К сожалению, „болезнь” эта разрушительна для белорусского общества и вызывает пессимизм и неуверенность в завтрашнем дне даже у оптимистов: *Пакуль іншыя народы прырасталі здабыткамі, мы мацаваліся стратамі. І цяпер мы багатыя на „няма”, як ніхто. У нас няма гіторыі, няма мовы, няма свабоды, няма ладу і, магчыма, хутка ня будзе дзяржавы. Дый пра саміх беларусаў хто ўпэўнена скажа: ці то яны ёсць, ці то іх няма?* [Слоўнік 2000: 125].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что свобода от идеологического стандарта предопределила свободу в организации текстов негосударственных белорусскоязычных СМИ и определенную „самодетельность” в использовании метафорических средств языка. Чтобы „достучаться” до сознания массового белоруса и каким-то образом воздействовать на него, авторы текстов провоцируют читателя далеко не лестными сравнениями и определениями. Но, адресуясь к массе, они в большинстве своём находят отклик только у небольшой группы общества – интеллигенции, т.к. и само издание является элитным, ориентированным на хорошо подготовленного читателя.

Библиография

- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. (1991). *Парламентские дебаты: традиции и новации*. Москва.
- Васючэнка П. (2004). *Беларус вачыма беларуса. Беларус міфалагізаваны, гістарычны, рэальны*. Arche, № 4, с. 115–130.
- Дзудзюк З. (2003). *Прыхаваная асіміляцыя*. W: *Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі: Матэрыялы Міжнароднага сімпозіума*. Мінск, 9–10 ліп. 2002 г.: У 2-х кн. Кн. 1 / Рэдкал.: В. Якавенка (гал. рэд.) і інш. Мінск, с. 240–242.
- Журавлев В. К. (1982). *Внешние и внутренние факторы языковой эволюции*. Москва.
- Кажанеўска-Бэрчыньска І. (2003). *Вобраз сённяшняга беларуса ў польскай масавай свядомасці*. W: *Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі: Матэрыялы Міжнароднага сімпозіума*. Мінск, 9–10 ліп. 2002 г. У 2-х кн. Кн. 2 / Рэдкал.: В. Якавенка (гал. рэд.) і інш. Мінск, с. 237–243.
- Кіклевіч А., Пацехіна А. (2000). *Беларуская літаратурная норма: дынаміка і інавацыі (на матэрыялах сучаснага беларускага друку)*. Slavia Orientalis, т. XLIX, № 1, s. 93–105.
- Костомаров В. Г. (1999). *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Санкт-Петербург.
- Купина Н. А. (1999). *Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры*. Екатеринбург.
- Лаптева О. А. (1999). *Живая разговорная речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте*. Москва.
- Мокиенко В. (2004). *Источники фразеологической неологизации в русском языке*. W: *Ślowo. Tekst. Czas. Nowe środki nominacji językowej w nowej Europie. Materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21–22 listopada 2003 r.)*. Szczecin, с. 27–38.
- Радзік Р. (2003). *Палякі-беларусы: культурная абумоўленасць рознасці светапоглядаў*. W: *Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі: Матэрыялы Міжнароднага сімпозіума*. Мінск, 9–10 ліп. 2002 г. У 2-х кн. Кн. 2 / Рэдкал.: В. Якавенка (гал. рэд.) і інш. Мінск, с. 170–182.
- Рикёр П. (1990). *Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение*. W: *Теория метафоры*. Москва, с. 416–134.
- Ровдо И. С. (2004). *О некоторых проявлениях национальной специфики языка*. W: *Язык и социум: Материалы VI Междунар. науч. конф. Минск, 3–4 декабря 2004 г.* В 2 ч. Ч. 1 / Редкол. Л. Н. Чумак (отв. ред.) Минск, с. 66–69.
- Садоўскі П. (2000). *Інавацыі 90-х гадоў у мове беларускіх нездзяржаўных выданняў*. W: *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў „Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый” (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г.)* Рэдкал.: Г. Цыхун (гал. рэд.) і інш. Мінск, с. 222–234.

- Слоўнік Свабоды. XX стагодзьдзе ў беларускай мове: Слова на дзень для памяці і для роздуму.* Агсхе, № 7. Мінск 2000.
- Сметанина С. И. (2002). *Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века)*. Санкт-Петербург.
- Цыхун Г. А. (1998). „Трасянка” як аб’ект лінгвістычнага даследавання. W: *Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 22–24 кастрычніка 1997 г.)*. Мінск, с. 83–89.
- Kiklewicz A. (2003). *Język polski obojga narodów? Wpływ języka polskiego na język białoruskich mediów*. W: *Język trzeciego tysiąclecia. T. 2. Polszczyzna a języki obce: przekład i dydaktyka*. Red. W. Chłopicki. Kraków, s. 321–329.
- Kiklewicz A. (2005). *Kognitywna teoria metafory: zagadnienia dyskusyjne* [w druku]

SUMMARY

Democratization of the content of mass media texts (based on secondary nomination of Belarus and Belarusians)

The article deals with the process of democratization in Belarusian press texts. The author points to the tendency towards democratization in the Belarusian language in comparison with Russian and draws some conclusions. Firstly, the attitude to spelling norms has changed, which is proved by parallel existence of two spelling traditions. Secondly, democratization of the content of journalistic texts is observed not in domination of non-standard vocabulary, typical of Russian, but in specific ‘semantic innovations’, metaphors with negative connotations. Secondary nomination of Belarus and Belarusians in private mass media is in the focus of the author’s attention.

Halina Kudlińska

Zakład Lingwistyki Stosowanej
Uniwersytetu Łódzkiego

СТЕРВОЛОГИЯ, CZYLI O WSPÓŁCZESNEJ KOBIECIE ROSYJSKIEJ BEZ CENZURY

W rosyjskiej przestrzeni medialnej – na rynku wydawniczym poradników dla kobiet, w usługach (para)psychologicznych, na stronach internetowych – pojawiły się ostatnio w językowym obrazie świata nowe konceptualizacje w polu semantycznym pojęcia ‘kobieta’. Chodzi tu o leksem wartościujący *стерва* i jego pochodne: *стервочка*, *стервоза*, *стервиссимо*, odznaczające się wysokim stopniem ekspresywności i używane często w nowym znaczeniu, którego nie rejestruje – jak dotąd – żaden słownik rosyjski. Warto podkreślić, że słowa te jako byty kulturowe zaliczają się do leksyki bezekwiwalentnej. Odnotować także należy istnienie dwóch rozpowszechnionych neologizmów o charakterze terminologicznym: *стервология* oraz *стервософия*¹.

Niniejszy szkic stanowi próbę usystematyzowania przedstawionego zjawiska oraz zbadania jego wielu istotnych elementów w oparciu o zestawienie obszernych i różnorodnych danych. W centrum naszej uwagi znajduje się najnowsze słownictwo potocznej ruszczyzny o szerokim zasięgu (tzw. wyrazy intersocjolektalne), zgromadzone w oparciu o popularne i liczne poradniki dla kobiet z serii wydawniczej „Стервология”, a także różnorodne źródła elektroniczne (internetowe strony prasowe, materiały reklamowe i recenzje książek, portale i strony tematyczne, teksty spontaniczne, zamieszczone na wielu internetowych forach dyskusyjnych)².

Według wielu słowników objaśniających języka rosyjskiego (Ożeg., Dal, Kuzn., Khimik, SRB)³ rzeczownik *стерва*, nacechowany potocznością schodzącą poniżej normy języka literackiego, przynależy do obszaru językowego określanego terminem *просторечие* i używany jest w znaczeniach:

1. *надаль, труп животного*; (oraz wtórnice w żargonach) *труп человека*.
Por. Dal: *Сегодня корова, завтра стерва*;

¹ Derywaty te funkcjonują w ramach produktywnego typu słowotwórczego, który oznacza nazwy teorii/nauki/doktryny związanej z obiektem określonym w pierwszej części wyrazu złożonego.

² Wykaz wykorzystanych materiałów źródłowych znajduje się na końcu pracy.

³ Niniejszy szkic nie uwzględnia niezwykle interesującego zagadnienia słowiańskiej etymologii słowa *стерва*.

2. *подлый, мерзкий человек* (obelż. o mężczyźnie i kobiecie);

3. najczęściej w najnowszych słownikach (np. Kuzn., Khimik): *подлый, мерзкий человек* (o kobiecie). W obu wymienionych leksykonach jest to znaczenie podstawowe, pierwsze, co oznacza, że słowo *стерва* ma we współczesnej ruszczyźnie prawie wyłącznie konotacje żeńskie. Reasumując można stwierdzić, że wyraz ten w leksykografii rosyjskiej występuje jako ekspresywizm z jednoznacznie negatywną oceną.

Inaczej rzecz się przedstawia w przypadku najnowszych użyc leksemu *стерва* w rosyjskich tekstach kultury masowej, które pozwalają na zbudowanie zgoła odmiennego portretu językowego współczesnej kobiety rosyjskiej. A zatem – kim jest *стерва* jako model kobiety zbudowany w oparciu o zgromadzony korpus tekstów, jako byt kulturowy ukształtowany w świadomości przeciętnego użytkownika ruszczyzny? Jaki jest zestaw cech oraz sfer realno-znaczeniowych, a także typowych form werbalizacji wyznaczających model interpretacyjny badanego pojęcia?

Analizę rozpocznę od uwag ogólnych. Już pobieżny ogląd materiału językowego pozwala zauważyć, iż leksem *стерва* tworzy opozycję dychotomiczną typu **A : nie-A** z innymi eksplikacjami. Przyjrzyjmy się im bliżej:

<i>стерва</i>	<i>нестерва</i>
– <i>настоящая женщина</i> (<i>Стервой, т.е. настоящей женщиной</i> <i>можно стать при желании и</i> <i>изнурительных тренировках.</i>)	– <i>хорошая/обычная⁴ женщина</i> (<i>Стервология – это целая наука,</i> <i>предназначенная для тех, кто устал</i> <i>быть „обычной женщиной”</i>)
– <i>дрянная девчонка/плохая девочка</i> (<i>rog. Хорошие девочки отправляются</i> <i>на небеса, а плохие – куда захотят</i>)	– <i>хорошая девочка</i>
– <i>бизнес-стерва</i>	– <i>бизнес-леди</i>

Na pierwszy rzut oka człon opozycji **A** (*стерва*) otrzymuje znak „–”, gdyż jest wartościowany negatywnie, ale jedynie w tradycyjnym, normatywnym, „standardowym” obrazie świata, budowanym słowami rosyjskiego języka literackiego. Opozycyjny człon **nie-A** (*нестерва*) otrzymuje tu ocenę pozytywną.

Wektory aksjologiczne radykalnie zmieniają swe kierunki, gdy ze świata języka literackiego i tzw. kultury wysokiej przeniesiemy się do antyświata, kontrświata, świata na opak⁵, czyli innego świata możliwego, stworzonego w alternatywnej i opozycyjnej (sub)kulturze popularnej, osadzonej w żywole ruszczyzny kolokwialnej. W aksjologii antyświata *стерва* otrzymuje wyrazisty znak „+”, natomiast *нестерва* jest wartościowana negatywnie. Waloryzacja melioratywna ujawnia się w eksplikacjach:

⁴ W wyrażeniu *звычайна кобіета* określnik *звычайна* został użyty zgodnie ze znanym w reklamie chwytem ‘zwykły’ = ‘gorszy’. Por. [Zimny 1995: 245-246].

⁵ Warto tu wspomnieć o interesującym ujęciu kategorii potoczności i związanym z nim obrazem antyświata w języku i kulturze rosyjskiej przedstawionym w monografii [Химик 2000].

Ну и стерва! Вот это да! // Стерва – это великолепно, это звучит гордо // Стервы – это наш идеал // Теперь это слово произносят скорее одобрительно.

W jaki sposób kobieta może zmienić swe życie, aby osiągnąć wzorzec i ideał kobiecości zawarty w pojęciu *стерва*? Okazuje się, że najbardziej skutecznym środkiem jest udział w organizowanych powszechnie kursach, treningach i szkoleniach. Często są tu nazwy: *школа настоящей стервы, тренинг „Стервология”, практический курс стервологии*. Inną zalecaną metodą jest lektura odpowiednich poradników, por. wyrażenia: *руководство/пособие по стервологии, настольная книга стервы*. System edukacji w tym zakresie jest nietatwy i wielostopniowy, stąd mamy np. *пособие для начинающей стервы* i *бизнес-класс для деловой стервы* oraz gradację ekspresywnych określeń pod względem prezentowanych umiejętności: *стервочка – стерва – стервоза – стервиссимо*. Doświadczone, sprawdzone w wielu sytuacjach mistrzyni otrzymują określenia: *порядочные, первоклассные, опытные стервы, стервы высшей пробы*. Często dzielą się swym doświadczeniem z innymi; por. tytuły poradników: *„Исповедь одинокой стервы. Очень откровенно”, „Дневник эгоистки, или Стерва поневоле”* itp.

W strukturze semantycznej analizowanego pojęcia zawarty jest znaczny ładunek informacji: *Стерва – это целый набор понятий и свойств, уложенный в единственное емкое слово*.

Szczegółowy opis wizerunku, który przedstawiony został poniżej, uwzględnia podział na sfery znaczeniowe:

1. Sfera fizyczna (powierzchność, uroda)

Jak wynika z materiału językowego, *стерва* jest postrzegana (zgodnie z uniwersalnym stereotypem kobiecej roli społecznej)⁶ przez pryzmat urody i fizycznej atrakcyjności. Charakteryzuje się pociągającą powierzchownością, wdziękiem i czarem. Troszczy się o swój wygląd według wskazań mody, pielęgnuje urodę, gdyż jest ona jej wielkim atutem i często stosowaną bronią. Nieustannie doskonalili także język ciała (postawę, gesty i mimikę).

Oto kilka ilustracji: *Поняв, что главное оружие – красота, может увянуть, усиленно занимаются продлением молодости // Стерва всегда замечательно выглядит. Никогда не выйдет из дома без маникюра, без макияжа, с немытыми волосами. Она четко знает, что ей идет, что ей надо, чтобы блестяще выглядеть, у нее свой стиль, от которого она никогда не отступает // Она безупречно держит себя – я имею в виду и осанку, и жестикуляцию, и мимику – это все наполнено неуловимым шармом.*

⁶ Por. np. [Karwatowska, Szpyra-Kozłowska 2005].

2. Sfera przeżyć psychicznych (cechy psychiczne, charakterologiczne i społeczne)

Стерва jest bez wątpienia postacią wyrazistą, silną duchem, odpowiedzialną, samodzielną i samowystarczalną. Świadczą o tym następujące przykłady: *Она самодостаточна, гуляет сама по себе и не тяготится одиночеством. // Стерва – это уверенность в себе, это сила, ответственность, умение отстаивать свою точку зрения, невзирая на давление oraz typowe kolokacje: сильная, непотопляемая, самостоятельная, самодостаточная.*

Cechuje ją mądrość i inteligencja. Ma refleks, elastycznie reaguje na sytuacje, potrafi błyskotliwie rozmawiać. Celnie ripostuje, nieobca jest jej ironia. Potrafi snuć misterne intrygi, zakładać sidła i ustawiać pułapki na przeciwnika. Przyjrzyjmy się poniższym przykładom: *Умна, иронична. Основные её качества – спокойствие и самодостаточность // Она может искусно плести интриги, расставлять ловушки и сети, но делает это неявно и ненавязчиво, не опускаясь до склок и выяснения отношений.*

Ma wyrazisty system wartości i jasno sprecyzowane priorytety życiowe. W jej życiu zaznacza się dominacja dóbr materialnych nad duchowymi. Wie, czego chce od życia i jak to osiągnąć: *Стерва знает, чего хочет, и твердо идет к своей цели. Swój potencjał intelektualny i urodę wykorzystuje w celach handlowych (np. dla kariery): Это женщина, использующая в корыстных целях свой ум и красоту.*

Jest kapryśną egoistką, świat kręci się wokół niej: *Стерва – это женщина, которая в отношениях с людьми всегда преследует только свою выгоду, мало заботясь о чьих-то чувствах // Всегда выбирает она, а не её // Стерва ведь – всегда королева, которая повелевает. Nie umie się przyjaźnić ani pokochać. Основное качество стервы – неспособность любить – дарить себя, не требуя ничего взамен, кроме ответных чувств.*

Jest asertywna: *Умение говорить „нет” твердо и вместе с тем не обидно – тоже из области „стервозного”.*

3. Cechy zachowań i działań, styl życia

Стерва jako kobieta niezależna i samowystarczalna najczęściej żyje samotnie, bez męża, dzieci i przyjaciół: *Стерва – одинокая, „ничейная” женщина // Стервы гуляют сами по себе, как кошки // Скорее, её удел – публичное одиночество, ибо она обречена вечно быть в центре внимания: восхищенного со стороны мужчин, завистливого – со стороны женщин. Nie należy do domatorek: Быть домашней козявкой скучно // предпочтительно не домоседка, потому что домохозяйкам легче скатиться до уровня халата и тапочек. Jest przysłowiową „kobietą pracującą” (деловая стерва, бизнес-стерва), która w pracy zawodowej osiąga sukces i robi spektakularną karierę.*

Punktem odniesienia jest zawsze mężczyzna, jego pozycja społeczno-ekonomiczna i towarzyska; poprzez związek z nim kobieta chce osiągnąć swoje cele i korzyści. *Стерва* nie może zaznać szczęścia w trwałym związku z mężczyzną, gdyż traktuje ród męski instrumentalnie. Zwykle dominuje nad mężczyznami i w wyrafinowany sposób manipuluje nimi: *Стерва – это умение тонко и изячно манипулировать // Стерва виртуозно владеет искусством манипуляции // Если и манипулирует мужьями, то те ничего такого даже не замечают.* Jest to tym łatwiejsze, że ma powodzenie u mężczyzn ze względu na swoją niezwykle atrakcyjność erotyczną, por. częste kolokacje: *чувственная, сексуальная, богиня секса, брызжущая сексуальность.*

Reprezentuje typ *femme fatale*, kobiety wampa, o czym świadczą następujące przykłady: *Стерва - женщина-вамп, она же – фатальная красotka, она же – роковая женщина // Прекрасно выглядит, кружим головы мужчинам и вызывает зависть у других женщин // женщины-стервы в полной мере владеют искусством флирта, игры в „кошки-мышки” // Многие мужчины отождествляют стерву в женщиной-вамп – роскошной, сексапильной, порочной.*

Стерва świadomie przekracza niejawną (choć wyraziście zarysowaną w kulturze) granicę między światem męskim i kobiecym, wyznaczoną przez dawno ustalone patriarchalne normy życia. Łamie tabu obyczajowe i stereotypowe wzorce kobiecych zachowań, które kobietę uprzedmiotawiają i deprecjonują. *Стерва* przejmuje męskie role, przejawia aktywność seksualną, dominuje nad płcią przeciwną; por. *В общем, получилась некая личность, которая не вписывается в устоявшиеся нормы поведения и морали // Стерва – это определение для любой женщины, взявшей на вооружение мужскую линию поведения, в основе которой заложена борьба, конкуренция, потребность в доминировании и выраженное стремление любыми путями достичь поставленной цели // Стерва – та, которая поступает с мужчиной точно так же, как он привык поступать с ней.* Dlatego też toczy walkę z mężczyznami o prawo do zaistnienia w tradycyjnie męskim świecie (np. w biznesie), stosując z całą premedytacją surowe reguły walki o przetrwanie, działające w tej przestrzeni społecznej: *Стервы – женщины, твердо усвоившие правила игры и осознанно идущие на подлость // Стерва постигла все тайны мужской логики. Мужчины играют по ее правилам // Стервология – уникальная возможность научиться быть успешной женщиной, особенно в отношениях с мужчинами // Стервозность – защитное поведение женщин, бунт против мужской власти // Руководство по выживанию в деловом мире мужчин // Стервология – это наука выживания в мире мужчин.* Z tego powodu kobieta jest przedstawiona przy pomocy metafory zwierzęcej jako „drapieżnik” czy też lwica salopowa: *Стерва – всегда хищница, светская львица.* W takim ujęciu *стерва* – не более чем женщина, умеющая показывать коготки в ответ на неадекватное с ней обращение.

Kobietę przedstawia się w porównaniu z mężczyzną jako stroną silniejszą, dominującą. Często występuje tu konwencja walki/polowania, zgodnie z którą kobieta jest skutecznym wojownikiem/myśliwym, zaś mężczyzna – zwierzną łowną i cennym trofeum. Oto przykłady takiego sposobu obrazowania: *Стервология: мастер-класс. Как*

выйти замуж за принца. Выбери добычу и узнай о ней всё. Узнай среду обитания и способы охоты. Расставь капканы и ловушки. „Выстрели” и сразу его наповал! // Стерва – это прежде всего женщина-воин // Стервология – воинское искусство, женская боевая техника.

Ponadto *стерва* jest nieraz charakteryzowana poprzez odniesienia do wartości metafizycznych. Mówi się tu o niezwyklej, tajemniczej aurze: *вокруг стервы создан романтический ореол*, o istnieniu pewnej magicznej formuły: *магическая формула стервы*, a sama omawiana postać określana bywa poprzez peryfrazę *тайна за семью печатями*.

4. Pozycja społeczna

Стерва jest kobietą sukcesu, w związku z czym zajmuje eksponowaną pozycję ekonomiczną, społeczną i osobistą: *Она не в толпе. Она – над толпой. Она умеет „подать себя” везде – на работе, в ресторане, на светском рауте и в постели // Стерва обладает высоким социальным, экономическим и личным статусом. Уznać ją można za profesjonalistkę pod każdym względem: Стерва – это искусство быть красивой, стильной, это профессионализм во всех сферах // Стать профессионалом: компетентной, грамотной, опытной, незаменимой – мастером своего дела // Стерва – сильная и реализованная во всех аспектах женщина. Dlatego też omawiany leksem często staje się synonimem słowa „lider”:* *Стерва – лидер по жизни, женщина по сути, chociaż nazwa ta jako żeński wariant lidera uzyskuje zdecydowanie niższą ewaluację społeczną: Неужели женщина, добывающаяся всего того же более настойчиво, и название ей стерва, а для мужчины придумано другое – лидер!*

Стерва wykazuje wysoki poziom samoświadomości i samoakceptacji. Świadomie wybiera graną przez siebie rolę społeczną i afirmuje własną postawę wobec życia oraz określonego modelu świata. Jest kobietą wyzwoloną i niezależną, ma poczucie własnej wartości i siły: *Стерва – это своего рода суперженщина. Она всегда на высоте // Если женщина не признает того, что она стерва, значит, она не настоящая стерва // стерва обладает взвешенной самооценкой // Вне её самой не существует никаких идеалов // Она сама себе супермодель. И только на себя равняется и ориентируется // уравновешенная, полностью уверенная в себе и своих силах женщина.*

Podsumowując poczynione w szkicu obserwacje należy stwierdzić, że reinterpretacja znaczenia leksykalnego i pragmatycznego analizowanego słowa stanowi świadectwo przemian obyczajowo-społecznych. *Стерва* jako znak kultury jest odpowiedzią na tradycyjny seksizm społeczny i kulturowy, albowiem kreuje model „antyświata”, w którym wyraźnie zaznacza się odwrócenie ról: odrzucenie przez kobietę pozycji podrzędnej i biernej w stosunku do mężczyzny na rzecz aktywności i dominacji nad płcią przeciwną.

Leksem *стерва* jest we współczesnym potocznym języku rosyjskim wewnątrznie zróżnicowany pod względem aksjologicznym. Oprócz początkowo negatywnego za-

barwienia nazwa z czasem zaczyna uzyskiwać konotacje pozytywne i ze sfery peryferyjnej, substandardowej języka rosyjskiego (niejako „z ulicy”) usiłuje przemieścić się w stronę centrum („na salony”). Można zaobserwować wyraźną melioryzację rzeczownika żeńskoosobowego *стерва*. Jest to bez wątpienia nobilitacja wynikająca z modyfikacji semantyki i filtru aksjologicznego, która prowadzi do wyniesienia słowa na bardziej prestiżowe „piętra” systemu leksykalno-semantycznego.

Na koniec przedstawimy wstępną definicję pozytywnie konotowanego leksemu *стерва*: **Стерва** – ‘лицо женского пола, способное на некрасивые поступки, но при этом яркой и незаурядной личности, делающей свои подлости виртуозно, изобретательно, со страстью’.

Wykaz źródeł

- Dal = Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, Т. IV, М. 1980.
- Khimik = Химик В. В., *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, СПб. 2004.
- Kuzn. = *Большой толковый словарь русского языка*, Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов, СПб. 1998.
- Ożeg. = Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю., *Толковый словарь русского языка*, М. 1997.
- SRB = Мокенко В. М., Никитина Т. Г., *Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы)*, СПб. 2003.
- Дайн Р., *Стерва!* <www.amazonky.ru/topic/print.php/?article=148>.
- Калинина О., *Все мы, бабы, - стервы?* <www.delo.to.kg/2005/13/15.shtml>.
- Котляр А., *Женщина-стерва: признак современности?* <www.savchenko.sitecity.ru/ltext>.
- Кузнецова В., *Как стать стервой.* <www.womenspb.ru/article.shtml?txt=447>.
- Легко ли быть стервой?* <www.woman.ru/?TextáID=43256>.
- Молостнова Д., *Стервы – наш идеал.* <www.megapolis.ru/about/mn/?number_id=120article_id=917>.
- Моррис Н., *Стервология.* <www.cn.com.ua/N247/3authors/person/person.html>.
- Стервология или трактат о стервизме.* <<http://babadura.narod.ru/144.htm>>.
- Стервология – наука о настоящих жєницѝнах!* <<http://vlublenska.boom.ru/company.html>>.
- Школа настоящей стервы. Пособие по стервологии.* <<http://content.mail.ru/arch./18122/748451.html>>.
- <<http://club.osinka.ru/viewtopic.php?t=3920&start=30>>.
- <http://herzone.net/so_sterva.htm>.
- <<http://stervologia.ru>>.
- <<http://syntone.ru/trainings/rakovsky.php#st>>.
- <www.amazonky.ru>.
- <www.forum-volgograd.ru/thred/13461.html>.
- <www.kleo.ru/about_you/stervosofia.shtml>.
- <www.mistral.ru/default_rp_29_lv1_2.html>.
- <www.shpilka.ru/content/stervology>.
- <www.sterva.biz>.
- <www.sterva.ru>.
- <www.woman.ru>.
- <www.womenspb.ru>.

Bibliografia

- Karwatowska M., Szpyra-Kozłowska J. (2005). *Lingwistyka płci. Ona i on w języku polskim*. Lublin.
- Zimny R. (1995). *Wartościowanie i magia w języku reklamy*. W: *Kreowanie świata w tekstach*. Pod red. A. M. Lewickiego, R. Tokarskiego. Lublin, s. 239–254.
- Химик В. В. (2000). *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*. СПб.

SUMMARY***Стервология – about a Modern Russian Woman without a Censorship***

The aim of the present paper is to analyse the Russian substandard nominative unit *стерва* referred to the lexico-semantic field of ‘woman’. In the light of the presented discussion, based on contemporary printed and electronic texts, it can be said that the lexeme *стерва* has achieved new positive conceptualizations in the area of Russian mass communication. The analysed phenomenon may be considered as an evidence of social changes.

Björn Hansen

Uniwersytet w Regensburgu

ЭКОНОМНЫЕ, КАК НЕМЦЫ.
НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В КОННОТАЦИЯХ ЭТНОНИМОВ В РУССКОМ
И ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

1. Введение

Как известно, и на тему стереотипов и на тему коннотации написано довольно много исследовательских работ в разных научных дисциплинах. В особенности в Польше существует обширная литература, которая посвящена именно связи между национальными стереотипами и лексическим значением этнонимов. Большая часть этих исследований была проведена и еще проводится представителями так называемой люблинской этнолингвистической школы под руководством Ежи Бартмиńskiego (напр. „Etnolingwistyka”, t. 14 [Bartmiński/Panasiuk 2001]). Другой подход представляет теория „карт ментальных” („mapy mentalne” [Chlebda 2001]). На основе этих фундаментальных теоретических и эмпирических работ, во-первых, хотелось бы представить новый эмпирический метод выявления коннотаций этнонимов, а именно корпусно-лингвистический метод. Во-вторых, хотелось бы остановиться на отношении между коннотациями и стереотипами; т.е. на вопросе, следует ли отождествлять коннотации со стереотипами или: входят ли все коннотации в наивную языковую картину мира? В связи с этим анализируются отдельные вторичные значения этнонимов русского и других европейских языков. Предпринимается попытка показать возможности и границы коннотативного подхода.

2. Основные понятия

[Bartmiński et alii. 2002, с. 107] исходят из того, что языковые стереотипы можно реконструировать на основе анализа трех видов источников: первый – коннотации, проявляющиеся в полисемии, словообразовании, коллокациях

и фразеологизмах; второй – стабилизированные ассоциации как результаты экспериментального опроса с помощью анкет и третий источник представляют конкретные тексты, содержащие данные стереотипы.

Термин „стереотип”, который восходит к американскому журналисту Липпманну [1922], многократно обсуждался и ему давались разные определения. Здесь мы понимаем этот термин в смысле [Schaff 1980]. Под стереотипом понимается базирующееся на убеждении суждение со следующими признаками:

1. предметами этих суждений являются прежде всего группы людей (расовые, национальные, классовые, политические, профессиональные, половые и т.п.) и связанные с ними отношения (напр. стереотип революции). Признаки приписываются целому классу индивидов;

2. генезис суждения – социален; суждение не базируется на обобщении личного опыта, а передается от поколения к поколению как часть культурного кода; т.е. стереотип независим от личного опыта;

3. суждение всегда содержит эмоциональный – отрицательный или положительный – компонент;

4. суждение может или соответствовать действительности (*kernel of truth* ‘зерно правды’) или быть полностью ложным;

5. так как это суждение не зависит от личного опыта, оно устойчиво и меняется во временном плане очень медленно;

6. стереотип имеет социальную функцию защиты и укрепления ценностей, принятых в одной группе или в одном обществе;

7. стереотип всегда связан со словом-стимулом.

К этому определению вернемся в разделе 4.

В дальнейшем анализируются вторичные значения русских названий народностей на основе теории коннотаций лексических единиц, разработанной авторами Московской семантической школы. Согласно [Апресяну 1995] и [Иорданской и Мельчуку 1980] коннотации понимаются как смысловые элементы, которые не входят в толкование слова и которые отражают связанные со словом культурные представления о соответствующем референте, господствующие в данном обществе. Эти коннотации проявляются а) в полисемии данного слова, б) в словообразовательных производных и в) во фразеологических сочетаниях, как напр. устойчивых сравнениях.

3. Большие корпуса как источники для анализа стереотипов

В данном разделе хотелось бы представить корпусный подход, как дополнительный метод для выявления стереотипов. Этот метод объединяет данные о системных коннотациях с материалом из конкретных текстов. В дальнейшем будут рассмотрены результаты эмпирических исследований, проведенных студентами Регенсбургского университета в рамках курсов по семантике в 2004 / 05 гг. [Grillborzer 2004], [Krüger 2004], [Lochmann 2004], [Muromova 2004] и [Romić 2005].

Анализируемый в следующих разделах материал взят из Национального корпуса русского языка и из Тюбингенского корпуса русского языка¹.

Данные из корпусов подтверждают точку зрения, представленную в работе [Bartmiński et alii 2002: 107], где указывается на многосторонность стереотипного образа народов, т.е. на то, что образ содержит и положительные и отрицательные аспекты. Так как объем статьи не позволяет представить весь материал из вышеупомянутых работ, сосредоточимся на самом поиске в корпусах и ограничимся некоторыми иллюстрирующими примерами. Корпуса, о которых здесь идет речь, предоставляют разные возможности поисковых запросов; напр. пользователь может искать или отдельные слова или последовательность лексем. Как показывают работы [Grillborzer 2004], [Lochmann 2004] и [Muromova 2004], в которых анализируются результаты разных поисковых запросов, напр. поисковая выдача запроса „прилагательное + этноним” содержит множество примеров со специфической референцией этнонима, где этноним употребляется в прямом значении и не отражает никаких стереотипов как в примере:

(1) Это сказал проницательный англичанин Альфред Нокс [„Известия”, 24.02.2003].

Оказывается, что запрос „как + этноним” с возможным расстоянием от 1 до 3 между обоими выражениями и запрос „но- + наречие этнонима”² дают относительно небольшое количество „шума”. Первый запрос выдает не только такие примеры как:

(2) Где вы наберете аккуратных, как немцы, работников? [„Огонек”, 2001, 30],

но, благодаря определению расстояния между словом *как* и этнонимом, и такие примеры как:

(3) Джон, как всякий англичанин, безукоризненно вежлив.[...] Джон, как истинный англичанин, умеет слушать — внимательно и пытливо [„Звезда” 2003, 6].

3.1. Сравнения

При сравнениях названный народ рассматривается как образцовый носитель признака. Сам признак приводится в большинстве случаев в виде прилагательного или наречия. В некоторых случаях, однако, коннотативное значение национального названия настолько однозначно, что упоминание подразумеваемого признака излишне и сравнение осуществляется без его употребления. Вот примеры:

¹ Оба корпуса общедоступны на интернете: <<http://ruscorpora.ru>> и <www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/>.

² Выражения, использованные при поиске: „*kak francuz.**”, „*kak nem(e)c*” и т.д. и [...] „*po-.+ki*”.

как немец

(4) [...] на который у них купон , чтобы сэкономить десять центов. Не потому, что они экономные, как немцы, а потому, что у них реально нет этих десяти центов! [„Огонек” 2000, 46],

(5) Ну ты, как немец, - пунктуальный и точный [„Огонек” 2000, 46],

(6) Где вы наберете аккуратных, как немцы, работников? [„Огонек” 2001, 30],

(7) Это одно из наших самоутешений: вот мы не такие рациональные, как немцы, зато добрые, душевные, глубокие, чувствительные [„Огонек” 2001, 33],

(8) Разделились Чехия со Словакией. Но эти, хоть и славяне, повели себя как немцы. Все посчитали, потом поделили [„Огонек” 2001, 48],

(9) [...] и очень боюсь, что наши тины скоро станут такими же дебилами, как немцы [„Огонек” 2001, 38];

как француз

(10) [...] в Москве жил быстро вошедший в моду французский доктор, огромный ростом, красавец, любезный, как француз, и, как говорили все в Москве, врач необыкновенного искусства [Толстой, Война и мир],

(11) Я уже говорил тебе вчера , но ты все не понимаешь. Ламберт , ты – ребенок и глуп, как француз [Достоевский, Подросток];

как англичанин

(12) Роскошь нужна была там, за стеной, где президент Джозеф Маккроски, чопорный, как английский лорд , принимал особо важных персон [Андрей Таманцев, Двойной капкан];

как итальянец

(13) Дугони, как все итальянцы, был очень романтичен, даже поэтичен [Лопато, Волшебное зеркало воспоминаний 2002–2003];

как цыгане

(14) [...] покупал, как и все, на Серебряном и Золотом базарах мелкие сувениры у назойливых, как цыгане, торговцев [Андрей Таманцев, Двойной капкан).

3.2. Прилагательные и наречия

Как прилагательные так и наречия имеют чаще всего несколько коннотаций, из которых одна активизируется в зависимости от контекста. Как уже упоминалось выше, в некоторых случаях однозначности коннотационных значений слово, выражающее признак, опускается, как на пример в оборотах:

(15) *(с)делать что-то по-молдавски / по-казахски / по-узбекски* и т. д., ‘(с)делать что-то необычным и нерациональным способом’.

В общем, что касается их употребления, прилагательные и наречия мало чем отличаются от сравнений. Вот некоторые примеры из тюбингенского корпуса:

по-африкански

(16) *Парни-мужики и курящие девицы выкрикивали что-то хрипкое, дикое, по-африкански „выразительно“ вертели задами, [...]* [Астафьев, Паруня];

по-английски

(17) *[...] г-жа Кроули, приехавшая из Англии с мужем и детьми. Потрясенные дети сидели по-английски, не шелохнувшись [...]* [„Огонек” 1997, 16];

по-немецки

(18) *Все чистенькое, умытое, ухоженное, по-немецки стерильное, украшенное цветами кажется нашему подсознанию фальшивым, лишенным правдивости [...]* [„Огонек” 1996, 38],

(19) *[...] „Девушка Розмари“, режиссер Берндт Айхингер, немного авантюры, немного по-немецки извращенного Эроса* [„Огонек” 2000, 14];

по-европейски

(20) *При попытке разрезать его ножом (по-западноевропейски, чинно) [...]* [„Огонек” 1997, 17],

(21) *Даже внешне Мария изменилась. Изячно, по-европейски одетая [...]* [Юрий Дольд-Михайлик, У Черных рыцарей],

(22) *На что Шубарин обычно отвечал по-европейски рассудительно [...]* [Рауль Мир-хайдоров, Пешие прогулки],

(23) *И шведов, и французов, и немцев на свете не прибывает — однако живут и не стонут, по-европейски прагматично ищут разумные выходы* [„Огонек” 2001, 34];

по-еврейски

(24) *маленькие карие глазки его глядели совершенно по-еврейски и движения его были порывисты* [Лесков, *На ножах*];

по-цыгански

(25) *Золотозубый, простецки-фамильярный новый начальник оказался по-цыгански навязчив* [Сергей Алексеев, *Пришельцы*].

Представленный в этом разделе материал из корпусно-лингвистического анализа является важным дополнительным источником для анализа национальных стереотипов в коннотациях русских этнонимов. Как показывают примеры: (9) *наши тины скоро станут такими же дебилами, как немцы* и (19) *немного по-немецки извращенного Эроса* с помощью корпусно-лингвистического метода можно выявить не только стереотипы о народностях как таковых, но и такие стереотипы, которые относятся к определенным группам, в данном случае, к немецким тинам и немецким режиссерам.

4. Коннотации и стереотипы

Люблинская этнолингвистика исходит из того, что коннотации этнонимов отражают реальные стереотипы и поэтому прямо отражают языковую картину мира. [Bartmiński, Panasiuk 2001: 375] указывают на факт, что коннотации могут восходить к актуальным стереотипам или к стереотипам, которые потеряли актуальность и функционируют лишь как „память слова”. Материал из предыдущего раздела отражает много актуальных стереотипов русских о других национальностях. Другой пример актуальных стереотипов, содержащих негативную оценку соседней народности, находим в употреблении этнонимов в области качества товаров. Небезынтересно, что низкое качество изготовления обычно не ассоциируется со странами третьего мира, а с таким соседним народом, который считается технологически менее развитым. Здесь связь с национальным стереотипом довольно очевидна:

русск. пример из Казахстана: *казахская сварка*,
хорватск. *albanska tehnika, albanska nauka*,
словацк. *rumunská technika*.

В следующем разделе представятся дальнейшие случаи употребления этнонимов и анализируется их связь со стереотипами в смысле Шаффа.

4.1. Коннотации, восходящие к историческим стереотипам

Отдельную группу составляют напр. коннотации, касающиеся турок и татар. При употреблении слова *турок* в качестве бранного слова у опрашиваемых лиц не вызывалось ассоциаций с жителями Турции. К коннотациям, восходящим

к историческим стереотипам, относятся напр. коннотации этнонима *татарин* как в знакомой поговорке *Незванный гость хуже татарина*. Здесь активизируется признак ‘опасный враг’, который уже не соответствует современным стереотипам среднего русского о татарах. Частое употребление этнонима *татарин* в стереотипных выражениях в современном русском языке объясняется его вpletением в прочный контекст устойчивых выражений и поговорок. Здесь больше не наблюдается непосредственной связи с татарским народом. Третий пример исторического стереотипа находим в вышеупомянутом предложении [11] Достоевского: *глуп как француз*. Таким образом, коннотации могут консервировать старые, уже неактуальные стереотипы.

4.2. Употребления, косвенно отражающие стереотипы

Нами выдвигается гипотеза, что не все употребления этнонимов прямым образом отражают национальные стереотипы. Исходя из определения стереотипа Шаффа, мы можем принимать за стереотипы только те значения, которые относятся к области человеческих отношений и человеческой деятельности в широком смысле. Данные из разных языков показывают, что коннотации этнонимов могут отражать не только специфические стереотипные представления о других национальностях (гетеростереотипах), а косвенным образом могут служить компонентами позитивной автостереотипизации.

В таком смысле этнонимы иногда употребляются для обозначения моделей поведения, не соответствующих принятым нормам в собственной культуре, причем такое поведение приписывается другой, часто соседней, национальности.

Отклонения от принятых норм поведения:

1) русский пример: *попрощаться по-английски*, польск. *wyjść po angielsku*, словацк. *anglicky zmiznúť*; в России, Польше и Словакии принято, что гости прощаются с хозяем и с другими гостями. Интересен тот факт, что то же самое значение по-испански выражается фразеологизмом *se despidió a la francesa* ‘ушел по-французски’. Похожее значение имеет английский фразеологизм *to take French leave* (‘взять французский отпуск’ = ‘прогуливать’),

2) в английском языке *to go Dutch* ‘пойти по-голландски’ значит, что каждый гость в ресторане или баре платит сам за себя. То же самое значение имеет турецкое словосочетание *alman hesap* ‘немецкий счет’. Обычно в Великобритании и Турции гости платят по счету вместе или один приглашает остальных гостей.

Вредные привычки:

англ. *dutch courage* ‘смелость, возникающая после употребления алкоголя’, словацк. *fajuit’ ako turek* ‘курить как турок = курить как труба’.

Сексуальные практики:

немецк. *es auf französisch machen* / английск. *to french* ‘заниматься оральным сексом’,

английск. *French letter* ‘французское письмо = кондом’, *French kiss* ‘французский поцелуй’,

французск. *capote anglaise* ‘английская шинель = кондом’.

Непонятность языка или положения дел:

английск. *double Dutch* ‘двойной голландский’, *its all Greek to me* ‘все это для меня по-гречески’, немецк. *das sind böhmische Dörfer* ‘это для меня чешские деревни’, русск. *это для меня китайская азбука*, польск. *tam idzie czeski film* ‘там идет чешский фильм’, чешск. *to je pro mne španělská vesnice* ‘это для меня испанская деревня’, польск. *siedzieć jak na niemieckim kazaniu* ‘сидеть как на немецкой проповеди’; похожее значение имеет испанский оборот *hacer se el sueco* ‘делать из себя шведа = притворяться глупым’.

Следующие примеры иллюстрируют случаи, где связь между признаком и стереотипом так слаба, что можно говорить о приближении к омонимии. Этнонимы иногда функционируют как проекция всего негативного. Это довольно ярко проявляется при употреблении этнонимов, обозначающих вредных насекомых, например, тараканов:

русск. *прусак*, польск. *prusak*, французск. *allemand*, словацк. *švab*.

Присутствие вредных насекомых в жилых домах только теоретически можно было бы приписать неопрятности жителей, но это не соответствовало бы стереотипу о немцах. Нечто подобное можно наблюдать при обозначении болезней, к примеру:

русск. *американский гнилец*, *английская болезнь*,

немецк. *französische Krankheit* ‘французская болезнь’,

английск. *German measles* ‘корь’.

4.3. Употребления, не отражающие стереотипы

Как показывают исследования, проведенные на материале польского, немецкого и хорватского языков [Komenda 2003] и [Romić 2005], многие производные прилагательные и существительные, образованные от этнонимов, относятся к продуктам питания, предметам или изобретениям. Некоторые из них носят терминологический характер. Ср. следующие примеры:

Продукты/блюда:

русск. *греческий салат*, *итальянский салат*, *кофе по-турецки*,

немецк. *holländische Soße* ‘голландский соус’, *Russischbrot* ‘русский хлеб – кексы в форме букв’, *Russenmaß* ‘литр пива с кока-колой’ (Бавария),

хорватск. *francuzka salata* ‘французский салат’.

Профессиональные термины для обозначения предметов, веществ и живых существ:

русск.: *французский ключ, английский ключ, французский рысак, английская соль* ‘магния сульфат’, *английский рожок* ‘вид гобоя’,

польск. *klucz francuski, japonki*,

хорватск. *francuski ključ, francuski balkon, engleski buldog*,

словацк. *francúzsky kl'uč*.

Такие дериваты этнонимов функционируют или когда-то функционировали как показатели (предполагаемого) происхождения вещи [Romić 2005]. Если исходить из того, что стереотип является суждением о целом классе индивидов, которое всегда содержит эмоциональный компонент (см. раздел 2), можно прийти к выводу, что такие дериваты не отражают стереотипов о названном народе. В то время как выражения типа *греческий салат* или *japonki* еще содержат семантический компонент происхождения, то такие сочетания как *английский ключ* или немецк. *Russischbrot* его уже полностью утратили. Здесь мы имеем дело с лексикализацией, т.е. с переходом к новому, семантически не мотивированному значению. Как видно из примеров, именно названия предметов и блюд имеют тенденцию к лексикализации. Этим свойством они отличаются от стабильных коннотаций, восходящих к стереотипам.

4.3. Ассиметрия в отношениях между коннотациями и стереотипами

В конце этого раздела хотелось бы еще остановиться на двух проявлениях ассиметрии отношений между коннотациями и стереотипами. Одним из важнейших результатов корпусно-лингвистических исследований является то, что гетеростереотипы и автостереотипы в коннотациях этнонимов представлены неравным образом. В то время как мы находим в полисемии, словообразовании, коллокациях и фразеологизмах богатейший материал, отражающий гетеростереотипы, то материала с автостереотипами удалось найти гораздо меньше. Напр. [Krüger 2004], которая анализировала корпус немецкого языка „Wortschatz Deutsch”³, не нашла почти никаких коннотаций в употреблении этнонима *Deutsch(e)r* ‘немец(кий)’.

Вторая ассиметрия касается распределения стереотипных коннотаций по народам. Бросается в глаза, что в русском языке стереотипы о цыганах и евреях нашли более сильное отражение в коннотациях, чем стереотипы напр. о французах или англичанах; ср. словообразовательное гнездо ЦЫГАН: *цыганить, выцыганить, цыганский, цыганищина* и т.п. [Grillborzer 2004] указывает на то, что глаголы представляют собой самую маленькую группу производных этнонимов. Только два из найденных в словаре [Даля 1912] четырёх глаголов

³ <<http://wortschatz.uni-leipzig.de>>.

были известны кругу опрашиваемых лиц, а также примеры их употребления были обнаружены в тюбингенском корпусе: *цыганить* ‘обманывать’ и *выцыганить* ‘выпросить’. Производные глаголы *французить* и *англизировать*, которые употребляются очень редко, не содержат элементов стереотипизации; ср.:

французить: ‘делать что-то как французы, подражать французам’,
англизировать (лошадь): ‘подстригать лошадям гриву и хвост особым способом’.

Стереотипные убеждения относительно цыган и евреев имеют очень узкий и довольно однозначный диапазон и проявляют удивительную устойчивость и прочность, даже спустя столетия. Поэтому они больше представлены в коннотациях, чем стереотипные убеждения о других народностях.

Выводы

Сумируя все выше изложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, корпусно-лингвистический метод выявляет богатый материал для анализа национальных стереотипов в коннотациях этнонимов. С помощью этого метода можно анализировать и актуальные изменения стереотипов. Во-вторых, коннотации не следует отождествлять со стереотипами; не все они связаны с явлением стереотипизации; коннотации отражают только часть релевантных стереотипов.

Библиография

- Apresjan Ju. D. (1995) *Konnotacija kak čast' pragmatiki slova. Leksikografičeskij aspekt. W: Izbrannye Trudy II: Leksičeskaja semantika. Integral'noe opisanie jazyka.* Moskva, 156–177.
- Bartmiński J. et alii (2002) *Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie.* Etnolingwistyka 14, 105–151.
- Bartmiński J., Panasiuk J. (2001) *Stereotyp językowy.* W: Bartmiński J. (red.) *Współczesny język polski.* Lublin, 371–397.
- Chlebda W. (2002) *Polak przed mentalną mapą świata.* Etnolingwistyka 14, 9–26.
- Dal' V. (1912) *Tolkovyyj slovar' živago velikoruskago jazyka.* S.-Peterburg/Moskva. Etnolingwistyka 14.
- Grillborzer Ch. (2004) *Sekundäre Bedeutungen von Nationalitätsbezeichnungen im Russischen. Inwiefern sich die nationalen Stereotypen in der Sprache widerspiegeln.* Ms. Regensburg.
- Iordanskaja L. N., Mel'čuk I. A. (1980) *Konnotacija v lingvističeskoj semantike.* Wiener Slavistischer Almanach 6, 191–210.
- Kobozeva I. M. (1995) *Nemec, angličanin, francuz i russkij: vyjavlenie stereotipov nacional'nyh charakterov čerez analiz konnotacii etnonimov.* Vestnik Moskovskogo universiteta 3 Serija 9. Filologija, 102–116.
- Komenda B. (2003) *Sekundäre Bedeutungen von Nationalitäts- und Länderbezeichnungen im Deutschen und Polnischen.* Frankfurt/M.
- Krüger J. (2004) *Das Data-Mining-Tool im Projekt „Wortschatz Deutsch“ und Ethnostereotypen.* Regensburg Ms.
- Lippmann W. (1922) *Public opinion.* New York.
- Lochmann T. (2004) *Sprachliche Ethnostereotype in der russischen Presse. Kollokationsanalysen anhand des russischen Nationalkorpus.* Ms. Regensburg.

- Markefka M. (1999) *Ethnische Schimpfnamen - kollektive Symbole alltäglicher Diskiminierung*. 1. + 2. Teil. Muttersprache 2, 97-123 und 193-302.
- Muromova Ks. (2004) *Sprachliche Ethnostereotypen in der russischen Presse*. Ms. Regensburg.
- Pisarkowa K. (1976) *Konotacja semantyczna nazw narodowości*. Zeszyty Prasoznawcze 1, 5–26.
- Romić D. (2005) *Sekundäre Bedeutungen von Nationalitäts- und Länderbezeichnungen im Kroatischen*. Ms. Regensburg.
- Schaff A. (1980) *Stereotypen und das menschliche Handeln*. Wien.
- Winkler A. (1994) *Ethnische Schimpfwörter und übertragener Gebrauch von Ethnika (Ein erster Überblick mit Glossar)*. Muttersprache 4/94, S. 320–337.

SUMMARY

Economical as Germans. Ethnic stereotypes and their reflection in the connotations of ethnonyms in Russian and some other languages

The contribution deals with ethnonyms and their relationship to ethnic stereotypes with special focus on Russian and some other European languages. It addresses both methodological and theoretical questions. First, it advocates the use of large electronic corpora for the study of stereotypical usages of ethnonyms and demonstrates how a corpus of linguistic data can enhance the study of stereotypes encoded in linguistic structures. Second, it addresses the relationship between mental stereotypes in the sense of Adam Schaff and semantic associations (connotations) encoded in polysemy, derivatives and idiomatic expressions. It is argued that although many connotations indeed do reflect ethnic stereotypes, we can find other cases where the connection is only indirect or has faded away completely. The author comes to the conclusion that notwithstanding a considerable overlap connotations and stereotypes are not identical and, therefore, should be kept apart.

Zasady przygotowania do druku prac naukowych do czasopisma „Acta Neophilologica”

1. W roczniku drukowane są artykuły naukowe z reguły w następujących językach: angielskim, niemieckim, polskim oraz rosyjskim.

2. Każdy tom składa się z dwóch działów: **Językoznawstwo i glottodydaktyka, Literaturoznawstwo i kulturoznawstwo.**

3. Autor dostarcza sekretarzowi Redakcji wydruk komputerowy pracy wraz z tekstem w wersji elektronicznej (dyskietka, CD) i streszczeniem w **języku angielskim.**

4. Objętość streszczenia nie może przekraczać połowy strony znormalizowanego wydruku.

5. Wydruk powinien być wykonany na papierze formatu A-4, zadrukowanym jednostronnie. **Preferowany edytor tekstu: Word.** Czcionka: Times New Roman, wielkość czcionki – 12; odstęp między wierszami – 1,5. Marginesy każdej kartki wydruku powinny mieć następujące wymiary: górny i dolny – po 25 mm, lewy – 35 mm, prawy – 25 mm.

6. Objętość artykułów nie powinna przekraczać 12 stron znormalizowanego maszynopisu.

7. Propozycje wyróżnień autor zaznacza w tekście ołówkiem.

8. Kursywą podajemy tytuły cytowanych pozycji zwartych i artykułów (w tekście, bibliografii i przypisach).

9. W cudzysłów (bez kursywy) ujmujemy w tekście tytuły rozdziałów (powieści i prac naukowych) oraz tytuły czasopism. W przypisach podajemy pismem prostym i bez cudzysłowu.

10. Cytaty ujmujemy w cudzysłów (bez kursywy), fragmenty opuszczone należy oznaczyć trzema kropkami w nawiasach kwadratowych; w kwadratowych nawiasach umieszcza się wszystkie odautorskie komentarze.

11. W roczniku stosujemy dwa rodzaje przypisów:

A. W dziale **Językoznawstwo i glottodydaktyka** system „nazwisko data”. W tekście w nawiasie kwadratowym powołujemy się na pozycję z bibliografii podanej po tekście, umieszczając nazwisko, datę i ewentualnie stronę, np. [Iwaszkiewicz 1961: 75]. W bibliografii (Bibliografia, Bibliography, Bibliografie, Библиография) pozycje podaje się w kolejności alfabetycznej, natomiast prace jednego autora według roku wydania od najstarszych do najnowszych, np.:

Bartmiński J. (1999). *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*. W: J. Bartmiński (red.) *Językowy obraz świata*. 2 wyd. Lublin, Wyd. UMCS.

Iwaszkiewicz J. (1961). *Słowo o Tołstoju*. Twórczość 1.

Iwaszkiewicz J. (1977). *Podróże do Włoch*. Warszawa, PIW.

Ten system dopuszcza przypisy objaśniające, umieszczone na dole strony.

B. W dziale **Literuroznawstwo i kulturoznawstwo** numer przypisu umieszczamy w tekście, tekst przypisu – na dole strony, np.:

¹ J. Iwaszkiewicz, *Słowo o Tołstoju*, Twórczość 1961, nr 1, s. 75.

² J. Bartmiński, *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, w: *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, 2 wyd., Lublin, Wyd. UMCS 1999, s. 103–120.

³ J. Iwaszkiewicz, *Podróże do Włoch*, Warszawa, PIW 1977, s. 82.

We wszystkich językach stosujemy skróty ibidem, idem, op. cit.